

Никейя
Центр
∞

ПАСХАЛЬНАЯ ВЕСТЬ

Кирилл
Патриарх Московский и всея Руси

Для бесплатного распространения

АНО «ЦЕНТР НИКЕЯ» 2015

УДК 271.2
ББК 86.372
К 43

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р15-502-3006*

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси
К 43 Пасхальная весть. – М.: Никея, 2015. – 320 с.
ISBN 978-5-91761-416-8

Данное издание представляет собой центральную часть книги Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Слово пастыря» (М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004). Настоящая книга открывает современному читателю, чувствующему ответственность за судьбы Отечества и мира, верующему в торжество добра над злом и задумывающемуся о смысле человеческой жизни, реально существующую связь времен, сопрягающую отстоящие от нас на тысячелетия события Священной истории с нашей повседневной жизнью и нашим будущим.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-416-8

© Кирилл, Патриарх Московский
и всея Руси, 2015
© АНО «ЦЕНТР НИКЕЯ», 2015

Содержание

О Богочеловечестве.....	8
О Святой Троице.....	11
Исторические свидетельства об Иисусе Христе.....	17
О происхождении Евангелия.....	21
О достоверности Евангелия.....	25
О Благовещении Пресвятой Богородицы.....	29
О Рождестве Христовом.....	33
О Богоявлении — Крещении Господнем.....	37
Начало общественного служения	
Иисуса Христа.....	41
Искушение Христа в пустыне.....	45
О Заповедях Блаженств.....	49
Нагорная проповедь.	
Соотношение Ветхого и Нового Заветов.....	76
Нагорная проповедь.	
Основные положения христианской этики:	
непротивление злу и любовь к врагам.....	80
Нагорная проповедь.	
Молитва Господня.....	85
Нагорная проповедь.	
Основные положения христианской этики: о посте.....	90
Нагорная проповедь.	
Основные положения христианской этики:	
нравственные приоритеты в жизни.....	95
Нагорная проповедь.	
Основные положения христианской этики:	
неосуждение ближнего.....	100

Нагорная проповедь.	
Основные положения христианской этики:	
два пути в жизни	104
Чудо. Чудеса Христовы	109
Чудо в современном мире	117
Притчи Спасителя	121
Палестина — земное отечество	
Иисуса Христа	125
Основные этапы земной жизни Иисуса Христа:	
Иордан — Галилея — Иерусалим	128
Основные этапы земной жизни Иисуса Христа:	
Самария — Назарет — Капернаум — Иерусалим	133
Возвращение в Галилею	138
Призвание апостолов на проповедь	142
Пророческое служение Иоанна Крестителя	146
Чудо насыщения пяти тысяч	150
Проповедь Спасителя о Хлебе Жизни	154
Христос в Сирофиникии	158
Окончание общественного служения	
Иисуса Христа в Галилее	160
Слово о Кресте	165
Преображение Господне	174
Последнее путешествие	
Иисуса Христа в Иерусалим.	
Избрание семидесяти апостолов	178
Иисус Христос на празднике Кущей в Иерусалиме	182
Иисус Христос в Иудее.	
Притча о милосердном Самарянине	187
Марфа и Мария.	
Иисус Христос на празднике Обновления храма	192
Иисус Христос в Заиорданской области.	
Учение о загробной жизни	197
Иисус Христос о конце света.	
Притча о мытаре и фарисее	202
Возвращение Иисуса Христа в Иудею.	
Воскрешение Лазаря	207
Иисус Христос и дети	212
Иисус Христос в Заиорданской области.	
Притча о богатом юноше	217

Возвращение в Иудею.	
Иисус Христос в Вифании. Шесть дней до Пасхи.....	222
Торжественный вход Господа в Иерусалим	226
Иисус Христос в Иерусалиме	230
Страстная неделя.	
Предсказание о разрушении Иерусалима и кончине мира	234
Страстная неделя.	
Иисус Христос о Втором пришествии и Страшном суде...	238
Страстная неделя.	
Предательство Иуды	242
Страстная неделя.	
Великий четверг	246
Страстная неделя.	
Тайная вечеря.....	250
Страстная неделя.	
Прощальная беседа с учениками	254
Страстная неделя.	
Первосвященническая молитва.....	264
Молитва Спасителя в Гефсиманском саду.....	268
Взятие Спасителя под стражу	272
Суд синедриона	275
Отречение Петра и смерть Иуды	280
Иисус Христос перед Пилатом. Распятие	284
Крестная смерть Спасителя.....	289
Воскресение Христово	294
Пасха Христова.....	298
Явление Иисуса Христа ученикам.....	301
Вознесение Господне	305

О Богочеловечестве

Начнем разговор о Новом Завете с темы Богочеловечества. Первородный грех не лишил человека призвания к жизни с Богом, но отнял возможность осуществить это призвание. Грех стал средостением, преградой между Богом и человеком. Ветхозаветная история свидетельствует о том, что преодолеть эту преграду своими силами человек оказался не способен.

Бог устанавливает с людьми завет-союз, обещая им Свое благословение в ответ на их веру и верность. Но несмотря на это великое обетование, несмотря на постоянную помощь и водительство Божие, сил у людей хватало лишь на то, чтобы в пределах малого избранного народа сохранять единобожие, постоянно при этом то теряя, то обретая веру в единого истинного Бога. Подлинное же общение с Богом оставалось для них недостижимым. Разумеется, Творец мог бы одним мановением вернуть людям без каких-либо усилий с их стороны утраченный ими рай, вновь одарить их Своею благодатью и Божественной энергией, и тогда род человеческий без труда вырвался бы из притяжения греха. Правда, в этом случае люди оказались бы слепыми, неразумными и безвольными объектами приложения высшей силы. Что случилось бы со свободой, которой Бог благоволил их наделить? Получается, что возвращение человека в рай помимо его воли и усилия означало бы нарушение Божественного о нем замысла, ибо Творец создал нас по образу Своему — свободными.

Говоря о книге Бытия, мы упоминали, что при изгнании Адама и Евы из рая Бог дал первым людям особое обетование, предсказав, что семя жены сотрет главу змия. Это

означало, что спасению надлежит совершиться через Кого-то, Кто родится от жены. Иными словами, обретение рая и возвращение к Богу подразумевали неперенное и активное участие самих людей, дабы обнаружилась свойственная человеку Божественная свобода и не был умален образ Творца в человеческой личности.

И Бог предлагает нам поистине удивительное средство спасения, в котором великий дар человеческой свободы сочетается с Божественным участием в нашей судьбе. Сам Бог вступает в поток человеческой истории, вочеловечивается, соединяя в личности Иисуса Христа Свою Божественную природу и свободу с человеческой природой и свободой. В Иисусе Христе Божественное и человеческое объединяются для совместной борьбы с грехом и диаволом, ради возвращения в рай всего человеческого рода, ради спасения людей.

Замысел Творца о мире и человеке остается для нас непостижимой тайной. Мы не можем проникнуть в ее глубину, не можем ее рационально осмыслить. Мы никогда не сможем ответить на вопрос: почему Бог восхотел именно так, а не иначе устроить бытие этого мира и определить течение человеческой истории? В этом отношении всякие дерзкие вопрошания: «Почему? Зачем? С какой целью?» — лишены смысла. Но именно эти вопрошания нередко мешают нам обрести веру. «Почему Бог допустил и допускает зло? Зачем нужно было Ему непременно страдать ради спасения людей?..» Не имея возможности осмыслить эту тайну, мы можем только, прикоснувшись к ней, благоговейно склониться перед ее непостижимостью и сказать в душе своей: «Верую, Господи, ибо совершилось по слову Твоему».

Разные мыслители по-разному пытались истолковать побудительные причины Боговоплощения. Но, наверное, нет более достоверного объяснения, кроме одного: любви Божией к человеку. Только движимый великой любовью к роду человеческому, Бог мог послать на вольное страдание и Крестную смерть Единородного Сына Своего.

К сожалению, понятие любви претерпело в современном обществе настолько существенную деформацию, что люди уже не способны видеть в ней серьезную мотивацию поступков. Поэтому иным людям так трудно представить себе любовь Божию как побудительную причину к спасению людей.

Можно вообразить себе (хотя это, видимо, и очень редкое явление в нашей жизни) девушку, которая из любви к больной матери и по необходимости за ней ухаживать отказывается от вступления в брак. Или, напротив, представить себе мать, отказывающуюся от собственной личной жизни и человеческого уюта ради неизлечимо больного ребенка. Сила любви и дар самоотвержения этих женщин таковы, что делают бессмысленными все доводы против их поступков.

Да, Господь ведал, что, несмотря на Крест и Воскресение Его, человечество до конца не исцелится, что в мире людей будут торжествовать и грех, и непотребство, и грязь, и жестокость, и коварство. Так что же, напрасен был подвиг Спасителя и нет ответа на вопрошание скептиков: «Если Бог знал, что все будет так, зачем же Он пошел на крест»? Ответ есть, он прост и краток: потому что Он действительно любит нас.

Бог любит нас! Эта основополагающая религиозная истина с великой силою открывается именно в Богочеловечестве. В Ветхом Завете Бог предстает людям как Творец Вселенной, всемогущий покровитель избранного народа и его грозный учитель. В Новом Завете Бог является во плоти, становясь Сыном Человеческим, плотником по имени Иисус из города Назарета. Это явление Бога во плоти есть великое и прекрасное откровение Божественной любви. Прикосновение к тайне этой любви как бы упраздняет все возможные вопросы о непомерности жертвы, принесенной Спасителем за развращенный род людской. Ибо бесконечная любовь Божия о нас все объясняет и обнимает собою все.

Будучи свободными в выборе своего жизненного пути, мы имеем возможность ответить на эту Божественную любовь своею любовью, дабы пребывать в союзе и единстве с нашим Спасителем. Бог возлюбил нас и любит более, нежели плотские наши сродники и самые близкие люди. А это значит, что Богочеловечество разрушило средостение между Богом и человеком, соединив Божественную и человеческую природы в единой личности Богочеловека Христа. И через Него мы можем обращаться ко Творцу, называя Его «Отец».

О Святой Троице

Новый Завет состоит из книг, именуемых «Евангелием», «Деяниями святых апостолов», «Посланиями святых апостолов» и «Апокалипсисом». По своему объему Новый Завет меньше, чем Ветхий Завет, но в нем содержатся истины, помогающие уяснить смысл Ветхого Завета и во многом обогащающие наше представление о Боге. Из Нового Завета мы получаем наиболее полное представление о том, что есть Бог.

Сам Господь Иисус Христос свидетельствует: «Я и Отец — одно» (Ин. 10: 30), и: «видящий Меня видит Пославшего Меня» (Ин. 12: 45).

В нескольких местах Спаситель говорит, что Он есть *Сын Божий*. Неоднократно в речи Господа встречается и упоминание о *Святом Духе*, Который ниспосылается от *Отца* по ходатайству *Сына*. И, наконец, Он напутствует апостолов словами: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19).

В отличие от Ветхого Завета, Новый Завет говорит о Боге как о едином существе в трех Лицах — об Отце, Сыне и Святом Духе. Бог есть единство трех Лиц, имеющих одну и ту же Божественную природу, которая во всей полноте принадлежит каждому из трех Лиц, так что они являют собою не трех Богов, но одного, единого Бога. И вместе с тем в Нем присутствуют три Божественные Личности, три Лица, три Ипостаси. Это сочетание единства и множественности остается для человеческого воображения непознаваемой тайной.

Для человека, додумывающего свои мысли до конца, великое таинство Божественной природы есть доказательство

того, что только Бог мог дать людям подобное откровение. И в самом деле, если бы правы были Вольтер и его последователи, утверждавшие, переворачивая библейскую истину, что человек создал Бога по своему образу и подобию, то, наверное, такой Бог был бы в высшей степени доступен человеческому пониманию. Ведь человек не в состоянии измыслить того, что он сам не понимает: непостижимое изобрести нельзя. Когда человек выдумывает нечто, он старается быть убедительным для других людей. Откровение же о природе Божественного в Новом Завете воспринимается нашим разумом как непостижимая тайна. Но тогда не является ли это наилучшим свидетельством в пользу того, что учение о Святой Троице имеет Божественное происхождение?

Разумеется, Бог вовсе не преследует цели загадывать нам неразрешимые загадки. Просто Он безграничен и непостижим по Своей природе. И потому, доверяя нам тайну Своего бытия, Он тем самым ставит человека перед проблемой, которую наш разум не способен охватить в полной мере. И даже когда мы переступим границу, отделяющую земное существование от жизни вечной, когда окончательно перейдем в тот мир, где нам откроется многое, сокрытое ныне, — даже там и тогда мы не постигнем до конца тайны Божественной жизни. Потому что Бог и человек суть величины несоизмеримые; потому что критерии человеческого мышления, которые основываются на опыте нашей жизни, неприменимы к познанию Божественной тайны. За откровением о Троице скрывается тайна бесконечного Бога, и человек, будучи не способен проникнуть в глубину этой тайны, может лишь прикоснуться к ней и благоговейно об этой тайне свидетельствовать.

Из Нового Завета мы узнаем, что Бог есть Троица — некое таинственное триединство. Кстати, английское «*Тринити*», или французское «*Тринитэ*», или немецкое «*Драйайнихкайт*» и означает «Триединство». Славянское слово «*Троица*» есть синоним «Триединства».

«Никто не может ясно и полно постичь умом и выразить словом догмат о Пресвятой Троице», — говорит преподобный Симеон Новый Богослов. И все же, для того чтобы приблизиться к пониманию тайны Святой Троицы, отцами и учителями Церкви, то есть выдающимися богословами древности,

была разработана специальная терминология. В частности, были сформулированы два понятия: природа (по-гречески «*усия*») и лицо («*ипостасис*»). Природа есть некая общая категория, присущая тому или иному явлению или существу. Например, говоря о «человеческой природе», мы подразумеваем, что столь различные и несхожие индивидуумы вместе с тем обладают и общими, едиными для них признаками, которые составляют их природу. Таким образом, люди имеют человеческую природу, звери — природу животную и так далее.

Святые отцы говорили о природе Бога как о категории, общей для всех трех Божественных Лиц. Что же касается лица (иначе «*ипостасис*», по-славянски — *ипостась*), то это есть личность, совокупность отличительных черт. Понять отличие природы от лица помогает следующая аналогия: каждый человек обладает человеческой природой, но при этом является личностью, отличной от других человеческих личностей.

Бог не есть существо о трех головах и с тремя лицами. Бог — это единая природа, которая в полной мере выражается в каждой Божественной ипостаси, в каждой Божественной личности. Христиане верят в единого Бога. Чтобы лучше уяснить это, прибегнем к доказательству от противного.

Человек обладает свойственной людям природой. Но нет и не может быть такой личности на земле, которая включала бы в себя все богатство человеческих типов, интеллектов, темпераментов, эмоциональных и волевых качеств, то есть объединила бы в себе то, что присуще всему роду человеческому, всей совокупности человеческих личностей, вместе взятых. Такой сверхчеловеческой личности, которая оказалась бы способна вобрать в себя все человечество без остатка, быть не может. А вот в каждой Божественной Личности, в каждом Лице Святой Троицы всецело и в абсолютной полноте представлена вся Божественная природа. Бог имеет единую природу, и каждое из Лиц Святой Троицы обладает полнотой этой природы. Поэтому следует говорить об одном, едином Боге, выражающем Свою природу в трех Лицах.

Эта трудная для постижения религиозная истина не может быть до конца воспринята людьми. Нам остается лишь использовать аналогии для того, чтобы приблизиться к пониманию тайны Божественной жизни. Разумеется, мы

прибегаем к отдаленным подобиям из опыта собственной жизни и используем явно недостаточные категории нашего мышления, сознавая всю условность подобных представлений. Но ведь верно и то, что человек познает Бога не разумом, а глубиной своего религиозного чувства.

Между тремя равными Ипостасями Святой Троицы существуют определенные отношения. Уже из одного наименования Бога Отца следует, что Его отношение к другим Лицам Святой Троицы есть отношение отцовства.

Слово Божие и учение Церкви свидетельствуют о том, что Бог Отец предвечно рождает Бога Сына. «Предвечно» — значит вне времени, всегда. Истина предвечного, вневременного рождения Сына непостижима для человеческого сознания. Но опять-таки путем наших несовершенных аналогий попытаемся прикоснуться к этой тайне. Мы знаем, что человеческая мысль порождается разумом. Мысль и разум нераздельны. Мысль есть производная разума, отражающая в себе его силу и сущность. Рассуждая о предвечном рождении Сына Божия Богом Отцом, можно прибегнуть к уподоблению их мысли и разуму — с той, однако, поправкой, что Сын Божий в полной мере являет в Самом Себе природу Бога Отца.

Богослов, церковный писатель и отец Церкви Василий Великий, живший в IV веке, в своей Евхаристической молитве называет Сына Божия «печатью равнообразной». То есть таким отражением Бога Отца, которое равным образом и во всей полноте заключает в себе Божественную природу. Не случайно апостол Иоанн Богослов начинает свое Евангелие словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

Это сказано о Сыне Божием, Которого апостол называет Словом (по-гречески «Логосом»), о втором Лице Святой Троицы — о Божественной Мысли и Божественной Премудрости, о «печати разнообразной», рождающейся от Бога Отца вне времени, несущей в Себе всю полноту Божественной жизни и Божественной природы.

А что же тогда Бог Дух Святой? Это Божественная энергия, предвечно исходящая от Бога Отца. Ибо не было такого времени, когда эта энергия не исходила бы, и не будет такого времени, когда она перестанет исходить. Исхождение Духа Святого не истощает природы Отца и Его личности, как

не истощает Его личности и Его природы предвечное, вне-временное рождение Сына. Бог всецело присутствует в Своей энергии, которую Он передает всему творению — окружающему миру. Эта Божественная энергия не является частицей Бога Отца, но включает в себя всю Божественную жизнь, всю Божественную природу. И в этом смысле Бог Дух Святой есть Бог в абсолютном явлении Своей природы, личный Бог и третья ипостась Святой Троицы.

Итак, каждое Лицо Святой Троицы имеет во всей полноте одну и ту же Божественную природу. Именно поэтому Троица и называется единосущной. Лица Святой Троицы, обладающие одной, то есть той же самой природой, являют собою нерасторжимое единство, они нераздельны.

Откровение о внутренней жизни Святой Троицы мы можем уразуметь, вновь обратившись к некоторым аналогиям из нашей человеческой жизни. Ведь единство существует и между человеческими личностями. Что же способно в максимальной степени обеспечить нераздельность индивидуумов, какая сила может предельно сблизить их? Существует только одна сила, способная совершить это, — сила любви. Подлинная любовь соединяет две личности столь органично и нерасторжимо, что они становятся единым целым. В гармоничной любви заложено стремление к полному единению. Но в любви и союзе двоих вовсе не разрушается личность каждого. Даже самый счастливый брак, теснейшими узами соединяющий двух людей, не только не разрушает их личностных особенностей, но, наоборот, усиливает и обогащает каждую из составляющих его половин.

Предел человеческой любви положен самой природой человека. Даже очень любящие люди не могут соединиться полностью, ибо таковое было бы против законов естества. Правда, бывают случаи беззаветной любви, когда один отдает жизнь за другого: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13).

В этом случае происходит как бы полная отдача себя другому, но при этом один погибает, прекращается его физическое существование.

Другими словами, в условиях земной реальности даже такая всевластная сила, как любовь, способна соединять,

пусть даже до смерти, но не в состоянии соделать двух единым целым. Однако невозможное для человека достижимо в бытии Божественном. Об этом замечательно написал Николай Васильевич Гоголь: «Бог весь одна любовь, содержащая в Своей Троице и любящего, и любимого, и само действие любви. Любящий — это Бог Отец, любимый — Бог Сын, и сама любовь, их связующая, есть Бог Дух Святой».

Новозаветное Откровение об устройении внутренней жизни Бога является основой всей христианской морали. Ибо мы узнаем, что сущностью Божества является любовь, и она же есть закон, по которому живет Бог внутри Себя. Но ведь человек создан по образу и по подобию Божию. И, следовательно, для того, чтобы уподобиться своему Творцу, также должен жить по закону любви, распространив его на все области общественных и межличностных отношений. Это имеет в виду Иоанн Богослов, говоря: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8).

Мы не только не сможем уподобиться Богу и приблизиться к Нему, но даже понять Бога не сможем, если не будем любить друг друга. Но если станем жить по законам любви, то опытом своего существования прикоснемся к жизни Божественной и так узнаем, что есть Бог.

Когда мы говорим о любви, то должны ясно понимать, о чем идет речь.

Любовь истинная — это не стремление овладеть другим ради наслаждения и не благодарность другому за доброе к себе отношение. Как первое, так и второе есть любовь не к другому, а к самому себе. Ибо когда мы любим другого человека, чтобы им наслаждаться, то мы через него себя самих любим, а не его. Когда мы любим другого только потому, что он любит нас и добр к нам, мы опять-таки любим себя. Но любовь истинная есть полная отдача себя другому. Отдавая, посвящая себя другому человеку, мы исполняем Божественный закон любви.

При совершении Таинства крещения новый член Церкви освящается во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Троицы Единосущной и Нераздельной и тем самым принимает на себя обязанность жить по закону любви, общему для Творца и творения.

Исторические свидетельства об Иисусе Христе

Для спасения человеческого рода Бог благоволил избрать особое средство — Боговоплощение, в котором Божественное всемогущество соединяется с человеческой природой. Богочеловечество явлено нам в Иисусе Христе — Сыне Человеческом и Сыне Божием, втором Лице Святой Троицы, Божественной Премудрости и Божественном Слове (Логосе).

Слово «воплощение» означает принятие плоти, соединение с плотью. Поскольку речь идет о плоти человеческой, это следует понимать как соединение Божества с человеческой природой. В личности Иисуса Христа и происходит соединение человеческой и Божественной природ — Боговоплощение.

Сын Божий является нам в исторической личности Иисуса из Назарета. Долгие годы в школах, институтах и университетах нас учили тому, что Иисус — это миф, ибо такой личности в действительности якобы не существовало. И когда люди ссылались на Евангелия, в которых рассказывается о жизненном пути Спасителя, псевдоученые, учившие о мифичности Иисуса Христа, отвечали, что Евангелия — это позднейшая фальсификация. При этом замалчивалось или ложно истолковывалось одно весьма важное обстоятельство, а именно — не евангельские исторические свидетельства о Христе. Причем свидетельства не учеников и самовидцев Спасителя, не Его последователей и сторонников, но либо нейтральных летописцев, либо, что особенно интересно, Его недругов и врагов христианства. А ведь истории известны и такие свидетельства.

Знаменитый еврейский историк Иосиф Флавий, живший на рубеже I–II веков, в дошедшей до нас книге «Иудейские древности» рассказывает, например, о смерти Иоанна Крестителя и об Иисусе Христе (книга 18), а также о некоем Иакове, называя его «родственником Иисуса, прозванного Христом» (книга 20). Мы знаем, что речь здесь идет о двоюродном брате Иисуса Христа — апостоле Иакове, который стал первым епископом Иерусалимской христианской общины и был еврейским синедрионом осужден на смерть через побиение камнями. Свидетельство же Иосифа Флавия об Иисусе атеистическая наука неоднократно пыталась опровергнуть как вставку позднехристианского переписчика «Иудейских древностей», сделанную в III–IV веках. Но вот в семидесятые годы теперь уже прошлого столетия в распоряжении ученых оказывается новонайденный средневековый арабский перевод, позволяющий реконструировать не дошедшую до нас сирийскую версию книги Флавия. Фрагмент о жизни и учении Иисуса Христа, хотя и разнящийся в деталях с известным нам и оспариваемым текстом, присутствует и в сирийско-арабской редакции.

Прославленный римский историк Светоний около 120 года написал книгу «Жизнь двенадцати цезарей», донельзя пользующуюся широкой популярностью. Говоря в ней об императоре Клавдии, он сообщает, что в 51 году тот изгнал из Рима «евреев, ставших под влиянием Христа постоянной причиной беспорядков».

Кроме того, крупнейший римский историк Тацит в III книге (глава XV) своего фундаментального сочинения «Анналы» также довольно подробно пишет о христианах в связи с пожаром, жертвой которого стал Рим: «Чтобы прекратить слухи о том, что император сам зажег пожар, Нерон придумал виновных и подверг утонченным мучениям тех, кого все ненавидели за их мерзости и кого народ называл христианами. Имя это происходит от Христуса, казненного при императоре Тиверии губернатором Понтием Пилатом. Подавленное было вначале, это отвратительное суеверие появилось снова — и не только в Иудее, в которой оно родилось, но также и в самом Риме, куда стекается все самое низкое и постыдное и находит приверженцев».

И еще один очень интересный документ. Его автор известен нам под именем Плиний Младший. В начале II века Плиний был римским губернатором в малоазийской провинции Вифинии и, кроме того, другом тогдашнего императора Траяна. Траян дал указание преследовать христиан как опасных преступников, которые, по его мнению, могут причинить ущерб интересам Римской империи.

Плиний сообщает своему другу императору о том, как именно он поступает с христианами, докладывая и одновременно испрашивая у него совета: «Вот какого поведения я придерживаюсь. После нескольких допросов с угрозами я казнь тех, кто упорствует, объявляя себя христианами. Некоторые отрицали, что они христиане, приносили жертвы перед статуями наших богов, даже проклинали Христа. Но говорят, что от настоящих христиан этого никогда невозможно добиться. Мой розыск доказал, что они собираются в определенные дни, перед восходом солнца, чтобы петь гимны Христусу, как Богу, и обязаться клятвой не в том, что они будут совершать преступления, а в том, что будут избегать воровства, разбоя и блуда. Наконец, они собираются вечером, чтобы разделить самую обыкновенную безобидную пищу. В моей провинции они очень многочисленны, настолько, что культ в храмах падает и мясо, принесенное в жертву богам, почти больше не находит покупателей».

В атеистическом государстве эти свидетельства скрывали, потому что в противном случае было бы невозможно их игнорировать, ложно уча о мифичности Христа и оспаривая историчность Его личности. Но возникает вопрос: зачем было фальсифицировать историю, держать в неведении целые поколения людей? Ведь на этом обмане не только строилось мировоззрение общества, но и создавались целые научные системы. Достаточно посмотреть многие из тогдашних так называемых «исторических» исследований о христианстве, чтобы убедиться: на ложном постулате о мифичности, легендарности Иисуса из Назарета было воздвигнуто здание целой «науки». Это невозможно объяснить ничем иным, кроме страха перед Галилеянином. Ведь, казалось бы, воинствующим атеистам можно было без особого ущерба для себя согласиться с тем очевидным фактом, что Иисус — историческая

личность, подобно тому как это сейчас делают иные неверующие. Правда, тут же уточняя, что, мол, никакой Он не Сын Божий и не Спаситель, а просто один из пророков, проповедник-идеалист и народный вождь.

Однако в действиях тех, кто скрывал правду о Христе, была своя логика. Потому что чтение Евангелия не может оставить безучастным ни одного человека, наделенного живую мыслью, воображением и чувством. Образ Христа настолько ярок и покоряюще убедителен, что, прикоснувшись к Нему и зная, что Он не мифическая личность, не фантазия и не обман, невозможно увидеть в Нем только лишь человеческое.

Вы говорите, что Он один из учителей, живший в древности, один из бродячих философов — и только? Да не будет! Никакой аналогии Иисусу из Назарета в мировой истории отыскать невозможно. Он уникален. Его образ есть порождение нечеловеческого опыта, в котором человечеству открывается Сила Божия и Божия Премудрость.

О происхождении Евангелия

Факт исторического существования Иисуса Христа невозможно игнорировать еще и по той причине, что осталось множество материальных памятников и свидетельств Его земной жизни. Они находятся в Палестине и называются Святыми местами.

В VI веке эти места посетила святая равноапостольная Елена, мать императора Константина Великого. Исторически Елену от Христа отделяло чуть менее трехсот лет — примерно столько же, сколько нас отделяет от императора Петра I. Но станет ли сейчас кто-нибудь утверждать, что Петра I не было? И можно ли сочинить о его жизни что-то такое, чего вовсе не было или что шло бы вразрез с известными историческими фактами? Или, напротив, игнорировать какие-то важные события из его жизни? Нет, это совершенно невозможно. Потому что Петр I жил сравнительно недавно и существует множество разнообразных свидетельств о его жизни и эпохе. Исторические тексты и устное предание донесли до нас немало сведений об этом русском царе. И вряд ли среди наших современников найдется хоть один, кто усомнился бы в его существовании.

Императрица Елена приехала в Палестину, где все еще дышало присутствием Спасителя, где из поколения в поколение передавали детальные подробности Его жития: где и что Он совершал, где умер и был погребен. Святой Елене показывали эти места. И она воздвигла над ними замечательные храмы. Частично дошли до нашего времени построенные по приказу Елены храмы на месте распятия и погребения

Спасителя в Иерусалиме и на месте Его рождения в Вифлееме. Частично — потому что много различных бедствий обрушилось на Палестину за минувшие столетия. Но как бы то ни было, Святая земля с ее памятниками, храмами, местами почитания остается убедительным материальным свидетельством земной жизни Иисуса из Назарета.

Помимо свидетельств историков и писателей, бывших почти современниками Христа, помимо святых мест, донныне сохраняющих атмосферу эпохи, в которую жительствовавал на земле Спаситель, существует еще один и притом самый важный источник сведений о Нем. Это жизнеописания Иисуса Христа, составленные Его учениками апостолами.

Греческое слово «апостол» означает «посланник», он же — свидетель жизни Иисуса Христа. Первоначально апостолы не записывали, а просто передавали слушавшим свои свидетельства о жизни Иисуса. Основывая христианские общины, они рассказывали о событиях жизни Спасителя по памяти, однако в конце концов явилась необходимость записать историю Иисуса Христа. Первые рукописные свидетельства о Его жизни появляются примерно через 30 лет после смерти и воскресения Спасителя. В этих свидетельствах мы не находим систематического изложения того учения, которое принес в мир Христос, ибо Сам Он таковой системы никогда не излагал. По разным случаям и поводам Господь наставлял слушавших Его. Он совершал дивные дела, именуемые чудесами. Все это и явилось предметом апостольской проповеди, в определенное время письменно зафиксированной конкретными авторами.

Первый из них, Матфей, служил таможенным чиновником в городе Капернауме, где и произошла его встреча со Спасителем. Матфей оставил свою не слишком уважаемую в тогдашнем еврейском обществе службу и последовал за Иисусом. Примерно в 60–65 годах по Рождестве Христовом, находясь в Сирии, Матфей написал о том, что видел, сопровождая Учителя. Так появилось Евангелие от Матфея. Слово «Евангелие» в переводе с греческого языка на русский означает «Благая весть». Будучи евреем по рождению и воспитанию, Матфей в первую очередь адресовал повествование о жизни Спасителя своим соплеменникам. Именно поэтому

в его Евангелии делается акцент на том, как в Иисусе Христе осуществились обетования и пророчества Ветхого Завета, в которых говорилось о приходе Мессии. Задачей Матфея было сказать евреям, что Иисус Христос и есть обещанный Мессия, долгожданный Спаситель. Это единственное Евангелие, написанное по-арамейски — на одном из диалектов еврейского языка.

Другой автор Евангелия, Марк, не был непосредственным учеником Спасителя. Он являлся спутником и учеником апостола Петра, со слов которого и записал в Риме свое Евангелие. Написанное по-гречески, оно было обращено к язычникам. Поэтому Марк менее всего озабочен ссылками на Ветхий Завет, неизвестный римлянам. Евангелист говорит о Христе как о великом чудотворце. Это было доступно пониманию язычников, веровавших в Зевса, Юпитера и иных кумиров. В этом Евангелии Иисус Христос явлен как Богочеловек, в Котором действует сила Божия. Апостол Марк написал свое Евангелие в пятидесятых годах по Рождестве Христовом.

Третий евангелист, Лука, был человеком образованным. По профессии врач (Кол. 4: 14) и художник, он происходил из языческой семьи уроженцев Антиохии Сирийской. Верный ученик и спутник апостола Павла, Лука разделял с ним апостольские труды и во многом со слов Павла написал свое Евангелие. Греческий язык Евангелия Луки обнаруживает в авторе человека книжного. Лука не только свидетельствует о деяниях Спасителя, адресуя свое послание язычникам, среди которых благовествовал апостол Павел, но и старается последовательно выстроить историю земной жизни Христа. Так, он единственный из евангелистов, кто со слов Матери Божией записывает повествование о детстве Спасителя.

Евангелие от Луки было написано, по всей вероятности, около 61 года в Риме.

Четвертое Евангелие, автором которого был апостол Иоанн, значительно отличается от первых трех, вышедших из устного предания, бытовавшего в среде учеников Иисуса Христа. Эти тексты в науке называются синоптическими, то есть имеющими между собой значительное сходство. Есть основания полагать, что евангелисты Матфей и Лука, приступая к своему труду, уже знали о существовании первого по

времени написания Евангелия от Марка, чем и обусловлена общность всех трех текстов. Евангелие от Иоанна восполняет три предыдущих повествования. Оно написано в совершенно ином ключе, и это не случайно. Иоанн был одним из двенадцати апостолов Иисуса Христа, самым юным и любимым Его учеником. Он долго не записывал своих воспоминаний об Учителе. Однако в конце I века появилось множество лжеучений, многие из которых дерзко оспаривали истину о том, что Иисус был воплощенным Сыном Божиим. Отвечая еретикам, извращавшим христианское учение, Иоанн уже в преклонные годы создал свое Евангелие. Главной его целью было засвидетельствовать, что Господь Иисус Христос есть воплощенное Слово Божие и Сын Божий. Поэтому его Евангелие стали называть духовным Евангелием, ибо оно в наибольшей степени посвящено самым возвышенным духовным истинам, содержащимся в учении Иисуса Христа. Написано оно примерно в 95–96 годах в малоазийском городе Ефесе.

Совокупность евангельских повествований представляет нам поразительные по яркости и уникальности свидетельства о жизни и учении Христа. И это самый надежный источник сведений о Спасителе.

О достоверности Евангелия

Поговорим о достоверности евангельских повествований, но сначала остановимся на вопросе о том, как дошли до нас эти тексты. Возможно, некоторые будут удивлены, узнав, что в истории человечества не было другой личности, способной сравниться с Иисусом из Назарета по числу дошедших до нас биографических свидетельств. Ныне науке известно более четырех тысяч древних манускриптов, содержащих Евангелия и иные новозаветные тексты. В различных музеях и библиотеках мира хранятся подлинники на греческом языке, относящиеся ко II–V векам. А известный библистам полный рукописный свод Нового Завета на греческом восходит к IV веку. Эти древние манускрипты являются красноречивыми свидетелями подлинности евангельских повествований. Тот факт, что некоторые евангельские рукописи датируются II веком, означает, что менее ста лет отделяли жизнь и деяния Спасителя от первых известных нам письменных свидетельств о Нем.

Ранее мы говорили о знаменитом римском историке Таците. Может быть, не всем известно, что его творения дошли до потомков в виде единственной рукописи. Итак, четыре тысячи манускриптов с евангельскими свидетельствами и только один, благодаря которому мы знаем о Таците. Тем не менее, если следовать логике нашей псевдоисторической науки, получалось, что Тацит — это несомненно существовавшая историческая личность, а Иисус Христос — миф и легенда.

Можно привести и еще более поразительный пример. Всем известно имя древнегреческого поэта Гомера,

классические поэмы которого дошли до нас в считанном числе манускриптов. Но удивительно здесь то, что древнейший из этих списков хронологически отделен от времени, когда жил Гомер, десятью веками. Вообразите себе: тексты великого поэта были записаны спустя тысячу лет после их создания! Разумеется, естественно предположить, что существовали и более ранние списки, не сохранившиеся до нашего времени. И потому мы говорим, что древнейшая запись гомеровских гекзаметров отделена от их автора тысячелетней дистанцией. Но ведь на основании этого никто не оспаривает ни факта существования Гомера, ни подлинности его произведений, равно как никто не сомневается ни в реальности историка Тацита, ни в аутентичности его «Анналов». Так какие же основания могут быть для того, чтобы ставить под сомнение подлинность Евангелий? Таких оснований нет. Единственной причиной сомнений в историческом существовании Спасителя и подлинности евангельских повествований остается признать априорную идеологическую установку, требовавшую от тогдашних ученых антихристианских приношений на алтарь атеизма.

Но вернемся к нашей теме — о подлинности Евангелий. И для того, чтобы быть более убедительными, сошлемся на древние свидетельства о Евангелиях. Жил во II веке епископ Папий Иерапольский. В дошедших до нас фрагментах из его творений мы находим не просто упоминание о Евангелиях, но ясные указания на принадлежность того или иного текста определенному автору. При этом Папия Иерапольского отделяют от евангелистов всего сто лет, а не тысяча, как в случае с Гомером.

Другое важное свидетельство, принадлежащее Иринею, епископу Лионскому, также относится ко II веку. Ириней сообщает весьма ценные данные об апостолах и о составленных ими Евангелиях. Он, в частности, пишет: «Матфей издал у евреев на их собственном языке писание Евангелия в то время, как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь. После их отшествия Марк, ученик и истолкователь Петра, предал нам письменно то, что было проповедано Петром. И Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное им Евангелие. Потом Иоанн, ученик Господа, возлежавший на Его груди, также издал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе Асийском».

Упоминает об апостолах и об их творениях и Тертуллиан — знаменитый церковный писатель, живший в III веке.

Наконец, в XVIII веке известным библиографом Муратори была обнаружена рукопись, содержащая перечень новозаветных писаний. Этот манускрипт, составленный во II веке, ныне известен науке как Мураториев каталог.

Итак, помимо самих евангельских повествований, в нашем распоряжении имеются также и свидетельства младших современников апостолов. Все данные, которыми располагают историки, говорят о том, что именно апостолы были творцами евангельских текстов.

В ответ на это злонамеренные критики выдвигают встречный аргумент: Евангелия не могут быть подлинными, поскольку между ними есть противоречия в деталях. Эти так называемые противоречия в науке называются разночтениями.

Чтобы лучше представить себе механизм возникновения подобных расхождений в рассказах евангелистов, представим себе, например, дорожно-транспортное происшествие, свидетелями которого стали несколько человек. Естественно, что их показания неизбежно будут разниться — не по сути, но в частности, просто в силу того, что каждый обладает собственным восприятием и видением дела. Будучи едины в том, что касается фиксации факта как такового, свидетели всегда привносят в рассказ о нем индивидуальное понимание происшедшего. Подобная вариативность свидетельских показаний ни в коей мере не ставит под сомнение реальность самого события, но, напротив, способствует объективной реконструкции истинной картины.

То же самое можно утверждать и в отношении свидетельств евангелистов. К тому же изредка встречающееся разноречие в их повествованиях лишь свидетельствует о подлинности текстов: ведь если бы последние были подделаны, то фальсификаторы в первую очередь озаботились бы устранением всех возможных несовпадений.

Вот пример подобной «несогласованности».

В Евангелии от Матфея говорится о Христе:

«Увидев народ, Он взшел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...» (Мф. 5: 1–2).

Далее следуют Нагорная проповедь и Заповеди Блаженств. Итак, у Матфея Господь «*взошел на гору*».

В Евангелии от Луки о том же событии рассказывается так:

«В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал апостолами... И, сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов» (Лк. 6: 12–13, 17–18).

Далее — так же, как и у Матфея, Нагорная проповедь и Заповеди Блаженств. У Луки Спаситель учит, *сойдя* с горы.

Однако разночтение по поводу места проповеди Господа на поверку оказывается мнимым, ибо каждый из апостолов прав по-своему. Дело в том, что гора близ Капернаума, с которой учил Господь, имеет возвышенную часть, подобную шпилью, и ровное плато. При первом же взгляде на гору Блаженств становится ясно, в чем здесь дело. Апостолу Матфею было важно подчеркнуть то обстоятельство, что Нагорная проповедь произносилась с высоты хорошо известного иудеям Галилейского холма. А апостол Лука акцентирует внимание на том факте, что Господь спустился с возвышенной и достаточно крутой части этого холма на плато, дабы возможно большее число пришедших могло Его слышать. Очевидно, что никакого противоречия между рассказчиками нет. Однако именно такого рода разночтения использовались атеистической пропагандой для того, чтобы посеять в душах людей семена сомнения относительно истинности Новозаветных текстов.

К счастью, в Евангелии мы имеем свод подлинных и неопровержимых данных о Христе, собранных ближайшими свидетелями Его жизни и проповеди.

О Благовещении Пресвятой Богородицы

И хронологически, и по существу Новозаветная история начинается не с Рождества Иисуса Христа, а с Его Матери — Пресвятой Девы Марии.

Древние письменные источники о Ее жизни неизвестны, и все сведения о Деве Марии почерпнуты из устного предания, существовавшего в первых христианских общинах. Это предание утверждает, что Дева Мария происходила из рода Давидова и являлась дочерью благочестивых Иоакима и Анны. Девочка была поздним ребенком, дарованным им Господом в весьма преклонные лета по их горячим молитвам, и потому Ее рождение родители восприняли как великое чудо и милость Божию. Следуя иудейскому обычаю, они решили посвятить Ее Богу. В те времена многие дети воспитывались при храме, а подрастая, несли здесь определенные обязанности и послушания. В трехлетнем возрасте младенец Мария взошла по ступеням Иерусалимского храма, поручая Себя милости Божией.

События рождества Девы Марии и введения Ее в храм имеют для христиан большое значение, и потому Церковь почтила их особо торжественным празднованием. Как известно, церковный год начинается 1 сентября, и первым большим праздником новолетия является Рождество Пресвятой Богородицы (по новому стилю 21 сентября). А 4 декабря (по новому стилю) празднуется Введение Пресвятой Богородицы во храм.

Мы ничего не знаем о раннем периоде жизни Девы Марии. Достигнув известного возраста, Она была обручена

с пожилым человеком по имени Иосиф, плотником из галилейского города Назарета. Иосиф был не мужем Марии, но обручником и хранителем Ее девства, ибо посвященной Богу девушке надлежало пребывать в чистоте и целомудрии.

Говоря о том, что для спасения рода человеческого Бог избрал особое средство — Богочеловечество, мы ранее уже подчеркивали, что в этом средстве как бы соединяются два начала. Прежде всего это Божественное присутствие и Божественное всемогущество, ибо только во власти Творца было положить предел действию первородного греха, возвратив человечеству благодать, исходящую от Отца Небесного. Другой составляющей спасения является свободная воля самого человека, ибо без его действительного соучастия в деле искупления греха спасение не имело бы достоинства добровольного выбора. Было чрезвычайно важно, чтобы потомки Адама и Евы сердцем откликнулись на призыв Бога, ответив Ему: мы согласны на то, чтобы обрести спасение, дарованное Тобою, и готовы вместе с Тобой участвовать в этой тайне. Такое согласие от имени рода человеческого произнесла Дева Мария.

Это событие именуется Благовещением — по-гречески «Эвангелизмус», то есть «Благая весть». Вот что рассказывает об обстоятельствах Благовещения Евангелие от Луки:

«Послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие.

И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца.

Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница

Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово.

Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел» (Лк. 1: 26–38).

Эти слова: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову Твоему» — не только выражают кроткую готовность Девы Марии принять возвещенное ей Ангелом, но и являются формулой согласия рода человеческого на соработничество Богу в деле спасения.

Это согласие Девы Марии не следует воспринимать как ограничение свободы людей Ее личным произволением. Действительно, Дева Мария выступает перед Богом от имени всего человеческого рода. Однако данное Ею согласие не может рассматриваться как покушение на чью-то свободу, ибо каждый, кто свободно принимает Христа, становится соучастником спасительного Божественного действия лично, по своей воле и через собственное усилие. Таким образом, в событии Благовещения реализуется наша собственная свобода выбора.

Известно также скептическое отношение иных людей к чуду бессеменного зачатия неискусомужной Девой. С точки зрения науки и нашего человеческого опыта бессеменное зачатие представляется невозможным. Но ведь Бог есть Творец мира с его физическими законами, и потому невозможное для нас не является невозможным для Него. В этом смысле наши знания и представления носят условный характер: когда мы говорим, что чего-то не может быть, то исходим из представлений и реальности, соприродных нашему, человеческому миру. Но, как прекрасно выразился святой Андрей Критский в своем Великом покаянном каноне, «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо елика хочет» (Богородичен 4-й Песни).

Наше отношение к Благовещению, к непорочному зачатию Пресвятой Девой Сына Божия должно характеризоваться одним словом: благоговение. Нам следует благоговейно верить в то, что Божия Мать, по словам святого Амвросия Медиоланского, и после того, как зачала во чреве, осталась Девой, и после того, как родила, осталась Девой. Такова вера Церкви. Как говорит святитель Иоанн Златоуст, «Дух Святой

засиял в чистом зеркале, в непорочном теле Девы, образовав совершенного Человека не по закону природы... не из человеческого семени, но... неизъяснимо исткав в ней Зародыш, словно некую ткань, для спасения людей».

Сокрытая здесь великая Божественная тайна не обнаруживает себя ни в человеческом разуме, ни в знаниях, ни в воображении. Стать сопричастником ее возможно только силой веры, ибо содержание, значение и реальность этой тайны открываются нам в религиозном опыте.

О Рождестве Христовом

Согласно историческим данным, Христос родился в 748 году от основания Рима, когда императором был Август, а в Сирии властвовал правитель по имени Публий Квириний, о котором евангелист Лука упоминает в связи с переписью населения, проводившейся в его правление. Дева Мария и Иосиф Обручник, происходя из рода царя Давида, должны были явиться на перепись в «город Давидов, называемый Вифлеем» (Лк. 2: 4), где, по всей вероятности, пребывали их родословные книги. Евангелист Лука как добросовестный историк уточняет, что речь идет о первой переписи в правление Квириния, что позволило точно датировать событие Рождества Христова.

Обстоятельства Рождества сопровождались замечательными и чудесными явлениями. В Вифлееме, куда пришли Дева Мария и Иосиф, собралось множество народу, так что единственная гостиница оказалась переполненной. И тогда они разместились на ночлег в пещере, где пастухи укрывали свой скот. Здесь (по-славянски пещера называется *«вертеп»*) и появился на свет Младенец Иисус, которого Матерь Божия, спеленав, положила на сено в ясли для скота.

В это же время совершилось и другое удивительное событие: на поле близ Вифлеема пастухам явились ангелы с вестью о том, что в мир пришел Мессия, Спаситель. В знак великой радости о сбывшемся обетовании бесчисленное Небесное воинство прославило Бога, возглашая всей вселенной: *«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»* (Лк. 2: 14). Ибо Рождеством Христа Спасителя является

Божественная слава на всяком творении, а также подается мир и благоволение всему роду человеческому. И пастухи пришли в пещеру поклониться Богомладенцу.

В те дни восточные мудрецы, которых Евангелие именует волхвами, увидели воссиявшую на небосводе новую звезду. Согласно их учению и преданиям это означало пришествие в мир великого мужа. Волхвы ведали, что иудейский народ ожидает явления Мессии, своего истинного Царя и Спасителя, и потому направились в Иерусалим, чтобы расспросить там, где должно искать Его. Прослышав об этом, царь Ирод, правивший в то время Иудеей, взволновался и призвал к себе волхвов. Выведав у них время появления звезды, он сказал: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Мф. 2: 8).

Следуя за путеводной звездой, волхвы, которых святой Иоанн Златоуст именует «начатком верующих из язычников», достигли Вифлеема. Здесь они вступили под своды вертепа и поклонились новорожденному Спасителю, принеся Ему дары от сокровищ Востока. Затем, получив от Бога откровение не возвращаться в Иерусалим, другим путем отошли в свою страну. Тогда разгневанный Ирод, обнаружив, что волхвы ускользнули из его сетей, отправил в Вифлеем войско с приказом предать смерти всех младенцев мужского пола до двух лет от роду. Ибо страшился Ирод будущего Царя Иудейского, видя в нем соперника своему царствованию.

Евангелие повествует о том, что Иосиф, получив во сне откровение от Бога, бежал с Матерью Божией и Младенцем в Египет, где Святое семейство обреталось до смерти Ирода. После того изгнанники вернулись в Палестину и, узнав, что в Иудее царствует сын Ирода Архелай, убоялись оставаться в его власти. По внушению свыше они отправились на север, в пределы Галилейские, и поселились в городе Назарете. Таковы обстоятельства Рождества Христа Спасителя.

Праздник Рождества Христова христиане стали отмечать с глубокой древности. Уже в III веке святой Ипполит Римский предложил, чтобы в этот день за богослужением читалась глава 1 Евангелия от Матфея. Самый же обычай

празднования Рождества восходит к древнейшим временам христианства.

Нам неизвестен день, когда явился на свет Богомладенец Иисус. Празднование Рождества Христова совершается 25 декабря. Это окончание зимнего солнцестояния, когда прибывающий день как бы знаменует обновление всей вселенной. Некогда язычники-солнцепоклонники именно в этот день прославляли свое ложное божество-солнце. Христиане, в свою очередь, положили праздновать Рождество Христово тогда же, дабы явить свое исповедание Христа Спасителя как истинного Солнца правды, просвещающего мир, приводящего человечество ко спасению и к познанию Божественной истины. «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума», — поем мы в тропаре этого праздника.

Что же касается установившейся практики празднования Рождества Христова по старому и по новому стилю, то она обусловлена сосуществованием двух различных календарей: старого, юлианского, и нового, григорианского. И по тому и по другому календарю Рождество празднуется 25 декабря, однако разница между двумя календарями ныне составляет 13 суток, и поэтому 25 декабря по юлианскому календарю (старому стилю) соответствует 7 января по календарю григорианскому (новому стилю). Некоторые полагают, что празднование Рождества по новому, григорианскому календарю является более правильным, нежели празднование по старому, юлианскому. Эта точка зрения совершенно неосновательна. Дело в том, что хронологическая скрупулезность относительно праздника Рождества Христова не выглядит сугубо обязательной, ибо празднование это совершается не в связи с днем, когда явился на свет Богомладенец Иисус, но в связи с событием Его Рождения. В известном смысле 25 декабря (7 января) — это символическая дата, признаваемая всем христианским миром.

Итак, кто поклонился Иисусу Христу, кто принял Его? То были люди самые простые и некнижные — пастухи, а также самые ученые и премудрые — волхвы. А кто не принял родившегося Христа и искал Его гибели? Правитель и политик, готовый на человеческие жертвоприношения своему властолюбию, — царь Ирод.

Чему же научает нас это различие между принявшими и не принявшими Христа, явившегося в мир сей? Многому. В том числе и осознанию того факта, что Христос открывается либо в простоте человеческого сердца и в чистоте нравственного чувства, либо в великой мудрости человеческой и в великом познании. Как людская посредственность и пошлость не в силах воспринять Христа Спасителя, так не способны соединиться с Ним и те, кто преследует ложные, прозрачные и греховные цели.

О Богоявлении — Крещении Господнем

О детских годах Иисуса достоверно известно весьма не-многое. В сущности, речь идет о единственном эпизоде, рассказанном евангелистом Лукой. Это повествование о том, как Иосиф Обручник, Дева Мария и отрок Иисус совершили паломничество в Иерусалим и посетили храм.

Из Евангелий мы знаем также об Иоанне — великом Пророке, Предтече и Крестителе Господнем, ровеснике Его и сроднике по плоти. Отцом Иоанна был ветхозаветный священник Захария, а матерью — родственница Пресвятой Девы Марии Елизавета.

Иоанн был человек праведный. Он рано удалился в Иудейскую пустыню и вел там жизнь аскета и подвижника, питаясь только тем, что давала ему пустыня. Впоследствии Иоанн сделался знаменит среди иудеев своей удивительной проповедью, в которой призывал народ израильский к покаянию. Множество людей стекалось на берег Иордана, чтобы своими ушами услышать этот призыв праведника. И те из них, кто раскаивался в своих грехах, в знак очищения принимали от Иоанна погружение в воды Иордана. Это и было крещение (по-гречески слово происходит от глагола «*баптизо*» — «погружать»).

Иоанн крестил крещением покаяния, которое символизировало обретение чистоты и освобождение от греха после принесения чистосердечного раскаяния. Некоторые люди, полагавшие, что он не только праведник и пророк, *«помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он»* (Лк. 3: 15). Сам же он говорил о себе как о Предтече, то есть

о том, кто предшествует Спасителю: «Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу...» (Ин. 1: 23).

Приурочивание же пути в первую очередь означало приведение людей к покаянию и исправлению. Призывая людей осознать свои грехи, Иоанн умягчал их жестокосердие, подготавливал соплеменников к восприятию проповеди грядущего вслед за ним Господа Иисуса Христа. Поэтому пророк Иоанн именуется Крестителем и Предтечей Спасителя.

Вместе с другими людьми Иисус пришел на берега Иордана. Иоанн же, Духом прозревший, что перед ним не обычный человек, сказал пришедшему: *«Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»*

И услышал в ответ слова Спасителя: «Так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3: 14–15).

Это означало: делай то, что тебе должно делать. И безгрешный по природе Спаситель вместе с грешниками вступил в воды иорданские, приемля крещение покаяния. И в тот момент Иоанну открылось, как через отверзшиеся небеса Дух Божий в виде голубя нисходит на Иисуса. И услышал Иоанн глас Божий: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»* (Мф. 3: 17).

Установленный в честь этого евангельского события церковный праздник Крещение иначе именуется Богоявлением, ибо на Иордане произошло явление Троичного Бога людям. Бог Отец явил Себя в голосе, который слышал Иоанн, Бог Сын принимал крещение в водах Иордана, Бог Дух Святой «в виде голубя» осенил Крещаемого. Так явлено было Новозаветное Откровение о Боге-Троице, едином по существу и троичном в Лицах.

Есть у этого события и еще одно важное прочтение: Господь Иисус Христос, не имея на Себе от рождения никакого греха, приходит на берег Иордана в толпе людей, как один из многих, и принимает крещение от Иоанна. Христос является народу не как грозное Божество, нисходящее с небес в блистании молний и грохоте грома, не как всевластный земной владыка или великий герой, которого людская молва могла бы наделить Божественным могуществом, но смиренно смешавшись с сонмом кающихся грешников,

как Сын Человеческий. И в момент этого уничтожения дается Откровение о том, что Иисус есть возлюбленный Сын Божий, на Котором почивает Божественное благоволение.

Таким образом, Богоявление на реке Иордан и событие крещения открывают нам тайну не только Святой Троицы, но и воплощенного Сына Божия. Иисус Христос есть второе Лицо Святой Троицы, обладающее полнотой Божественной природы, но одновременно Он — человек. Как пишет преподобный Иоанн Дамаскин, «один и Тот же Господь наш Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек». При этом Божественная природа не подавляет и не поглощает человеческую, но обе они сообщают Богочеловеческой личности Иисуса Христа гармоническое единство, сочетаясь неслитно и одновременно нераздельно.

И наконец, еще одно весьма важное измерение события крещения. Господь чист, Он не имеет греха. Зачем же Ему потребовалось войти в толпу кающихся, чтобы исповедовать грех, которого на Нем нет, и принять очищение, в котором Он не нуждается? Это представляется на первый взгляд лишенным всякого смысла. Однако именно это деяние Спасителя зримо свидетельствует о цели Его прихода в мир сей: взять на Себя грехи людские и, искупив их безвинной Своею кровью, освободить и спасти род человеческий.

Безгрешный пришел на Иордан и принял крещение покаяния, свидетельствуя тем самым, что Он человек по плоти, что Он один из нас. Будучи безгрешен, Он уподобился последнему из грешников, уравнил Себя с падшими и заблудшими, чтобы разделить с ними бремя их прегрешений и подарить исцеление их душам.

В древности Рождество и Крещение праздновались в один день, и праздник этот именовался Богоявлением. В Вифлеемской пещере является миру Сын Божий, а на берегу Иордана в особом видении открывается полнота Триединого Божества.

Мы знаем, что грех разлучил Бога и человека, Творца и творение. Богоявление — это знак присутствия Бога в мире, в человеческой истории. Иисусом Христом разрушается средостение, разделявшее Бога и человека.

Бог стал человеком, сделался соприроден человеческому естеству, а значит, и миру сему. Отныне в нем преизобилуют Божественная благодать и Божественная сила. И когда в праздник Крещения мы освящаем воду, то тем самым свидетельствуем великую истину о всепроникающем и спасительном присутствии Божественной энергии в физической природе нашего мира. Святая вода есть великий символ присутствия благодати Божией в жизни вселенной.

Начало общественного служения Иисуса Христа

Господь приходит на берег Иордана в людской толпе. Это первое Его явление народу. Замечательная картина русского художника Александра Иванова так и называется: «Явление Христа народу». Первые шаги на великом поприще, первое действие драмы общественного служения Иисуса Христа. В кондаке празднику Крещения (кондак — одно из молитвословий, отражающее суть праздника) мы находим такие слова: «Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Господи, знаменася на нас». По-русски это будет звучать так: «Сегодня явился всей вселенной, и Твой свет, Господи, запечатлелся на нас».

Поскольку во Христе вся полнота Божественной природы присутствует телесно, это означает, что в явлении Христа миру совершается подлинное Богоявление. Божественная природа Спасителя открывается людям через человеческий облик Иисуса Христа.

Он выходит навстречу миру не в силе и славе. Как перекликаются Вифлеем и Иордан, тема Рождества с темой Богоявления! Там Спаситель мира благоволит явиться на свет в убогой пастушеской пещере, а здесь Он делает первый шаг Своего общественного служения в окружении грешников. Безгрешный принимает вместе с ними крещение покаяния. Именно с этого начинается служение Иисуса Христа.

Почему именно с покаяния начинается миссия Христа? Очевидно, потому, что покаяние является чем-то сугубо важным для человека.

Ныне упоминание о покаянии нередко вызывает у человека реакцию отторжения. Одним это представляется чем-то бесконечно тоскливым. У других покаяние ассоциируется с добровольной дачей показаний на самого себя, когда жизненные обстоятельства или страх вынуждают человека к явке с повинной.

Однако тот факт, что Господь именно с проповеди покаяния начал Свое служение людям, свидетельствует об особом значении покаяния для жизни человека. Можно сказать, что покаяние есть основополагающая религиозная истина, некое весьма существенное измерение нашей духовной жизни, без которого полнота человеческого существования остается недостижимой. Мы говорили уже о том, что исполнение Божественного замысла о человеке неосуществимо помимо свободного волеизъявления со стороны людей, что внутреннее содержание Благовещения есть согласие Девы Марии соучаствовать Богу в деле спасения, высказанное от лица всего мира. Покаяние же есть индивидуальный, личный ответ каждого из нас на вопрос о готовности соучаствовать в деле спасения, совершаемом Богом.

Бог приходит в мир и воплощается ради нашего спасения. И теперь уже только от нас зависит, принять Его или отвергнуть, стать ли соработниками Ему в деле достижения полноты нашей жизни или остаться глухими к Его призыву. Покаяние — это изъяснение нашей готовности к духовному труду, к соработничеству с Богом во имя обретения Рая. Покаяние подразумевает в первую очередь внутреннюю переоценку самого себя, некий критический самоанализ, способность взглянуть на себя со стороны, осудить свои грехи, а себя предать правосудию и милости Божией.

Как много страданий и горя приносит нам неспособность увидеть себя глазами ближнего! Ведь нам кажется, что мы всегда правы. Почему происходят конфликты? Чаще всего потому, что мы оказываемся неспособными увидеть себя и происходящее со стороны, признать свою неправоту. Ведь мы убеждены, что всегда стоим за истину, а не прав обязательно кто-то другой: муж, жена, родители или дети, братья или сестры, соседи или коллеги по работе. Ах, как трудно дается нам осознание собственной неправоты! Почти все

семейные конфликты, причиняющие столько боли и страданий, проистекают от неумения и нежелания критически оценить и подвергнуть беспристрастному суду свои мысли и поступки.

Та же картина в нашей общественной и политической жизни. Люди сталкиваются между собою, и кажется, что единственной целью дискуссий становится стремление доказать, что говорящий умен, а его оппоненты глупы, что одни имеют монополию на истину, а другие обречены на пожизненное заблуждение. Подобное некритичное стояние в собственной «непогрешимой правоте», потребность возводить свои убеждения в статус истины и приводят людей к нетерпимости, конфронтации и вражде. Чаще всего никто не признается в собственной неправоте даже себе самому, подобно тому как алкоголик никогда не согласится с тем, что он одержим тяжким недугом.

Примеры этого рода можно, к сожалению, множить до бесконечности. Ясно одно: многие наши беды проистекают от неспособности к покаянию.

Покаяние есть осознание своего греха, неправды собственной жизни, признание того, что в своих делах и помышлениях мы уклоняемся от нравственной нормы, которую Бог вложил в природу человека. Осознание этого — величайшая добродетель и одновременно залог изменения жизни к лучшему.

Собственно, покаяние (по-гречески «*метанойя*») и означает «изменение». Изменение сердца, разума, образа жизни. От осознания неправды — через покаяние — к перемене. Поэтому истинное покаяние есть перерождение, внутренняя перестройка, обновление и возрождение жизни.

Покаяние — это не единичный акт раскаяния, но постоянное, ежедневное делание. «Велико это средство, которое сострадательный Творец, по премудрости Божества Своего, уготовал ради нашей вечной жизни, ибо Он желает, чтобы мы ежедневно обновлялись и представляли в добродетельном изменении воли и обновлении разума», — говорит преподобный Исаак Сирин.

Без покаяния невозможно спасение. Не случайно Спаситель начал Свое общественное служение с проповеди

покаяния и с участия в *«крещении покаяния»* у Иоанна Крестителя на Иордане. Безгрешный и совершенный, Он принял образ кающегося человека, в толпе сокрушенных сердцем пришел к Иоанну на Иордан, давая тем самым нам понять особое значение покаяния для дела человеческого спасения.

Будем же памятовать о том, что покаяние, способность к самокритике и внутреннему суду над собой, готовность исправить свою жизнь есть персональный ответ на явление Бога миру во Иисусе Христе.

Искушение Христа в пустыне

После крещения Спасителя согласно Евангелию Он уединился в пустыне: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 1–11).

По преданию событие, о котором свидетельствует евангелист, происходило на горе близ города Иерихона, ныне именуемой горой Искушения. В память об этом событии там воздвигнут замечательный монастырь, который обычно посещают паломники, путешествующие по Святой земле. Другой монастырь был заложен нашими соотечественниками на самой вершине горы, представляющей собою плато. Уже был

готов фундамент, сохранившийся доныне, однако революция в России помешала довести начатое строительство до конца. С Сорокадневной горы открывается удивительный вид на Иудейскую пустыню. Воображение легко вписывает в этот ландшафт сцену искушения Спасителя диаволом.

Ответы Иисуса очень важны, ибо дают возможность проникнуть в смысл служения Господа и понять, какую систему ценностей принес Он миру.

Итак, первое искушение — хлебом. Ты взалкал, ты хочешь есть? Сотвори же чудо, дабы камни сделались хлебами. Но Господь отвергает этот соблазн, ибо Его миссия не в том, чтобы освободить человека от заботы о пропитании. Это вовсе не означает, что Христос отвергает ценность материального начала жизни. Ведь в другом месте Священного Писания Он научает нас словами Своей молитвы: *«Хлеб наш насущный даждь нам днесь»* (Мф. 6: 11). Не ценность хлеба отрицает Господь, но отвергает убеждение, согласно которому материальное начало является высшим и абсолютным благом в жизни человека.

Между тем жизнь большинства людей как раз и управляется стремлением к обладанию материальными ценностями. При этом многие убеждены: чем легче достигается максимальный уровень материального благоденствия, тем больше оснований говорить, что жизнь удалась. Таким образом обладание сокровищами земными приравнивается к истинному счастью. Этому искушению уступил некогда и наш народ, соблазнившись видением общества всеобщего благоденствия, где каждому будет дано по его потребностям. Поверив в эту утопию, люди ради своей соблазнительной мечты отказались от отеческой веры, от Бога, от истории... Сколько жизней было принесено на алтарь ненасытного и безжалостного кумира! Но счастья человек не обрел. Позже необходимость претерпевать тяготы радикальных экономических реформ также мотивировалась грядущим материальным благополучием. Вновь искушающая иллюзия преуспевания требовала взамен великих и страшных жертв — целостности государства, нравственного и физического здоровья народа, генофонда нации, человеческого достоинства. Цена обещанных хлебов — нерожденные дети и не дожившие своего века старики.

Отвергая ложную цель, которой соблазняет Его диавол — отец лжи, Господь говорит: *«Не хлебом одним будет жить человек...»* (Мф. 4: 4). Да, хлеб нужен, и надобно молиться Богу о том, чтобы на каждый день была у нас пища. Но при этом твердо знать, что достижение материального достатка не есть ни абсолютная цель человеческого существования, ни выражение полноты нашего бытия, ни символ счастья.

Другое искушение, с которым приступил диавол к Иисусу, — *«если Ты Сын Божий, бросься вниз»*, и тогда все уверуют, что ты воистину Христос. То есть убеждай посредством силы, согласишься на трюк ради того, чтобы поразить воображение людей и овладеть их волей. Но Господь отвергает это искушение. Он отказывается прибегать к силе, делая выбор в пользу могущества слова, обращенного к сердцу и разуму человека. Ибо использование силы означало бы нарушение свободы воли человека, в результате чего люди перестали бы быть добровольными соработниками Бога в деле своего спасения, обратившись в пассивный объект воздействия такой силы. В чем тогда состоял бы наш выбор? И можно было бы в таком случае говорить о личном участии? А что случилось бы с такими категориями духовной жизни, как подвиг веры, преодоление греха, жертвенность, любовь к Богу? Все это оказалось бы упраздненным или подмененным; и Господь отводит соблазн использовать силу в проповеди спасения.

И наконец, искушение третье, и последнее. Возведя Господа на высокую гору, князь мира сего предлагает поклониться ему, а взамен получить власть над всеми царствами земными. Это искушение безграничной властью, возможностью повелевать другим человеком и подчинять Его своей воле. В этом случае все возможности государственного, политического, экономического воздействия, а также незримая власть над умами и сила прямого принуждения могли бы быть употреблены для достижения цели пришествия Христова. Ибо не только политическая власть манипулирует массами и подчиняет большинство воле меньшинства. Известно, что подобные результаты достигаются также и властью денег. А разве не являются могущественным источником власти средства массовой информации, владеющие умами и формирующие стереотипы восприятия и поведения

людей, побуждающие телезрителей и читателей газет действовать так, как это выгодно владельцам телевизионных каналов и печатных изданий? Существует немало форм власти над человеком и способов воздействия на его сознание, волю, чувства и поведение.

Похоть власти в человеке неизбывна. Сколько крови было пролито, сколько преступлений перед Богом и человеком было совершено во имя обладания властью! И как много зла творится в нашем мире доныне ради достижения и удержания власти! Но Господь Иисус Христос отказывается принять такую власть. Тем самым Он утверждает, что власть сама по себе не является ценностью, что спасение и полнота жизни не могут быть обретены силою власти. Ибо невозможно насильно одарить счастьем, как нельзя загнать человека вилами в рай. А ведь спасение — это и есть рай, то есть полнота бытия.

Господь отвергает искушения в пустыне, потому что каждое из них радикально изменяет ту систему ценностных координат, которая составляет суть Благой вести. Каждое из них разрушает целостность Евангельского послания. Принять искушение означало исполнить волю дьявола, отказавшись от следования воле Божией.

Господь снабжает нас в путешествии по морю житейскому совершенно иной системой нравственных ценностей. И Евангелие открывает нам истины, которые одни способны сделать человека счастливым по-настоящему, ввести его в полноту бытия. Эти истины и есть суть учения Христа Спасителя.

О Заповедях Блаженств

Ранее мы говорили, что во времена Исхода Израиля из Египта Бог даровал Моисею десять заповедей нравственного закона, на котором, как на краеугольном камне, доньне зиждется все многообразие межчеловеческих и социальных отношений. То был некий минимум личной и общественной морали, без соблюдения которого утрачиваются устойчивость человеческой жизни и общественных отношений. Господь Иисус Христос пришел отнюдь не для того, чтобы отменить этот закон: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5: 17).

Исполнение Спасителем этого закона потребовалось потому, что со времен Моисея понимание закона оказалось во многом утраченным. За истекшие столетия ясные и краткие императивы Синайских заповедей оказались погребены под напластованиями огромного количества разнообразных бытовых и обрядовых предписаний, скрупулезному исполнению которых стало придаваться главенствующее значение. И за этой сугубо внешней, ритуально-декоративной стороной терялись суть и смысл великого нравственного откровения. Поэтому надлежало явиться Господу, дабы обновить содержание закона в глазах людей и вновь вложить его вечные глаголы в их сердца. А сверх того — дать человеку средство употребить этот закон ко спасению своей души.

Христианские заповеди, исполняя которые человек может обрести счастье и полноту жизни, именуются Заповедями Блаженств. Блаженство и есть синоним счастья.

На холме близ Капернаума в Галилее Господь произнес проповедь, которая стала известна под именем Нагорной проповеди. И начал Он ее с изложения девяти Заповедей Блаженств:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах... (Мф. 5: 3–12).

Первое знакомство с этой нравственной программой способно смутить дух современного человека. Ибо все, что предписывается Заповедями Блаженств, представляется бесконечно далеким от нашего понимания счастливой и полнокровной жизни: нищета духа, плач, кротость, искание правды, милость, чистота, миротворчество, изгнанничество и поношение... И ни намек, ни полслова о том, что вписывалось бы в расхожее представление о земном блаженстве.

Заповеди Блаженств — своего рода декларация христианских нравственных ценностей. Здесь содержится все необходимое для того, чтобы человеку войти в истинную полноту жизни. И по тому, как он относится к этим заповедям, можно безошибочно судить о его духовном состоянии. Если они вызывают неприятие, отторжение и ненависть, если между внутренним миром человека и этими заповедями не находится ничего общего, созвучного, то это является показателем тяжкого духовного недуга. Но если возникает интерес к этим странным, тревожащим словам, если появляется желание проникнуть в их смысл, это свидетельствует о внутренней готовности к слышанию и пониманию Слова Божия.

Рассмотрим же каждую заповедь по отдельности.

1. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное

Может ли почитаться добродетелью такое качество, как нищета духовная? Подобное предположение очевидно противоречит не только опыту повседневной жизни, но и тем идеалам, что прививаются нам современной культурой. Однако для начала будем иметь в виду, что не всякий дух содействует человеку духовным, а тем более счастливым.

Ранее мы говорили об искушениях Иисуса Христа в пустыне. А ведь там не кто иной, как дух диавольский, предлагал Господу великие соблазны, которые, однако, не имеют ничего общего с полнотой человеческой жизни. Но что станет с человеком, в котором возобладает этот дух диавольский? Обретет ли он блаженство, будет ли счастлив? Нет, ибо дух нечистый уведет его прочь от истины, запутает и собьет с пути. К счастью, к полноте жизни человека может привести только Дух Божий, потому что Бог есть источник жизни. Жизнь с Богом — это и есть полнота существования, человеческое счастье. Значит, для того чтобы человек был счастлив, он должен принять в себя Духа Божия, освободив для Его пребывания пространство своей души. Ведь так и было на заре человеческой истории, когда Бог был в центре жизни Адама и Евы, еще не познавших греха. Грехом же стал их отказ от Бога. Грех изгнал Бога из жизни людей, а на принадлежавшем Ему центральном месте их духовной жизни воцарилось их собственное «я».

Произошла мутация жизненных ценностей, перемена всех ориентиров. Вместо того чтобы восходить к Богу, служить Ему и пребывать в спасительном общении с Ним, человек направил все свои силы на удовлетворение потребностей собственного эгоизма. Это состояние, когда человек живет ради себя и центром своей внутренней вселенной имеет собственное «я», именуется гордыней. А состояние, обратное гордыне, когда человек потесняет свое «я» в сторону, а в центр жизни поставляет Бога, именуется смирением, или нищетой духовной. В противоположность злату диавола, обращающемуся в глиняные черепки, нищета духовная оборачивается великим богатством, ибо в этом случае на месте духа

злости, эгоизма и противления в человеке поселяется и животворит Дух Божий.

Итак, что же такое нищета духовная? «Я полагаю, — пишет святитель Григорий Нисский, — что нищета духовная есть смирение». Что же в таком случае надо понимать под смирением? Порой смирение ложно отождествляют со слабостью, убожеством, забитостью, никчемностью. О, это далеко не так... Смирение порождается великой внутренней силою, и любой, кто сомневается в этом, пусть попытается слегка подвинуть собственное «я» на периферию своих забот и интересов. А на главное место в своей жизни поставить Бога или другого человека. И тогда станет ясно, насколько трудно это делание и какая недюжинная внутренняя сила потребна для него.

«Гордость, — по словам святого Иоанна Златоуста, — есть начало греха. С нее начинается всякий грех и в ней находит свою опору». Поэтому и сказано:

«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5: 5).

В Ветхом Завете мы находим удивительные слова: *«Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс. 50: 19).

То есть Он не разрушит и не истребит личность человека, который освобождает себя для того, чтобы принять Бога. И тогда Дух Божий вселяется в такого человека, как в сосуд избранный. А сам человек обретает способность пребывать в Богообщении, а значит, вкушать полноту жизни и счастья.

Итак, нищета духовная и смирение — это не слабость, а великая сила. Это победа человека над самим собой, над демоном эгоизма и всесилием страстей. Это способность открыть Богу свое сердце, дабы Он воцарился в нем, освящая и преображая Своею благодатью нашу жизнь.

2. Блаженны плачущие, ибо они утешатся

Казалось бы, что общего между блаженством и плачем? В обыденном представлении слезы — непременный знак человеческого горя, боли, обиды, безысходности. Если взять здорового человека и посмотреть, в каких случаях он способен заплакать, то, проанализировав связь между слезами и породившими их причинами, можно многое сказать

о душевном состоянии человека. Спросим себя: способны ли мы заплакать от сострадания, видя чужое несчастье? Ежедневно в наши дома со всех концов света телевидение приносит трагические картины человеческой беды, смерти, невзгод, обездоленности. Многих ли они тронули до такой степени, что заставили опечалиться, не говоря уже о том, чтобы заплакать? А сколько раз мы проходили по улицам наших городов мимо лежащих на тротуарах людей? Но многих ли из нас вид распростертого на земле человека заставил задуматься или прослезиться?

Невозможно не вспомнить здесь слова преподобного Исаака Сирина: «И что есть сердце милующее? Возгорение сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умягается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, которая возбуждается в его сердце до уподобления в сем Богу».

Вот и спросим себя: кто из нас обладает таким «сердцем милующим»? Человеческое горе перестало смущать и волновать нашу душу, рождать в нас боль и слезы сострадания, подвигать нас на добрые поступки. Но если человек способен плакать от сострадания к брату своему, то это свидетельствует о совершенно особом состоянии его души. Сердце такого человека живо, а потому отзывчиво на боль ближнего и, значит, способно к делам добра и сострадания. Но разве милосердие и готовность помочь другому не являются важнейшими составляющими человеческого счастья? Ибо не может быть счастлив человек, когда рядом кто-то страдает, как не бывает радости посреди пепелища, жертв и людского горя. Поэтому наши слезы есть прямой и нравственно здоровый ответ на горе другого человека.

Ни одно философское учение, кроме христианского, не сумело справиться с вопросом о человеческом страдании.

Марксистская теория, претендовавшая на роль универсальной отмычки ко всем «проклятым вопросам» человечества, от происхождения Вселенной до обустройства социального строя на земле, проблему человеческого страдания постаралась обойти стороной. Будет ли при коммунизме место страданию, какие факторы будут порождать его и как станет справляться с ним человек, так и осталось неизвестным. Да и на пути других капитальных философских систем эта проблема оказывалась камнем преткновения. Христианство же не уклоняется от ответа.

«Блаженны плачущие» означает, что страдание есть реальность нашего мира, и даже более — составляющая полноты человеческой жизни. Жизни без страдания не бывает, потому что такая жизнь была бы уже не человеческой, а какой-то иной. И потому страдание следует воспринимать как данность, как одну из ипостасей удела человеческого. Страдание может быть благотворным, если оно мобилизует внутренние силы человека, и тогда оно становится источником человеческого мужества и духовного возрастания.

Человек внутренне вырастает, преодолевая обрушившиеся на него муки и испытания. Вспомним Ф.М. Достоевского: вся его философия духовного сопротивления враждебным человеку обстоятельствам зиждется именно на второй Заповеди Блаженств. Мыслитель и христианин, он учит нас тому, что, проходя через горнило нравственных и физических страданий, человек очищается, обновляется, преобразуется. Эти мотивы пронизывают и «Братьев Карамазовых», и «Идиота», и «Преступление и наказание». Однако страдание способно не только очистить и возвысить человека, удесятерить его внутренние силы, возвести его на высший уровень познания самого себя и мира, но может и озлобить человека, загнать его в угол, заставить замкнуться в себе и сделать опасным для других людей. Мы знаем, сколь многие, проходя тесное поприще страдания и внутреннего подвига, не выдержали испытаний и пали.

В каких же случаях страдание возвышает человека, а когда оно может сделать его зверем? Апостол Павел об этом сказал так: *«Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть»* (2 Кор. 7: 10).

Итак, христианское отношение к страданию предполагает восприятие постигших нас бедствий как попущения Божия, как некоего Божественного искуса. Религиозно осознание свои невзгоды как ниспосланное нам испытание, через которое проводит нас Бог ради нашего же спасения и очищения, мы неизбежно задумываемся над тем, почему именно нас посетила беда и в чем наша вина. И если страданию сопутствуют внутренняя работа и честный самоанализ, то нахлынувшие слезы покаяния даруют человеку утешение, блаженство и духовный рост. Откликаясь на горести и боль чистым, живым и ясным религиозным чувством, мы способны победить самих себя, а значит, и победить страдание.

3. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю

Нетрудно представить себе, что и эта заповедь способна вызвать весьма отрицательную реакцию. Ведь кротость — это, по-видимому, не что иное, как другое имя покорности, безропотности, приниженности? Да разве возможно с такими качествами выжить в нашем мире, да еще защитить кого-нибудь?

Но кротость вовсе не есть то, в чем ее по незнанию обвиняют. Кротость — это великая способность человека понять и простить другого. Она есть результат смирения. А смирение, как мы говорили ранее, характеризуется способностью поставить в центре своей жизни Бога или другого человека. Человек смиренный, нищий духом, готов понимать и прощать. И еще кротость есть терпение и великодушие. А теперь давайте представим себе, какой бы могла стать наша жизнь, если бы все мы были способны принимать, понимать и прощать других людей! Даже простая поездка в городском транспорте превратилась бы в нечто совершенно иное. И отношения с коллегами, с домашними, с соседями, со знакомыми и незнакомыми, встречающимися на нашем пути... Ведь кроткий человек именно на себя перекладывает тяжелое бремя с другого. Он в первую голову судит себя, требует с себя, с себя спрашивает, а другого прощает. Или же если простить не может, то хотя бы пытается понять другого человека.

Ныне наше общество, прошедшее через испытания всеобщей конфронтацией, через горнило внутренней вражды, постепенно осознает потребность развивать культуру

терпимости в общественных отношениях. Политические вожди, писатели, ученые, средства массовой информации в один голос призывают нас к толерантности, к умению согласовывать интересы и считаться с иной точкой зрения. А разве это возможно для человека, не наделенного высокой нищетою духа, для человека, в жизни которого главенствующее положение занимает не Бог, не другой человек, но сам он? Ведь в этом случае очень трудно принять правду другого, особенно если эта правда не соответствует твоим собственным взглядам. Человек, не способный понять и простить другого, лишенный терпения и великодушия, никогда не сумеет смирить свою гордыню. Поэтому терпимость, к которой ныне призывается общество, терпимость внешняя, не укорененная во внутренней кротости, есть пустой звук и очередная химера.

Стать терпимыми друг к другу, построить спокойное, мирное и благоденствующее общество мы сможем лишь в том случае, если обречем истинную кротость, незлобивость, способность к пониманию и прощению.

Кротость, воспринимаемая многими как слабость, оборачивается великой силой, способной не только помочь человеку в решении стоящих перед ним задач, но и ввести его в наследие землей, то есть обеспечить достижение главной цели — Царства Божия, символом которого здесь является земля обетованная.

4. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся

В этой заповеди Христос сопрягает понятия блаженства и правды. И правда выступает в качестве условия человеческого счастья.

Снова обратимся к истории грехопадения, совершившегося на заре человеческой истории. Грех стал результатом отвергнутого искушения, ответом на ложь, с которой диавол обратился к первым людям, предлагая им вкусить плодов от древа познания добра и зла, дабы стать «как боги».

То была заведомая ложь, но человек поверил ей, преступил данный Богом закон, поддался греховному соблазну и вверг себя и все последующие поколения людей в зависимость от зла и греха.

Человек согрешил по наущению диавола, совершил грех под влиянием лжи. Священное Писание определенно свидетельствует о природе диавола: «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44).

И всякий раз, когда мы умножаем ложь, говорим неправду или совершаем дела несправедливые, то расширяем владения диавола, на него работаем и его укрепляем.

Другими словами, не может человек быть счастливым, живя во лжи. Ибо не диавол источник счастья. Совершение неправды соединяет нас с темной силой, путем неправды мы входим в сферу зла, а зло и счастье несовместимы. Когда мы творим неправду, то подвергаем опасности нашу духовную жизнь.

Что же такое ложь? Это положение, при котором наши слова не соответствуют нашим мыслям, знаниям или поступкам. Неправда всегда связана с двоедушием или лицемерием, она выражает принципиальное расхождение между внешней и внутренней сторонами нашей жизни. Этот духовный излом есть вид нравственной шизофрении (по-гречески «шизофрения» как раз и означает «расщепление мозга»), то есть болезнь. А недуг и счастье — понятия несовместимые. В самом деле, говоря неправду, мы как бы разделяемся надвое, начинаем жить двумя жизнями, а это ведет к потере целостности нашей личности. В Священном Писании сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Мк. 3: 24–25).

Человек, творящий дела неправды и сеющий вокруг себя ложь, разделяется в самом себе, подобно обреченному царству, и утрачивает единство своей природы.

Разрушительное действие неправды на нашу жизнь можно уподобить трещинам, изъязвившим здание. Они обезображивают вид дома, но дом продолжает стоять. Однако если случится землетрясение или налетит буря, покрытый трещинами дом не выстоит и рухнет. Так же и человек, отрицающий закон Божественной правды и действующий по наущению отца лжи, ведущий двойную жизнь и внутренне разделенный, вполне может спокойно прожить долгий век. Но если на него вдруг обрушатся испытания, если обстоятельства потребуют

от него проявления лучших человеческих качеств и внутренней силы, то жизнь, прожитая во лжи, обернется неспособностью выдержать удары судьбы.

Ложь разрушает целостность не только человеческой личности, она приводит к тому, что и семья разделяется в себе. Ибо именно ложь является самой распространенной причиной распада семей. Когда муж обманывает жену, а жена — мужа, когда ложь возводит преграды между родителями и детьми, семейный очаг обращается в груды холодных камней. Но ложь разделяет и человеческое сообщество. Вспомним события 1917 года, когда народ разделился в себе, а Отечество было ввергнуто в бездну бедствий и страданий. Разве не лжеучением были мы соблазнены, разве не завистью и неправдой одна часть общества была натравлена на другую? Ложь лежала в основе той демагогии и пропаганды, которые раскололи, вздыбили Россию и, наконец, погубили ее.

А разделение нашего Отечества в конце XX века — разве здесь обошлось без лжи? Разве не противное истине толкование истории возбудило страсти, приведя людей к вражде и конфронтации со своими братьями? А ложь в истолковании и в применении прав и свобод, ложь в экономических отношениях и в деловом партнерстве — разве не приводит она к отчуждению, подозрительности и конфликтам? То же и в межгосударственных отношениях, где ложью и провокациями создаются конфликты, ввергающие народы и государства в пучину несчастий и войн.

Где ложь, там и ее вечные спутники: небратолюбие, двоедушие, лицемерие, разделение. Но там, где угнездилась болезнь, не остается места гармонии и счастью. Перестав лгать самому себе и обманывать других, человек обязательно почувствует прилив огромной внутренней силы, исходящей из восстановленной целостности его бытия. Не то же ли обновление способно пережить и все общество, измученное ложью? Речь здесь прежде всего о политиках, хозяевах экономики и средств массовой информации, нередко общающихся со своими согражданами на языке дезинформации и злонамеренной лжи. В этом и заключена причина многих нестроений, болезней и скорбей, разрушающих общественный

организм. И пока мы не освободим нашу личную, семейную, общественную и государственную жизнь от пагубного действия лжи, мы не исцелимся.

Господь не только связывает правду с человеческим счастьем, но и свидетельствует о том, что само искание правды дает человеку счастье. Блажен тот, кто алчет правды и стремится к ней, как жаждущий — к источнику родниковой воды. Эта устремленность к правде может оказаться порой чреватой опасностями. Ведь за ложью стоит сам диавол, ее отец, покровитель и защитник. Из этого следует, что взыскующий правды совершает волю Божию, а умножающий ложь прислуживает диаволу и ищет соблазнить человека, уловить его в тенета неправды.

Поэтому для поборника лжи столь важно знать, насколько сильно в нас благодатное стремление к правде. Ибо сам он будет стоять за ложь до последнего, не останавливаясь перед тем, чтобы употребить во имя ее власть и насилие. Мы имеем представление о том, какую ценой покупается сохранение тайн, грозящих разоблачением лжи. Но знаем также и о великих жертвах, приносимых теми, кто ищет правды в мире. Ибо тернист путь человека, отвергающего существование по законам лжи. Не о них ли говорит Господь: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»?*

Претерпевая поношения и иные беды за стремление обладать правдой и свидетельствовать о ней, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что наш противник — сам диавол. И потому разрушающий его козни и свидетельствующий об истине наследует Царство Божие.

Мы можем жаждать правды, или полагать душу свою за ее торжество, или быть изгнанными правды ради. Однако абсолютной полноты правды мы не обретем в этом мире, где присутствует могущественное зло и где князь тьмы искусно подмешивает ложь к правде. А потому в великой и непрекращающейся битве во имя правды мы должны научиться различению между добром и злом, между правдой и ложью.

Царь Давид в своем 16-м Псалме говорит удивительные слова, звучащие по-славянски так: «Аз же правдою явлюся лицу Твоему, насыщуся, внегда явити ми ся славе Твоей» (Пс. 16: 15).

По-русски это означает: «А я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим». Алчущий и жаждущий правды человек насытится ею вполне и вкусит от полноты истины только тогда, когда предстанет он перед лицом Славы Божией. Это будет уже в мире ином. Именно там, у Престола Господня, открывается вся правда и является Истина.

Итак, Заповеди Блаженств свидетельствуют: не может быть счастья без правды, как не может быть счастья с ложью. И потому всякая попытка устроить личную, семейную, общественную или государственную жизнь на началах лжи неминуемо приводит к поражению, разделению, болезни и страданию. Да укрепит нас Всемилостивый Бог в стремлении обустроить мирную и счастливую жизнь на краеугольном камне правды, служащей обетованием блаженства.

5. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут

Что есть милость, о которой Господь говорит как об условии блаженства? Милость, или милосердие, — это прежде всего способность человека действительно откликаться на чужую беду. Можно ответить добрым словом, протянуть человеку руку, поддержать его в горе. Можно сделать больше: прийти к нуждающемуся в нашем содействии, помочь ему, отдав свое время и силы. Можно также разделить с несчастным то, чем мы сами владеем. «Здоровый и богатый пусть утешит больного и бедного; кто не упал — упавшего и разбившегося; веселый — унывающего; наслаждающийся счастьем — утомленного несчастьями», — говорит святитель Григорий Богослов. Как раз такого рода деяния Господь тесным образом связывает с идеей оправдания.

В евангельском повествовании мы находим целый перечень добрых дел, совершение которых признается необходимым для наследования Царствия Небесного и оправдания на суде Господнем. Все это — дела сострадания: накорми алчущего, напои жаждущего, одень нагого, прими странника, посети больного и узника (см. Мф. 25: 31–36, 41–43). Не исполнивший же закона милосердия примет свое наказание в Судный день. Ибо, по слову Господа, *«так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне»* (Мф. 25: 45).

И можно уже не гадать о будущности, ожидающей нас в вечности. Каждый еще в этой жизни способен предчувствовать, какой суд уготован ему на небесах.

Вспомним же, многих ли мы накормили и напоили, многих ли пригласили под свой кров, многих ли навестили и дружески поддержали. Каждый из нас может и должен, рассмотрев свои дела при свете совести, высказать о себе суждение, предваряющее Суд Божий. Ибо сами мы лучше других знаем себя и свою жизнь. *«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»* — так читается закон милосердия и воздаяния. И поскольку в грамматической конструкции Заповедей Блаженств Бог милующий и наказующий здесь определенно подразумевается, не будучи, однако, прямо назван по имени, не вправе ли мы ожидать снисхождения и от людей еще в жизни нынешней?

Совершая дела добра и помогая ближнему, мы обнаруживаем, что человек, в судьбе которого мы приняли участие, перестает быть для нас чужим, что он входит в нашу жизнь. Ведь люди так устроены, что любят тех, кому сделали добро, и ненавидят тех, кому причинили зло. Отвечая на вопрос о том, кто есть наш ближний, Господь говорит: это тот, кому мы делаем добро. Такой человек перестает быть для нас чужим и далеким, становясь воистину ближним, ибо отныне ему принадлежат часть нашего сердца и место в нашей памяти.

Но если мы, живя в семье, не помогаем друг другу — значит, самые родные нам люди перестают быть нашими ближними. Когда муж не поддерживает жену, а жена — мужа, когда дети не служат опорой престарелым родителям, когда вражда противопоставляет родственников друг другу, то разрушаются внутренние скрепы, связующие человека с человеком, а наши близкие, в нарушение заповедей Божиих, становятся нам дальше дальних.

Отзывчивость, сострадание и добро, обращенные нами к другим людям, соединяют нас с ними. Значит, ответом нам станет их добросердечие и мы будем помилованы от людей. Между нами и теми, к кому проявили мы участие, установятся особые отношения. Таким образом, милосердие подобно ткани, в которой накрепко переплетаются нити человеческих судеб.

6. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят

Речь в этой заповеди идет о Богопознании. По дошедшим до нас памятникам культуры мы можем судить о том, что вся история человеческой цивилизации отмечена драматичным исканием Бога. Древнеегипетские храмы и пирамиды, древнегреческие и древнеримские языческие капища, восточные культовые сооружения являются средоточием духовного усилия каждой из национальных культур. Все это — отражение подвига Богоискательства, через которое надлежало пройти человечеству. Среди философов, выдающихся мыслителей и мудрецов также не было ни одного, который остался бы равнодушен к теме Бога. Но несмотря на то, что она присутствует в любой значительной философской системе, достигнуть вершин Богопознания было суждено не всем. Порой даже самые изощренные и проницательные умы оказывались не способны к реальному, опытному Богопознанию. Понимание такими философами Бога, остававшееся рассудочно-холодным, было бессильно овладеть всем их существом, одухотворить и вовлечь в истинно религиозные отношения с Творцом.

Что же может помочь человеку лично почувствовать и узреть Бога? Вопрос этот особенно важен для нас именно сейчас, когда, разочаровавшись в бесплодном атеизме, большая часть нашего народа обратилась к поиску духовно-религиозных основ существования. Велико стремление этих людей обрести и познать Бога. Однако пути, ведущие к Богопознанию, переплетаются со множеством ложных троп, уводящих прочь от цели или оканчивающихся тупиками. Достаточно упомянуть о распространенном отношении к неизведанному и не изученным наукой явлениям природы. Нередко люди впадают в соблазн обожествления непознанного, проникаясь к неведомой силе псевдорелигиозным чувством. И подобно тому, как дикари поклонялись непостижимым для них грому, молнии, огню или сильному ветру, наши просвещенные современники фетишизируют НЛО, поддаются под магию экстрасенсов и колдунов, благоговеют перед ложными кумирами.

Так как же возможно, отвергнув атеизм, обрести Бога? Как не сбиться с пути, ведущего к Нему? Как не потерять себя и своего влечения к истинному Богу среди опасно

умножившихся соблазнов лжедуховности? Господь нам говорит об этом словами шестой Заповеди Блаженств:

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Ибо Бог не открывается нечистому сердцу. Нравственное состояние личности есть неперемненное условие Богопознания. Это означает, что человеку, живущему по закону лжи, творящему неправду и прилагающему грех ко греху, сеющему зло и совершающему беззаконие, — такому человеку никогда не будет дано принять в окаменевшее сердце свое Всеблагоего Бога. То есть, выражаясь языком техническим, сердце его не способно подключиться к источнику Божественной энергии. Наше сердце и наше сознание можно уподобить приемному устройству, которое должно быть настроено на ту же частоту, на которой передается в мир Божественная благодать. Эта частота есть чистота нашего сердца. Не этому ли научает нас и Слово Божие: «В злохудожную душу не входит премудрость. Она не обитает в теле, повинном греху» (Прем. 1: 4).

Итак, чистота помыслов и чувств является неперменным условием Богопознания. Ибо можно перечитать библиотеки книг, прослушать бесчисленное количество лекций, истязать свой мозг поисками ответа на вопрос, есть ли Бог, но так никогда и не приблизиться к Нему, не распознать Его или же принять за Бога то, что Им не является, — диавола, силу тьмы.

Если наше сердце не настроено на волну Божественной благодати, то познать, увидеть Бога нам не удастся. А увидеть Бога, принять и почувствовать Его, войти с Ним в общение означает обрести Истину, полноту жизни и блаженство.

7. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими

Как подчеркивает святитель Иоанн Златоуст, этой Заповедью Блаженств Христос «не только осуждает взаимное несогласие и ненависть людей между собой, но требует большего, а именно — чтобы мы примиряли несогласия и раздоры других». По заповеди Христа мы должны стать миротворцами, то есть теми, кто устроит на земле мир. В этом случае мы станем сынами Божиими по благодати, ведь, по словам того же Златоуста, «и дело Единородного Сына Божия состояло в том, чтобы соединить разделенное и примирить враждующее».

Нередко полагают, что отсутствие войны или прекращение конфликта и есть мир. Поссорились супруги, потом разошлись по разным углам, прекратились крики и взаимные оскорбления — вот как бы и мир наступил. Но в душе-то и в помине нет ни мира, ни покоя, одни лишь раздражение, досада, злоба и гнев. Получается, что прекращение враждебных действий и открытого противостояния сторон еще не есть свидетельство подлинного мира. Ибо мир — понятие не отрицательное, то есть характеризующееся простым отсутствием признаков конфронтации, но состояние глубоко положительное: некая благодатная реальность, вытесняющая идею вражды и заполняющая собою пространство человеческого сердца или общественных отношений. Приметой истинного мира является душевный лад, когда на смену гневу и раздражению приходят согласие и покой.

Ветхозаветные евреи именовали это состояние словом «*ишолом*», подразумевая под ним Божие благословение, ибо мир — от Бога. И в Новом Завете Господь говорит о том же: мир как покой и удовлетворение есть благословение Божие. Апостол же Павел в Послании к Ефессянам свидетельствует о Господе: «Он есть мир наш» (Еф. 2: 14).

А преподобный Серафим Саровский описывает состояние мира следующим образом: «Дар и благодать Святого Духа и есть мир Божий. Мир есть знамение присутствия Божией благодати в человеческой жизни». И потому в момент Рождества Христова ангелы благовествовали пастухам словами: «*Слава в вышних Богу, и на земле мир...*» Ибо Господь, Источник и Податель мира, Своим рождением принес его людям.

Какой же тогда выбор надлежит сделать человеку, и в чем будет состоять его миротворческое дело? «*К миру призвал нас Господь*», — говорит апостол Павел (1 Кор. 7: 15), и первыми словами Господа Воскресшего по Его явлению апостолам было «*Мир вам*». Это и есть Божий зов, которому отвечает человек. Ответ же может быть двояким: мы либо открываем свою душу для приятия мира Божия, либо воздвигаем непреодолимые преграды действию в нас Божественной благодати. Если сын усвоит не только родовое имя отца своего, но и становится продолжателем его дела, то между ними устанавливается особая преемственная связь. Не в этом ли смысле следует

понимать слова Господа о том, что сынами Божиими назовутся те, кто продолжит дело Отца, устрояющего мир?

Мир есть покой, а покой есть равновесие. Из физики мы знаем, что в состоянии покоя пребывает только устойчиво равновесная система, и следовательно, равновесие, баланс являются неременным условием покоя.

При каких же обстоятельствах мир воцаряется в душе человека? Когда уравновешены различные свойства его душевной природы, когда гармонизированы его внутренние устремления, когда достигнут баланс между духовным и физическим началами, между разумом и чувствами, между потребностями и возможностями, между убеждениями и действиями. Но такая система будет переживать потерю устойчивости всякий раз, когда между этими началами внутренней жизни человека станет нарушаться равновесие. Что же касается мира внешнего, то он будет обретен только тогда, когда придут в равновесие интересы личности, семьи, общества и государства. Ибо устойчивость здесь достигается через справедливое распределение прав, обязанностей и ответственности: недаром символом честного суда и законной меры являются весы в руках Фемиды. Иными словами, между миром, равновесием, покоем и справедливостью существуют глубокие внутренние взаимосвязи. Справедливость равновесна, поэтому она есть неременное условие мира. Ибо не может быть мира без справедливости.

Жизнь постоянно ставит человека в ситуацию, когда ему необходимо восстанавливать равновесие между противоречивыми внутренними устремлениями. Простейший пример — рассогласование потребностей и возможностей: хочется иметь дорогой автомобиль, но нет для этого средств. Из данного состояния существует два выхода: либо привести в равновесное положение свои желания и возможности, либо, не останавливаясь ни перед чем, всеми силами стремиться удовлетворить свои потребности. Когда возможности и потребности человека не достигают гармонии, он страдает, и страдание его дополнительно возгревается чувством зависти. Внутренний мир наступит только в том случае, если весы, на чашах которых лежат наши запросы и возможности, зафиксируют равновесие.

Другой пример — из сферы общественной: о соотношении мира и справедливости. В Южной Африке во времена апартеида черное большинство вело ожесточенную борьбу за равные права с правившим белым меньшинством. Как-то в беседе с одним из лидеров африканского освободительного движения я спросил: «В трудной жизни вашего народа и без того слишком много насилия, так не лучше ли было бы вам примириться с вашими противниками?» И он мне на это ответил: «Но какой же это будет мир без справедливости? В его основе лежал бы постоянно тлеющий конфликт, чреватый взрывом и множащий людские страдания. Чтобы наступил подлинный мир, необходимо справедливое решение проблемы, лежащей в основе конфликта».

Идея мира и идея справедливости произрастают из единого корня. Внутренняя соразмерность и гармония интересов в семье, обществе и государстве, равно как и в межгосударственных отношениях, достигаются тогда, когда своими интересами готов поступиться каждый. Именно поэтому миротворчество всегда требует жертв и самоотдачи. В самом деле, если человек не готов принести в жертву другому часть собственных интересов, как сможет он участвовать в создании равновесной системы? И разве способен на это тот, кто привык во главу угла ставить только себя и собственную выгоду? Подобная личность несет в себе потенциальную угрозу миру, она опасна для семейной и общественной жизни. Будучи не способным привести к равновесию действующие в нем силы, такой человек оказывается в роли носителя постоянно-го внутреннего конфликта, который чаще всего не ограничивается личной жизнью, но проецируется на межличностные и даже общественные отношения.

Однако если центральное место в жизни занимает Бог, то человек становится способным отказаться от своих претензий во имя блага ближнего, ибо Бог призывает нас к любви. Когда же люди, находящиеся во вражде, демонстрируют неспособность к самопожертвованию, а значит, и к примирению и конфликт, в котором они участвуют, начинает затрагивать многих, собирая кровавую жатву, тогда для достижения мира обращаются к посредникам. Исполнять эту функцию в миротворческой миссии — дело духовно опасное,

ибо посредник обязан требовать от враждующих сторон самоограничения. В результате их гнев и недовольство вполне могут обратиться на посланца мира.

Миротворческое служение есть долг и призвание Церкви. Чтобы доказательно говорить об этом, не нужно углубляться в историю. Достаточно вспомнить гражданский конфликт в России осенью 1993 года, когда Церковь инициировала миротворческий процесс, выступив посредницей между противоборствующими силами. При этом она вполне отдавала себе отчет в том, что ее миссия вызовет недовольство обеих сторон. Так и произошло, ибо ее призыв явить достойное самоограничение, умерить политические амбиции и обуздать демона вражды не был принят ни теми, ни другими. Газетные публикации, последовавшие за этими миротворческими инициативами, также свидетельствовали о непонимании миссии Церкви и недовольстве ее позицией.

Но в том и состоит достоинство и власть миротворческого служения, чтобы во имя достижения справедливого равновесия прямо следовать к Богу заповеданной благой цели, утверждая дух братолюбия и не соблазняясь возможным непониманием и осуждением. К сожалению, нередко миротворческое служение используется в своих интересах силами, спекулирующими на трагедии ближнего или стремящимися заработать политический капитал. А ведь миротворчество есть жертва, но вовсе не средство дешево купить общественное признание или эффектно увенчать себя лаврами благодетеля человечества. Истинное миротворчество подразумевает в первую очередь готовность испытать хулу и поношение от тех, к кому явился ты с оливковой ветвью в руках. Так происходит порой при разрешении межгосударственных, социальных или политических конфликтов, та же модель воспроизводится и в нашей частной жизни.

Бог — Творец мира и жизни. И мир есть неперемненное условие сохранения жизни. Те, кто служит этой цели, являют верность завету Господа и продолжают Его дело, почему и называются сынами Божиими.

8. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное

Мы уже рассматривали заповедь, обращенную к тем, кто готов жить по правде:

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Господь здесь говорит о награде людям, взыскующим правды: они обретут то, к чему стремится их душа. А в заповеди об изгнанных за правду Он предупреждает нас об опасностях, подстерегающих человека на этом пути. Ибо жизнь по правде непроста и мало напоминает прогулку по ухоженному парку. Жизнь по правде — труд и испытание, сопряженные с риском, потому что в мире, где мы живем, слишком много лжи. Рассуждая о происхождении зла, мы говорили, что диавол есть персонифицированное зло, или, по Слову Божию, лжец и отец лжи. Он активно действует в нашем мире, распространяя ложь повсюду.

«Ложь — гнусное бесчестие человека», — говорит святой Иоанн Златоуст. Велики успехи лжи. Она пронизывает нашу общественную жизнь, становится средством достижения власти, разлагает семейные отношения, лишает человека внутренней целостности, ибо умножающий неправду раздваивается в себе.

Если посмотреть вокруг, то прежде всего бросается в глаза, сколь широко распространена неправда. Создается впечатление ее динамического возрастания, увеличения количества зла и умножения его позиций, в том числе и в общественной жизни. Примеров этому не счесть.

Многие еще помнят кампании по борьбе с так называемыми приписками в советской экономике. Приписки действительно были бичом и постоянной приметой хозяйственной жизни тех лет: объем производства, не выполненный работником, предприятием, районом или областью, показывался в документах как выполненный, и это приводило к дисбалансу экономической системы страны, нанося значительный ущерб всему обществу. В 90-х годах минувшего века стремление обогатиться несправедливыми средствами возросло во много крат, обернувшись хищническим разграблением национальных богатств, стяжанием личного капитала немногими за счет общенародного достояния, созидавшегося тяжким трудом нескольких поколений. На наших глазах малое

и худо-бедно контролируемое зло возросло, превратившись в угрозу национальной безопасности страны и ее будущему.

Еще во времена моего детства случаи обвешивания или обсчета покупателя в магазине неизменно вызывали всеобщее негодование. Нынешние способы обогащения бесконечно умножились и изощрились в сравнении со временами примитивного обвешивания и обсчета.

Нечто подобное происходит и в других странах. В европейских городах, где еще 30–40 лет назад многие люди не закрывали на замки свои жилища, во много раз увеличилась преступность, включая экономическую. Что же касается мира политики, то хорошо известно, с какой легкостью раздают здесь предвыборные обещания. Однако нередко обещания так и остаются обещаниями. В мире, где мы живем, ложь — не экзотика, не редкостный случай, но широко распространенное средство достижения материального благополучия или власти. Но что происходит с человеком, который отказывается жить по закону лжи и бросает ей вызов? Ложь использует все подвластные ей средства, чтобы отомстить непокорному. Однако из этого вовсе не следует, что сегодня не осталось людей, которые не желают жить по лжи. Такие люди, слава Богу, есть.

Мне приходится встречаться с учеными, конструкторами, инженерами, военными, рабочими заводов и фабрик, с сельскими тружениками. Многие из них, несмотря ни на что, продолжают жить по правде. В середине 90-х годов мне пришлось выступать в Московском университете и встречаться с учеными мирового класса — математиками, механиками, физиками. Глядя на их одежду и внешний вид, не свидетельствующий о благополучии и процветании, я думал: «Что удерживает этих блестящих ученых на их скромных зарплатах? Почему не разъехались они, подобно иным своим коллегам, по благоденствующим странам, где их ожидали бы заслуженный почет и вполне комфортабельное существование?» Когда я спросил об этом, один из профессоров сравнил себя и своих товарищей с часовыми, остающимися на страже отечественной науки. И в самом деле, истинные борники правды, патриоты и подвижники науки, эти люди сохраняли верность ее идеалам, своему исследовательскому

и человеческому долгу, несмотря на отсутствие в то время государственного признания и поддержки со стороны власть имущих.

Великим утешением и опорой для нас является памятование о том, что человек, живущий по правде, в конечном счете всегда побеждает. Побеждает уже потому, что правда сильнее лжи. Это убеждение живет в мудрости нашего народа: «Делай не ложью — все выйдет по-Божьи», «Все минется — одна правда останется», «Не в силе Бог, а в правде»... Случается, однако, что отдельный человек не доживает до момента торжества правды, ибо 70–80 лет жизни — лишь миг перед лицом вечности. Однако правда торжествует всегда. И если не в этой жизни, то в жизни вечной человек, живший по правде, увидит ее торжество. Поэтому и говорит Господь: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»*.

И даже если награда человеку, принесшему себя в жертву правде, не успевает найти его здесь, то воздаяние праведнику непременно будет ожидать его в жизни вечной.

Борьба за правду есть то, к чему призваны в этом мире христиане. Однако, борясь за правду, нужно не только стремиться к ее торжеству, но и быть при этом чрезвычайно чувствительным к вопросу о цене победы, ибо не все средства для христианина допустимы. В противном случае борьба за правду способна вырождаться в обыкновенную свару или интригу. Нередко случается, что люди начинают с отстаивания великих идеалов и с борьбы за правое дело, а заканчивают расталкиванием ближних локтями в битве за место под солнцем или духовным деспотизмом.

Какие же средства непозволительны в борьбе за правду? Невозможно утверждение истины посредством злобы и ненависти. Тот, кто выступает за правду, не может питать низкие чувства в отношении своих противников. Ибо сильнейшим нашим оружием в утверждении правды является она сама: правда одновременно есть и цель, и средство борьбы. На бой за правду выходят с открытым забралом и с открытым сердцем, в котором нет ненависти. Это, однако, не означает, что человеку не на что опереться в борьбе за правду.

Святые отцы научают нас, что помощниками в этом трудном делании являются терпение и мужество. Терпение

восполняет нехватку наших слабых сил, дарует способность преодолевать скорбь и трудности. Так внутренней силой терпения одолевается внешний враг. Мужество же необходимо нам потому, что ложь всегда пытается запугать человека, прибегает к коварным и низменным средствам, силится сломить дух своего противника, перенести поле битв: с открытого места в тесное и темное. И потому борьба за правду всегда вдохновляема мужеством и поддерживаема терпением.

Господь не призывает нас быть пассивными созерцателями зла и неправды. Он благословляет нас выступить на стороне поборников истины и справедливости, с тем, однако, чтобы мы при этом всегда памятовали о необходимости сохранять чистоту души, оберегать наше христианское достоинство и не марать свои ризы грязью лжи и зла.

9. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...

Эта последняя Заповедь Блаженств звучит особенно драматично, ибо она о тех, кто принимает мученический венец за исповедание Христа Спасителя. Почему же почитались опасными ученики Иисуса и почему необходимо было гнать и злословить тех, кто нес в мир слово любви? Вопрос далеко не праздный, ибо ответ на него поможет понять, пожалуй, один из главных конфликтов истории.

Дело в том, что правда Божия была явлена исключительно и абсолютно именно в личности Иисуса Христа. Эта правда не есть ни теория, ни умозаключение, ни отвлеченная идея, но самая возвышенная и прекрасная реальность, нашедшая яркое выражение в исторической личности Иисуса из Назарета. И поэтому враги правды Божией вполне отдавали себе отчет в том, что без борьбы со Христом и Его последователями невозможно победить Его правду. Свою задачу они видели в том, чтобы помрачить блистающий святостью и красотой образ Спасителя, если уж невозможно истребить и изгладить его совсем.

Это бореие со Христом началось еще при жизни Господа. «Никакой Он не Мессия, — вещали тогдашние правители и учителя иудейские, — а просто обманщик из Назарета, сын плотника». «Вовсе Он не воскрес, — твердили они

же, узнав о великом чуде. — Это ученики похитили Его тело». Нечто подобное утверждали и правители Римской империи, называвшие христианство «гадким суеверием» и обрушивавшие на него как на общественно и политически опасное явление всю мощь государственного репрессивного аппарата.

Поразительно, но борьба со Спасителем и провозглашенным Им учением объявляется с момента возникновения христианства, с провозглашения Христом Заповедей Блаженств. Во второй половине I века эта борьба обретает форму жесточайших гонений. Начавшись при римском императоре Нероне, они продолжались более 250 лет. Ныне ежедневно Святая Церковь воспоминает по нескольку мучеников, страстотерпцев и исповедников, имена которых навеки запечатлены на ее скрижалях. Сонмы мучеников засвидетельствовали верность Христу своей жизнью и смертью. И о каждом из них можно поведать историю, полную драматизма. Остановимся на истории лишь одной семьи.

Имена Вера, Надежда, Любовь и София носят многие женщины России. Святая мученица София родилась в Италии, была вдовой и имела трех дочерей: двенадцатилетнюю Веру, десятилетнюю Надежду и девятилетнюю Любовь. Все они веровали во Христа и открыто несли Его слово людям. Некто по имени Антиох, правитель той провинции, где они жили, донес римскому императору об этой христианской семье. Их вызвали в Рим, где подвергли допросу, а затем и истязаниям. Существуют свидетельства о чудовищных пытках, которые довелось претерпеть этим маленьким девочкам. Обнаженными их положили на раскаленную металлическую решетку и поливали кипящей смолой, заставляя отречься от Христа и поклониться языческой богине Артемиде. Многого не требовалось: принести цветы к подножию ее статуи или же воскурить перед нею фимиам. Но девочки отказались, видя в этом предательство своей веры во Христа. С особенной жестокостью истязали Любовь: сильные воины привязали ее к колесу и избивали палками до тех пор, пока тело девочки не превратилось в кровавое месиво. Матери же юных мучениц была уготована особая пытка: Софию заставляли смотреть на страдания ее дочерей. Затем девочек обезглавили, а спустя три дня на их могиле скончалась от горя и София.

В этой истории поражает, в частности, фанатическая ненависть и нечеловеческая злоба, которые невозможно объяснить ничем иным, кроме как дьявольским внушением. Ибо в Римской империи дозволялось исповедание любых религиозных культов, но война на уничтожение была объявлена только христианству. Поражает и другое: как маленьким девочкам достало мужества вынести эти невообразимые муки, и сотая доля которых превосходит все, что способен был бы вытерпеть даже взрослый мужчина. Запаса человеческих сил на это хватить не могло. Но духовный, религиозный опыт этих детей оказался столь богат, столь велико было счастье и радостна полнота жизни, обретенные ими через свою веру, что разделить юных мучениц со Христом не могли ни раскаленные решетки, ни кипящая смола. И Господь укреплял эти чистые души в их исповедании Истины и противостоянии злу.

Древний церковный писатель Тертуллиан говорил: «Кровь мучеников — семя христианства». И это действительно так, потому что мучения и преследования, которым подвергались последователи Иисуса Христа, становились неложным свидетельством истинной веры и таким образом способствовали распространению христианства, так что даже сами гонители нередко бывали обращаемы ко Спасителю силою духа тех, кого они истязали.

Гонения на христианство закончились в начале IV века, но в широком смысле слова не прекращались никогда. Быть христианином, открыто жить в соответствии со своими убеждениями почти всегда означало плыть против течения, принимать удары со стороны тех, для кого христианство оставалось словом, далеким от их жизни. Но, наверное, XX век стал самым страшным периодом гонений на христиан за всю историю. В послереволюционные годы изощренным пыткам и мучениям подвергались наши соотечественники — епископы, священники, монахи, бесчисленное множество верующих. Народ Божий был истребляем только за то, что веровал во Христа Спасителя. Но, словно безотчетно чувствуя несправедность творимого ими, преследователи христиан старались представить дело так, будто они травят верующих не за их религиозные убеждения, а за политические прегрешения

перед властью. Широко использовался также такой грязный прием, как шельмование и дискредитация верующих в глазах общества, что, например, не раз проделывалось в процессе изъятия церковных ценностей. В итоге почти все епископы и духовенство были расстреляны или сгинули в лагерях. На свободе осталась горсточка, воистину «малое стадо», которому выпало на долю сберегать нашу веру в неимоверно трудных условиях.

Однако ныне находятся некоторые «исследователи истории», которые цинично вопрошают: «А почему эти немногие уцелели? Как посмели они остаться в живых, когда другие были уничтожены?» И тут же отвечают себе: «Если их пощадили, то не иначе как потому, что у них были особые отношения с властями». Духовными отцами и предтечами этих ложномудрствующих «историков» были как раз те, кто занимался физическим истреблением цвета русского Православия. Ибо нынешние враги Церкви Христовой хотят довершить дело тогдашних гонителей и расстрелять нашу память о выживших в страшные годы репрессий и донесших до нас красоту православной веры.

Заплатившие жизнью своей за верность Христу и Его Церкви были мучениками, а пронесшие эту веру через все испытания и искушения и оставшиеся в живых стали исповедниками. Трудно даже вообразить себе, что случилось бы с нашим Отечеством, если бы исповедники 20-х, 30-х и последующих годов не соблюли православную веру в нашем народе! Последствия этого были бы катастрофичны для нашего национального, духовного и религиозно-культурного самосознания. Опустошенные, изверившиеся люди, утратившие Бога и духовный иммунитет, стали бы сегодня легкой добычей лжеучителей и псевдомиссионеров, слетевшихся на нашу землю со всех концов света. И потому ныне в знак признательности и благодарности мы склоняем головы как перед памятью тех, кто остался верен Христу даже до смерти, так и перед исповедническими трудами тех, кто сберег и через десятилетия неслыханных гонений пронес искру Православной веры. Ныне искра, возгоревшись в пламень, согревает и вдохновляет наш православный народ, укрепляет его в борьбе с грехом и ложью, помогает преодолевать соблазны

лжеучений и давать отпор тем, кто стремится оторвать его от родной почвы.

Далеко не случайно то, что завершающая из свода Заповедей Блаженств посвящена гонимым за Христа. Ибо принимая христианское учение и сверяя с ним свою жизнь, мы занимаем совершенно определенную позицию в ключевом конфликте всех времен — борьбе Бога с дьяволом, сил добра с силами зла. А ратоборство с князем тьмы, со злым началом и могущественной ложью, равно как и исповедание Истины Христовой, — дело вовсе не безопасное. Ибо зло не безразлично к миру и человеку, не нейтрально: оно подкарауливает и уязвляет тех, кто бросает ему вызов.

Заповедь о гонимых за Христа отличается от всех остальных. Сравним ее с предшествующей: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».*

То есть блажен тот, кто пострадал за правду: воздаяние ему уготовано на Небесах. Заповедь же о претерпевших ради Христа звучит иначе: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».*

То есть блаженны не в жизни будущей, но уже в тот самый момент, когда претерпеваются гонения за Христа. Но тогда почему блаженны? Да потому, что именно в момент наибольшего напряжения человеческих сил в стоянии за правду Божию открывается полнота этой правды. Не случайно Вера, Надежда и Любовь остались верны Христу даже в муках. Потому что в момент исповедничества, в страшный миг испытаний с ними пребывал Сам Господь.

Если мы принимаем Заповеди Блаженств, то мы принимаем Самого Христа. А это значит, что нашим высшим законом и нашей высшей правдой является нравственный идеал христианства, за который мы должны быть готовы пострадать, обретая и в этом идеале, и в его исповедании полноту жизни.

Нагорная проповедь. Соотношение Ветхого и Нового Заветов

Заповеди Блаженств не исчерпывают всей полноты Нагорной проповеди Спасителя, занимающей совершенно особое место в евангельском повествовании. В этой проповеди Господь формулирует основы Своего нравственного учения.

Два евангелиста подробно излагают Нагорную проповедь: ее можно найти в Евангелии от Матфея (главы 5–8) и в Евангелии от Луки (глава 6).

Известно, что Слово Спасителя воспринималось слушателями как нечто новое, небывалое доселе. Поражали непривычные мысли и та сила, которую Господь вкладывал в Свои слова. Однако Сам Спаситель вовсе не характеризовал Свое учение как явление принципиально новое, но, напротив, подчеркивал его связь с ветхозаветным учением:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. *Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все*» (Мф. 5: 17–18).

Десять заповедей, которые Бог дал Моисею на Синайской горе, являли собой необходимый минимум, исполнение которого позволяло человеку сохранять свое человеческое лицо и достоинство, строя отношения с другими людьми на основе нравственной нормы. Иисус Христос не отрекается от ветхозаветных установлений, не подвергает их ревизии или сомнению. В Своей проповеди Он обращается к нравственным нормам Ветхого Завета, при этом расставляя совершенно новые акценты. Он выделяет именно те элементы

ветхозаветного нравственного учения, которые тогдашним иудейским обществом были либо преданы забвению, либо просто игнорировались. Именно этим определялась поражающая слушателей непривычность и неожиданность слов Христовых. И доныне Нагорная проповедь воспринимается как непреходящая новизна, как величайшее Откровение о человеке и мире, принесенное Господом и Спасителем нашим.

Итак, Спаситель пришел не отменить Ветхий закон, прежде полученный через Моисея, но исполнить его в Истине, обновить его, раскрыть его сокровенный смысл. В отличие от философов, учителей или идеологов всех времен, Господь не призывает Своих последователей отказаться от прежних верований и предать забвению старые истины. Напротив, обращаясь к убежденным приверженцам отеческих преданий, Он подчеркивает целостность и преемственность Ветхого и Нового Заветов. Поэтому христианство и называется религией двух Заветов. Христианин взирает на Ветхий Завет, умудренный и просвещенный спасительным ведением Нового Завета. Моисеев закон понимается им как приуготовление людей к полноте Откровения, принесенного человечеству Спасителем, *«ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа»* (Ин. 1: 17).

Оба Завета суть единое Божественное Откровение, указывающее людям путь ко спасению.

Подобный взгляд на соотношение двух Заветов оспаривался уже с конца I века, когда появились еретические секты эбионитов (иудействующих), или, как их позже стали называть, субботников. Они отказывались рассматривать Ветхий Завет с позиций Нового Завета, отдавая в своем религиозном мышлении приоритет нормам Ветхого Завета. Церковь осудила этих еретиков и отвергла их учение. В России секты иудействующих появились в XV веке и затем вновь возникли в IX веке, продолжая существовать доныне.

Противоположная крайность связана с отказом христиан признавать авторитет Ветхого Завета, воспринимаемого как узкое национально-религиозное явление, имеющее ценность только для древнеиудейской культуры. Эти положения лежали в основе учения ересиарха II века Маркиона, неправомыслие которого по этому вопросу подверглось осуждению

святых отцов, ибо Ветхий и Новый Завет составляют единство и целостность Божественного Откровения. Эта догматическая истина нашла прекрасное выражение в богослужении Православной Церкви, использующей тексты как Ветхого, так и Нового Заветов.

Обращаясь к слушателям Нагорной проповеди, Господь говорит: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду..*» (Мф. 5: 21–22).

Вот узел, связующий два Завета. Господь ведь не отрицает справедливости закона, данного древним иудеям через Моисея. Но как высоко поднимает Он уровень нравственных требований к человеку! Там суду должен был быть предан убийца, а здесь суду подлежит уже тот, кто напрасно гневается на своего ближнего. И это не случайно, ибо гнев и злоба являются теми чувствами, которые, не будучи остановлены, могут привести к самым страшным поступкам, включая убийство. Нравственные требования Нового Завета не только во многом превышают аналогичные требования Завета Ветхого, но и направлены на формирование того особого состояния человеческого духа, которое исключает совершение греха.

Далее Господь говорит: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» (Мф. 5: 27–28).

Там — призыв воздерживаться от фактического прелюбодеяния, от совершения супружеской измены, а здесь грехом почитается одна только мысль о прелюбодеянии, одно только вожделение. Можно ожидать, что это положение Новозаветной этики способно вызвать неприятие и несогласие современного человека, взращенного на идеях нравственного релятивизма и вседозволенности, утверждаемых массовой псевдокультурой, включая рекламу, нередко эксплуатирующую половой инстинкт. Но Господь учит, что сама мысль о грехе, само желание или допущение возможности греха уже суть грех.

Развивая это положение, великие аскеты и отцы Церкви позднее разработали собственную стратегию сопротивления

греху, которая включает как бы несколько рубежей обороны. Первый из них проходит на уровне нашего сознания, где берут начало греховные вожделения. И если здесь мы в состоянии оказать сопротивление греху, критически оценив свои стремления, то можем одержать победу над ними на самом передовом рубеже этой обороны, являющемся и самым легким.

Но если нам не удастся остановить здесь одолевающие нас греховные мысли, они неизбежно превратятся в желания. А от желания до поступка дистанция куда меньше, чем от мысли до поступка. Так вторым рубежом нашей обороны становится сопротивление греховным желаниям на уровне человеческой воли. Она должна быть направлена на организацию усилий, ограждающих нас от греха.

Есть и последний рубеж обороны, который, впрочем, почти всегда можно рассматривать как проигранный. Ибо невероятно трудно одержать победу над грехом в тот момент, когда человек уже действует. Для этого необходима исключительная сила воли. Вот почему Господь говорит, что прелюбодеяние, совершаемое мысленно, в воображении, уже греховно. Мы видим, что целью христианства является вовсе не стремление заковать людей в броню воздержания, аскезы и подвига, но помочь им противоборствовать греху на той стадии, когда таковое противоборство еще оставляет реальный шанс на победу.

Господь не только задает высочайшие нравственные нормы и формулирует идеалы жизни, но, что не менее важно, научает, каким образом, преодолевая грех, соответствовать этим нормам и достигать этих идеалов.

Нагорная проповедь.
Основные положения христианской этики:
непротивление злу и любовь к врагам

Господь говорит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. *Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся*» (Мф. 5: 38–42).

И далее: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? *Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф. 5: 43–48).

Именно эти тексты Священного Писания Нового Завета на протяжении столетий потрясают воображение людей, радикально меняя жизнь одних и вызывая удивление и даже неприятие других. Очевидно, что приведенные слова Господа заключают в себе образ некоего высшего нравственного идеала, подобного которому мы не находим ни в одной из известных этических, религиозных или философских систем,

включая и Ветхий Завет. Слово Господне ни с чем не сравнимо и не похоже ни на какое иное.

Это ставит человека в тупик: как же так — меня ударяют по правой щеке, а я должен подставить левую? «Это не для меня», — скажет тот, кто привык кулаком прокладывать себе дорогу в жизни. А другой, пожалуй, заметит: «Позвольте, здесь есть противоречие с тем, что мы находим в других местах Евангелия». Ибо известно, что вслед за произнесением Нагорной проповеди Иисус гневно обличил иудейских книжников и фарисеев в неправедности и лицемерии, бросив вызов тогдашней системе власти и тем идеям, на которых эта система основывалась. «Разве так выглядит непротивление злу?» — спросит сомневающийся. Более того, Евангелие дважды повествует о том, как «вошел Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей» (Мф. 21: 12), «и, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал...» (Ин. 2: 15).

Критики этих текстов находят здесь противоречие между словами и поступками Спасителя. Однако, чтобы уяснить смысл заповедей Христовых, нужно не только принять во внимание то, о чем эти заповеди говорят, но и то, о чем они не говорят. А не говорят они, например, о том, что человек должен самоустраниться от всякого сопротивления злу и отказаться от борьбы с ним. В упоминавшемся выше эпизоде Сам Господь дал нам пример обличения и посрамления зла.

Когда Спаситель призывает нас не отвечать ударом на удар и лом за зло, когда Он научает любить врага, Он вовсе не проповедует пассивности перед лицом зла как такового. Его слово не следует понимать как призыв к капитуляции перед злым началом. Но Господь говорит о том, какие средства не надо употреблять, дабы пресечь господствующее зло. В самом деле, что последует, если мы, получив удар, ответим тем же? Известен закон Ньютона, согласно которому сила действия равна силе противодействия. Этот закон в определенной мере применим не только в отношении столкновения физических сил. Всякий ответный удар неизбежно

порождает новый встречный удар — до тех пор, пока эскалация насилия, злобы и ненависти не приведет к большой беде. Разве не такова модель наших семейных, общественных, межнациональных конфликтов? Если противостояние становится все более радикальным и нетерпимым, если в нем все больше ненависти и насилия, если узел взаимной вражды затягивается все туже, то кто-то должен остановиться первым. Потому что только остановившись, можно задуматься о причинах происходящего и найти выход из ненормальной ситуации. Но остановиться означает не ответить на удар, снести оскорбление, то есть, по сути дела, как бы подставить другую щеку: ты меня ударил, но я нашел в себе силы не отвечать тем же. К этой мудрости люди приходят на страшном опыте своей жизни.

Достаточно вспомнить ожесточенные конфликты 90-х годов на постсоветском пространстве. Сколько пролилось крови, и всегда одна из враждующих сторон непременно стремилась взять реванш, отомстить за поражение и переломить ситуацию в свою пользу. Локальные войны сделали заложниками кровавой безысходности целые народы. Но всегда одна из сторон останавливалась. Не потому, что была научена Евангелием, но потому, что понимала: дальше — самоуничтожение. И в какой-то момент один из соперников «подставлял другую щеку». Так желающего Бог ведет, а не желающего тащит. Но неужели нужно было испытать полной мерой чашу страданий и горя, чтобы вынужденно признать справедливость истины, возвещенной Спасителем нашим? Зло невозможно победить силою зла. Господь не слабость человеческую возводит в образец и не к пассивному страданию призывает нас, но учит о том, что насилие не способно положить предел злу и исцелить вражду.

Есть и иное, о чем следует сказать и над чем следует подумать. Наш враг не обязательно является носителем неправды. Чаще всего мы себя почитаем носителями добра и правды, а всех, находящихся с нами в конфликте, непременно отождествляем с неправдой и злом. А ведь может стать, что это вовсе не так. Ибо наш собственный взгляд на добро и зло способен оказаться весьма субъективным, а наш личный враг может в то же время и не быть врагом Божиим.

Поэтому следует помнить о том, что пред лицом Царя Небесного все люди равны. Дождь, посылаемый от Господа, орошает и праведников, и грешников, а солнце равно светит как тем, так и другим. Ибо каждый человек есть чадо и творение Божие, возлюбленное Отцом Небесным. И если попытаться взглянуть на человеческие отношения под этим углом зрения, то, быть может, наши ненавистники окажутся не такими уж и врагами нам. Но тогда во взаимоотношениях с этими людьми злоба и вражда окажутся явно не лучшими средствами справедливого разрешения конфликта и утверждения истины.

Святитель Иоанн Златоуст называет любовь корнем, источником и матерью всех благ. Что же такое любовь? Наверное, всеобъемлющего определения любви не существует, несмотря на то что о ней сказано больше, чем о любом другом человеческом чувстве. Однако совершенно очевидно, что понятие любви подразумевает присутствие некоей силы, соединяющей людей. В каком-то смысле любовь действительно является силой, влекущей одного человека к другому или связующей их воедино.

Но идея любви к врагу усваивается с трудом. И в самом деле, если любовь есть сила, соединяющая людей, то как же возможно соединиться с недругом? Пусть даже этот человек не так уж и плох, пусть он не является воплощением зла и носителем неправды, но если он просто неприятен мне, то как возможно возлюбить его? В этом новозаветном тексте, несомненно, присутствует тайна Божия, постижение которой, видимо, доступно не столько разуму, сколько опыту. Слово Господне вводит нас в некую духовную реальность, открывающуюся человеку только изнутри, из глубины, из опыта внутренней жизни.

«Бог есть любовь», — свидетельствует Священное Писание (1 Ин. 4: 8). И если в центр своего существования мы поставляем не собственное «я», как это случается чаще всего, но Бога, то доминантой человеческой жизни становится любовь. Ведь Бог, пребывающий в нашем сердце, постоянно являет Себя, подает нам Свою силу и Свою благодать. Так любовь становится стихией нашего бытия, образом нашей жизни и способом мышления. И в этом случае, быть может, следует

ставить вопрос иначе: а может ли такой человек не любить других людей, в том числе проклиняющих и ненавидящих, обидающих и гонящих его?

Конечно, любовь к ближнему — для многих несбыточный, недостижимый идеал. Но если поставить себе целью восхождение к этому идеалу, постепенное продвижение к нему через отказ от ненависти, через приятие в свою душу жалости, понимания и сочувствия к другому человеку, через сотворение дел добра и милосердия, то как прекрасно преобразится наша жизнь!

И даже если не будет дано нам взойти на высоту любви к врагу своему, то все равно, следуя по жизни заповеданным нам путем, мы неизбежно преобразим духовно и себя, и свои отношения с ближними.

Нагорная проповедь. Молитва Господня

О милостыне Господь говорит в Нагорной проповеди особо, сравнивая ветхозаветное отношение к милостыне с новозаветным и обнаруживая при этом существенное различие. В Ветхом Завете милостыня есть безусловная моральная ценность, как, впрочем, и во многих других религиях. Милостыня — благое деяние доброго человека, вспомоществование неимущему. Не более и не менее того. Да и нужны ли, кажется, какие-то дополнительные условия для того, чтобы доброе дело как таковое могло бы почитаться еще и *воистину* добрым делом? Не означает ли подобное допущение сомнения в самодостаточности добра? Протянул один человек другому руку помощи — значит, сотворил безусловное благо.

Но Господь устанавливает определенную связь между актом милосердия и внутренним состоянием того, кто совершил этот акт. Он говорит о некотором условии, соблюдение которого необходимо для того, чтобы дело милосердия стало по-настоящему делом добрым, реальным благом. Условие единственное и очень важное: бескорыстие. Вот как говорит об этом Господь в Нагорной проповеди:

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 1–4).

Итак, доброе дело становится угодным в глазах Бога в том случае, если оно бескорыстно и если не используется в качестве средства достижения каких-то побочных, привходящих целей. Ибо фарисеи во времена земной жизни Христа Спасителя творили милостыню для того, чтобы стяжать добрую славу в народе и чтобы люди, указывая на них, восклицали: сколь мудры и благочестивы вожди наши!

Но не это ли происходит порой и ныне? Как много возникает теперь различных благотворительных обществ и фондов, как часто звучат слова о добре и милосердии! Достаточно сказать, что практически ни одна предвыборная кампания или иное требующее волеизъявления народа событие не обходится без демонстративных акций благотворительности, организуемых людьми, помогающими расположения сограждан. И сколь часто благое по видимости дело незаметно превращается в рекламную кампанию с целью завоевать доверие и симпатии людей, с тем чтобы потом обратить эти чувства на пользу устроителей такого действия. Получается, что в иных случаях бескорыстие может носить вполне корыстный характер. Однако Господь предостерегает против этого, указуя, что превращающий благостыню из цели в средство не достигнет своего.

Ту же связь между внутренним состоянием человека и добродетелью Господь усматривает и в таком важном для религиозной жизни человека деянии, как молитва:

«И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любя в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 5–6).

Как не всякое благодеяние праведно перед Богом, так и не всякая молитва угодна Богу и будет Им услышана, но только та, что творится не напоказ и не преследует корыстных целей. *«А молясь, — продолжает Господь, — не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии*

своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так....» (Мф. 6: 7–9).

И Господь научает нас тому, как следует молиться, на примере Своей молитвы, которая с тех пор известна как молитва Господня:

«Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь» (Мф. 6: 9–13).

Молитва Господня начинается с обращения к Богу со словом *Отец*. Такое именование Творца стало возможным для нас только потому, что Сын Божий пришел в мир, соединив Божественное и человеческое в Своей личности, преодолев преграду греха, отделившую человека от Бога. Через посредничество Христова люди сделались *«уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу»*, по слову апостола Павла (Еф. 2: 19). И в качестве таковых обрели право обращаться к Богу как к Отцу. Бог соделался для нас Отцом через Сына Своего, ставшего Сыном Человеческим.

«Отче наш, сущий на небесах!» — говорим мы о пребывании Бога в Небесном нашем Отечестве. Образ Отца Небесного свидетельствует, помимо прочего, о том, что Бог не имеет источника бытия в нашем земном мире, в отличие от рукотворных языческих богов, которым во времена Христа поклонялось большинство людей. Мы же поклоняемся нерукотворному Богу и обращаем слово молитвы к Отцу Небесному, Который не зависит от нашего земного бытия и пребывает в мире сверхчувственном.

«Да святится имя Твое...» — это первое прошение к Богу; оно о том, чтобы имя Его было свято перед людьми. Тем самым мы признаем и исповедуем, что Бог — Единый Святой, и просим о том, чтобы святость Его была явлена роду человеческому, воссияв для каждого образом высшего совершенства, чтобы она открыла людям их духовные очи, путеводительствовала им в прохождении жизненного поприща и утверждала их в истине. Ибо Бог есть начало всякого блага

и воплощение абсолютного идеала. Оставаясь недостижимым образцом для человека, Он должен быть им признан, принят и прославлен. И об этом — наше первое молитвенное прошение к Богу.

Да приидет Царствие Твое...» Царство Божие — это Богообщение, жизнь с Богом. В таковое общение человек не может войти одним своим желанием, ибо Царство Божие есть дар, который открывается свыше. Принять этот дар и войти в его обладание мы можем только тогда, когда усваиваем систему нравственных ценностей, которую Бог дал человеку. Приемля заповеди Божии и Богом определенный нравственный порядок жизни, мы открываем себя для Его Царства. Ради того, чтобы человек наследовал Божие Царство, Господь и приходил в наш мир. И первым словом Его проповеди было:

«Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (Мк. 1: 15).

Потому не случайно второе прошение молитвы Господней обращает нашу мысль и наше чувство к идее Царствия Божия, являющегося образом жизни с Богом. Чтобы этот образ сделался спасительной реальностью, человеку надлежит употребить во благо дарованную ему свободу, подчинить свою волю воле Божией. В этих словах молитвы содержатся одновременно и просьба к Богу соделать нас наследниками Его Царства, и утверждение нашей веры в непреложное осуществление того, о чем проповедовал Господь, — в скорое пришествие Божия Царства.

«Да будет воля Твоя...» — просим мы Господа. Это значит, что воля Божия, воплощенная в нравственном законе, должна быть усвоена и свободно воспринята нашим существом. Как говорит святитель Василий Великий, «не должно собственную волю предпочитать воле Господней, но при всяком деле надо понять, какова воля Божия, и исполнять ее».

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день...» — это прошение о том, чтобы Господь благословил нам удовлетворение необходимых нужд нашего физического бытия. Этим молитвенным обращением освящается через Божественный авторитет законность жизненных запросов человека, но вместе с тем и вводится критерий отличия законных потребностей от греховных.

Ибо наши потребности законны, когда они насущны и когда они направлены на поддержание жизни. Но они становятся греховными, когда служат к угождению плоти, как говорит о том предмете апостол Павел: «Попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13: 14).

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...» Господь простит нас и разрешит от греха только в том случае, если сами мы будем способны прощать других людей.

«И не введи нас во искушение....» — то есть не попусти нам обольститься злом. Бог — не творец зла, творец зла — диавол. И как отец зла он прельщает человека, делая грех соблазнительным и желанным. Мы же молитвенно ходатайствуем пред Богом о том, чтобы Он оградил нас от этого диавольского искушения, внушил нам способность отличать добро от зла, а истину от обмана и вооружил нас силой духовного зрения.

«Но избавь нас от лукавого». Этими словами мы просим Господа освободить нас из-под власти диавола, ибо собственными силами не способны одолеть это злое начало.

Таковы вечные слова молитвы Господней, в которой содержится все самое необходимое для нашей религиозной жизни. И даже если человек не умеет молиться своими словами или не знаком с другими церковными молитвословиями, то по крайней мере эту прекрасную молитву, которой научил нас Сам Господь, нужно знать и ее словами обращаться к Богу.

Нагорная проповедь. Основные положения христианской этики: о посте

Продолжая разговор о Нагорной проповеди, следует обратить внимание на переданные нам святым евангелистом Матфеем следующие слова Господа: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 16–18).

Мысль о Всеведущем Отце Небесном, видящем тайное и воздающем явно, не один раз встречается в Евангелии. Например, когда Господь говорит о милостыне, призывая творить добрые дела так, чтобы левая рука не ведала о благе, совершаемом правой, о молитве, и, наконец, о посте. Это настойчивое подчеркивание искренности в выражении религиозного чувства не случайно.

Нередко приходится наблюдать ситуации, когда даже по всей видимости добрые и благородные дела на поверку оказываются отравленными всепроникающим ядом человеческих страстей: тщеславия, двоедушия, фальши, своекорыстия. Лицемерие всегда предполагает наличие скрытой цели, часто тщательно продуманной и весьма неблагоприятной. Оно компрометирует и девальвирует одну из самых насущных для человеческого общежития ценностей — доверие. Но особенно отвратительно и вредно лицемерие в сфере религиозной жизни. Когда же таковое лицемерие преследует корыстную

цель, то становится сугубо циничным и нетерпимым, ибо оно не просто спекулирует на человеческом доверии, но и попирает самые высокие, духовные чувства.

Именно поэтому столь остро и болезненно воспринимается людьми эксплуатация религиозного фактора в корыстных целях. В самом деле, быть верующим человеком непременно означает быть человеком совестливым и порядочным. Поэтому искренне верующие люди заслуженно пользуются доверием в своем окружении. Тем прискорбнее, что порой показным благочестием, подчеркнутым публичным исповеданием своей конфессиональной принадлежности и настойчивым декларированием приверженности религиозно-нравственным идеалам некоторые недобросовестные люди фактически обманывают доверие ближних и манипулируют ими к собственной выгоде.

Но в отношении Бога подобные ухищрения бессмысленны — сердцеведец Господь, *видящий тайное*, знает все, что происходит в самых сокровенных глубинах человеческой души. Как свидетельствуют Евангелия, Спаситель настойчиво предупреждает учеников и последователей о недопустимости лицемерных, показных форм благочестия, добродетеля, молитвы или поста во имя достижения эгоистических или корыстных целей.

Пост есть особая религиозная практика, одной из составляющих которой является воздержание в определенные периоды времени от вкушения известного рода пищи, называемой скоромной. Однако этим не исчерпывается ни содержание, ни тем более смысл поста, хотя именно воздержание в пище есть важное и неперемное его условие. Постящиеся не вкушают пищи животного происхождения: мясных и молочных продуктов, а во время строгого поста — даже рыбы, в некоторые же дни, при строгом соблюдении церковного устава, и растительного масла. Необходимость такого воздержания не всегда встречает понимание, особенно у малоцерковных людей, которые порой заявляют: «Какая разница, какую пищу принимать? Главное — не делать зла другим».

Однако следует помнить, что человек по творческому Божественному замыслу имеет двусоставную природу, сочетающую духовное и физическое начала. Это не изолированные

реальности, напротив, они соединены неразрывно и тесно взаимодействуют в рамках единой человеческой личности. В древности существовала ересь, последователи которой рассматривали духовную природу человека как положительный, обособленный и самодостаточный феномен, а в силу этого видели цель жизни в подавлении физического начала, которое почитали греховным, а значит — объективно отрицательным. Церковь осудила это учение, потому что человек, будучи причастен физическому миру через свою плоть, не может иметь замкнутой и автономной духовной жизни, не связанной с жизнью физической.

Это взаимодействие физического и духовного начал находит, в частности, свое выражение в словах апостола Павла: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Еф. 5: 18).

Какая связь между винопитием и грехом блуда? Дело в том, что вино воздействует на нервную систему человека, разжигая его половой инстинкт и одновременно расслабляя волю. В этой ситуации человек теряет чувство самоконтроля и оказывается легкой добычей греха. А грех, единожды совершенный безрассудно, может стать привычным и нарушить весь духовный строй жизни человека, разрушить целостность его природы. Известно, что после принятия обильной и высококалорийной пищи притупляется способность к творческой деятельности. Таков физиологический процесс пищеварения: кровь отливает от мозга к желудку, и человека начинает клонить в сон... Ни о творчестве, ни о молитве, ни о горении духа или самоанализе в такой ситуации говорить уже не приходится.

Таким образом, для духовной жизни человека вовсе не безразлично, что он ест и пьет. Поэтому пост, в частности, создает необходимые физические условия для упорядочения духовной жизни, ибо в это время вкушается только такая пища, которая делает чувства и восприятие более тонкими, predisposing человека к духовной работе над собой.

Весьма важно то, что пост является также прекрасным средством воспитания воли. Опыт показывает, что не так просто, как кажется, отказаться от скоромной пищи, особенно когда условия жизни вовсе этому не способствуют.

Требуются волевые усилия не только для того, чтобы выбрать между постным и скоромным, но еще и для того, чтобы обеспечить себе особое пропитание во дни поста, что не всегда просто сделать. И если человек не способен ограничить себя в малом, то есть во вкушении скоромной пищи, то трудно ожидать от него не только духовного подвига, но и вообще сколько-нибудь значительных свершений. Таким образом, пост является, кроме прочего, и средством воспитания внутренней самодисциплины, и весьма показательным тестом, позволяющим определить состояние воли человека.

Нельзя не отметить пользы поста для улучшения физического состояния организма. Сегодня это неоспоримый научный факт. Растительная пища улучшает пищеварение и обменные процессы, тело освобождается от шлаков, сосуды очищаются от излишнего холестерина, и человек чувствует себя во всех смыслах легко.

Если внимательно изучить устав Православной Церкви о посте, то нетрудно прийти к выводу, что на протяжении года едва ли не каждый второй день оказывается постным. Имеются четыре продолжительных поста длительностью от семи до двух недель: семь недель Великого поста и Страстной седмицы перед Пасхой, шесть недель перед Рождеством, две недели перед праздником Успения Пресвятой Богородицы и пост с нефиксированным числом дней перед праздником святых апостолов Петра и Павла. Кроме того, на неделе почти все среды и пятницы являются постными днями плюс ряд особых однодневных постов в связи с некоторыми важными событиями Священной истории. В итоге получается, что после скоромного дня наступает постный, и организм привыкает функционировать в системе чередующихся нагрузок и разгрузок. Этой нашей национальной, если можно так выразиться, «духовной диете» тысяча лет, а принимая во внимание опыт Вселенской Церкви, вдвое больше. Сегодня люди охотно изучают многообразные разгрузочные системы и практики питания, всякого рода и вида диеты, обращаются к йоге. Но разве не естественнее и здоровее было бы, живя в России, следовать тысячелетнему опыту наших предков, регулярно постясь и сообразуя содержание и ритм своего питания с церковным календарем?

Однако вернемся к духовной стороне пощения. Целью поста, конечно же, является не ограничение в пище, которое только создает условия, необходимые для достижения религиозной цели, в противном случае пост ничем не отличался бы от диеты. Главная цель подвига поста состоит в погружении человека в такую духовную атмосферу, которая помогает ему обрести способность к самоанализу и оценить состояние своей души. Время поста — период серьезного духовного испытания себя, испытания, приводящего человека к благим внутренним переменам. Покаяние — это и есть перемена, изменение состояния ума и сердца, обновление всего строя человеческой жизни, реальный и очень важный шаг на пути духовного восхождения.

Пост — установление Божественное. В Евангелии мы находим ясные указания Христа Спасителя на важность и необходимость поста для жизни человека. Сам Господь при начале Своего общественного служения удалился в пустыню, чтобы сорок дней и ночей пребывать в посте, приуготовляя Себя к жертвенному подвигу спасения рода человеческого.

Пост есть непрременное условие внутренней концентрации, собирания сил, без чего человек не способен осуществить духовный прорыв, не готов к сильному и значительному духовному деланию, столь необходимому и важному для созидания и обновления глубинных основ человеческого бытия.

Именно поэтому в Библии содержатся многочисленные примеры того, как пост служил необходимым духовным приготовлением к участию в событиях особой исторической значимости. Осознать это измерение поста насущно необходимо и нашему народу, стоящему ныне перед лицом решительных перемен, могущих наконец реально изменить жизнь людей к лучшему, обновив лик нашего многострадального Отечества.

Нагорная проповедь.

Основные положения христианской этики: нравственные приоритеты в жизни

Вчитываясь в евангельское повествование и размышляя над его текстом, мы подчас встречаемся со сложными для нашего понимания, по видимости противоречащими всем нашим представлениям и жизненному опыту поучениями.

Не умея объяснить их себе, мы остаемся с недоумением и растерянностью в душе. Допускаю, что эта ситуация может порождать у некоторых людей чувство внутреннего протеста. Но Спаситель, обращаясь к миру и человеку, не обещал легких путей к спасению. Одни люди принимают Истину Христову сразу и всем сердцем при первом же соприкосновении с нею, а другим может не хватить всей жизни, чтобы признать ее правоту. Вот один из таких текстов, способных смутить обыденный здравый смысл:

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!»

Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы

имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6: 25–34).

У слушающего или читающего эти слова неизбежно возникает резонный вопрос: если я сам не позабочусь о завтрашнем дне, то кто это сделает за меня?

Прежде чем начать изъяснение этого отрывка, необходимо оговорить одно условие: суть христианского учения невозможно постичь, вырвав из общего контекста евангельского повествования тот или иной фрагмент и попытавшись его понять вне внутренней связи со строем, смыслом и целостностью Благой вести в ее полном объеме. Особенно это касается некоторых сложных для восприятия и внешне парадоксальных положений евангельской истины. Поэтому постараемся увидеть эти удивительные высказывания в их неразрывном единстве со всею полнотой евангельского учения.

В Новом Завете труд не только не осуждается, но, напротив, одним из главных мотивов Евангелия является призыв Господа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11: 28).

Таким образом, Господь призывает к Себе именно тех, кто трудится, подчеркивая тем самым положительную ценность труда, который открывает человеку путь к Богу. Апостол Павел, развивая этот принципиальный евангельский подход, высказывается еще более конкретно: *«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»*. Попутно заметим, что отнюдь не Карл Маркс впервые высказал эту мысль, но апостол Павел в Послании к Фессалоникийцам (2 Фес. 3: 10). Следовательно, из приведенного выше евангельского текста никак нельзя сделать вывода о том, что леность и праздность превозносятся над трудолюбием и работоспособностью.

«Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?» Что означают эти слова? Возможно ли, чтобы Господь желал ограничить созидательные усилия человека таким образом, чтобы каждый трудился ровно столько, сколько необходимо для обеспечения потребностей одного дня? Разумеется, это не так.

В первую очередь важно отметить отчетливый акцент на словах *не заботьтесь*. Господь как бы наставляет нас в том, какой должна быть истинная мотивация человеческого труда. Если изо дня в день главной движущей силой и единственным основанием нашей трудовой деятельности является забота о приобретении материальных ценностей в интересах личного благополучия, если все силы человека, все его творческие способности полагаются на алтарь житейского преуспеяния и приобретательства, то такая забота о будущем становится греховной.

Известно, что объем создаваемых человеком в процессе труда материальных ценностей обычно превышает уровень его собственных ежедневных потребностей. Образовавшиеся излишки перераспределяются среди членов общества. Именно таким образом создается благополучие как самого работника, так и других людей, которые через механизм купли-продажи обмениваются плодами своего труда. Работающий человек обеспечивает благополучие не только собственного семейства, родных и близких, но и трудится на благо всего общества, в меру сил способствуя процветанию своего народа, своего Отечества.

Известный русский философ Н. А. Бердяев, рассуждая на эту тему, очень точно заметил, что забота человека о хлебе для себя — это материальная забота, а забота о хлебе для другого — это забота духовная. Итак, важна мотивация труда, существенно понимание, во имя чего мы работаем: для того ли, чтобы с многократным запасом обеспечить свои материальные потребности на много лет вперед (хотя и не ведаем о том дне, когда придет наш последний час), или для того, чтобы, разделяя результаты нашего труда с другими, содействовать общему преуспеянию?

Призыв не заботиться о завтрашнем дне не есть также отрицание ценностей нашего физического мира и материальных благ как таковых. Некоторые, превратно толкуя эти строки, ложно утверждают, что христианство вообще отвергает материальные ценности. Вслушаемся со вниманием в евангельский текст: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6: 33).

Что означает «*это все*»? Прежде всего — все самое необходимое, самонужнейшее для нашей жизни: еда и питье,

одежда и жилье. Господь не призывает отречься от всего этого, но лишь настаивает на том, что главная цель человеческой жизни — достижение *«Царства Божия и правды Его»*. И если человек всецело подчиняет свою жизнь этой главной цели, если стремление к Царству Божию становится духовной доминантой его индивидуального бытия, то Промыслом Божиим все остальное непременно устрояется к его благу. Таким образом, вышеприведенный евангельский текст устанавливает и задает систему координат человеческой жизни, определяет иерархию ее ценностей. Царство Божие, то есть полнота жизни в общении с Господом, — вот высшая цель человеческого существования. Все остальное в сравнении с этим вторично, хотя, конечно, и важно для нашей жизни.

Но что происходит, если человек произвольно изменяет эту систему ценностей, полагая главным для себя попечение о завтрашнем дне и стремление к изобилию материальных благ, если этим ложным целям отдает он все свои помыслы, все свое время и все силы души, если в поиске Царства Божия он не видит практического смысла, усматривая свою цель в том, чтобы взять от жизни все здесь и сейчас? История свидетельствует, что подобная ценностная ориентация оказывается губительной и для человека, и для общества. Минувшее столетие убедительно продемонстрировало на примере нашего Отечества разрушительную силу человеческого стремления к материальному благополучию во что бы то ни стало, прежде всего и любой ценой. Революция, гражданская война, пятилетки, перестройка, эпоха реформ, а в итоге — эрозия общественной морали и личной нравственности, нарушение достойных межчеловеческих связей, культ потребления, рост социальной отчужденности, торжество эгоизма, кризис почти всех сфер жизни страны...

Могут возразить: но ведь есть на белом свете вполне благополучные государства, где люди живут в условиях материального изобилия, не расплачиваясь за это нравственной деградацией. Да, такие страны есть. Но удивительная вещь происходит с человеком, который вкушает блага, предоставляемые обществом потребления, не имея при этом истинных духовных приоритетов и ориентиров. Такой человек остается несчастным в своем материальном благополучии, ибо

никогда не бывает удовлетворен уровнем своего достатка. Жизнь вне системы духовных координат обращается для состоятельного, а тем более для богатого человека в бесконечную погоню за удовлетворением постоянно возрастающих потребностей. А потому нет мира и радости в душе такого человека, ибо он всегда будет чем-то не удовлетворен и всегда будет нуждаться в том, чего не может себе позволить.

Существует материалистическое понимание жизни, в основе которого лежит стремление к имущественному и финансовому благополучию. В этом случае человек через стяжание ценностей материального мира пытается достичь полноты бытия. А есть религиозное понимание мира, в центре которого — стремление к Богу, обладание полнотой жизни через общение с Ним. Всепоглощающее стремление к приобретению материальных благ — это погоня за миражом. Ни сегодня, ни завтра, ни на пороге смерти не удовлетворится душа человеческая своим материальным благополучием, не найдет в нем себе успокоения.

Человек есть самое драгоценное и любимое создание Божие. Господь ясно говорит нам, что мы должны доверять Ему, надеяться на Него, потому что Он Отец каждого из нас. Обращенный к человеку призыв не заботиться о завтрашнем дне имеет прежде всего религиозный характер, а это предполагает доверие к Богу.

Только в доверии к Богу, в надежде на Него строится и создается религиозная жизнь человека, основанная на подлинно духовных и спасительных ценностях.

Нагорная проповедь. Основные положения христианской этики: неосуждение ближнего

Не судите, да не судимы будете. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно?»

Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф. 7: 1–5).

О недопустимости какого суда говорится здесь? Понятно, что речь идет не о следствии и дознании по какому-либо делу, не о гражданском или уголовном процессе. Для нормального функционирования человеческого общества такие институты нужны. Однако Господь говорит о другом: об осуждении и злоречии, когда, взирая на поступки и поведение других людей, мы выносим о них свой собственный суд, и именно такой суд Иисус считает несправедливым, призывая нас отказаться от него. По какой причине?

Для того чтобы понять поступки человека, уяснить себе их истинную причину, нужно доподлинно знать, что собой представляет сам человек, а для этого необходимо заглянуть в глубину его души. Не зная сокровенной внутренней жизни человека, невозможно достоверно судить о мотивах его деяний и устремлений, а такое знание обычно недоступно человеческому разуму. Поэтому всякое человеческое суждение оказывается условным и приблизительным, будучи изначально ограничено нашей неспособностью проникнуть во внутренний мир ближнего.

Представим себе такую ситуацию. Некто подает милостыню просящему, помогает страждущему. Как большинство людей оценит такой поступок? Наверняка скажут: «Вот добрый человек». Но кто на самом деле знает, что происходит в душе этого человека, чем он движим? Быть может, он подает милостыню совсем не с целью благодетельствовать нуждающимся, а для того, чтобы этот поступок заметили и положительно оценили другие. Таким образом, по видимости доброе дело обращается в обман, корысть, лицемерие.

Не ведая истинных побуждений и мотивов людей, с какой легкостью мы осуждаем ближних, как безапелляционно и подчас грубо оцениваем их поступки. И вместе с тем поразительна наша снисходительность к собственным деяниям. Мы не чувствуем бревна в своем глазу, как образно и справедливо говорил о том Спаситель. Отчего это происходит?

Человеку свойственно прислушиваться к тому, что происходит в его собственной душе. Если его помыслы и поступки входят в противоречие с нравственным чувством, вложенным Богом в человеческую природу, то в сокровенных глубинах нашего сердца возникает конфликт, нередко мучительный, который пробуждает совесть. Чтобы преодолеть этот душевный разлад, человек стремится подыскать какое-то оправдание своим поступкам или намерениям. Именно поэтому мы столь склонны к снисходительной субъективной оценке собственных действий, замыслов, суждений. Однако при этом дела других людей мы судим «объективно» и «строго». Наш взгляд становится жестким, приметливым, мгновенно фиксирующим все предосудительное, что можно обнаружить в другом человеке. Обнаруженные чужие недостатки выступают в нашем восприятии зримо и выпукло, мы с удовлетворением и чувством выполненного долга вершим свой скорый и «беспристрастный» суд, основываясь на немногих доступных нам данных. И лишь одно обстоятельство ускользает от нашей проницательности: к себе и другим мы подходим с неодинаковыми критериями, себя и других мы судим по различным законам.

Кто же может судить человека? Кто способен прозревать тайные движения его сердца, кому дано заглянуть в самый сокровенный уголок его души? Никто, кроме Бога Всеведущего,

не обладает такой способностью и возможностью. Именно поэтому, как говорит святой Иоанн Златоуст, «только Единородному Сыну Божию принадлежит престол суда».

Что же происходит с человеком, когда он восхищает это Божественное право, когда самочинно и дерзко восходит на место судьи, а брату своему высокомерно указывает на место обвиняемого? Он бывает за это наказан. Вспомним предостережение Господа: *«каким судом судите, таким будете судимы»*. Поэтому, осуждая ближнего, мы неизбежно либо подводим себя под его суд, либо обрекаем себя суду других людей. Более того, покушаясь на Божественную прерогативу судить и миловать, мы вторгаемся в запретную для нас область, преступаем Божественный закон и осуждаемся Господом.

В Нагорной проповеди содержатся удивительные слова. Если внимательно вслушаться в них и принять их сердцем, то нам откроется истина, являющаяся ключом к человеческому счастью. Вот эти слова: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12).

Ведь как просто! Если не желаешь, чтобы о тебе злословили и поносили твое доброе имя, — не делай того же по отношению к другим. Не хочешь быть обобраным — не кради сам. Не желаешь измены жены — не изменяй ей. Хочешь, чтобы твои дети в старости были тебе опорой и не отвергли тебя в немощи, — заботься о своих престарелых родителях, которые, быть может, именно сейчас нуждаются в твоей помощи.

Что же происходит в нашей жизни? Достаточно развернуть газету или включить телевизор, как словно переносишься на заседание сурового трибунала, творящего скорый безжалостный суд, к тому же охотно принимающий в качестве свидетельства обвинения заведомую клевету. Это, в свою очередь, порождает ответные действия пострадавшей стороны и провоцирует ее противодействие. Общество погружается в хаос конфликтов, столкновений, взаимных изобличений, и им нет конца.

Приносит ли человеку такая противоестественная борьба удовлетворение, дарует ли покой и радость, возможность реализации духовных и физических сил, способствует ли построению гармоничных отношений с другими людьми, с окружающим миром? Нет. Всякое излетевшее из нас злое

слово вызывает к жизни злое слово нам в ответ. Любая совершенная нами жестокость порождает равную или превосходящую жестокость. Даже люди, далекие от христианства, хорошо понимали, что нельзя отвечать злом на зло. Живший в III веке римский император Александр Север, будучи язычником, приказал вышеприведенные слова Спасителя выбить на стене своей спальни, у изголовья, дабы иметь их перед глазами, начиная каждый новый день.

Господь предлагает нам строить жизнь, следуя этому поразительно простому и вместе с тем исполненному поистине Божественной мудрости принципу, способному преобразить мир, сделав его счастливым и добрым:

«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

Нагорная проповедь. Основные положения христианской этики: два пути в жизни

Завершая повествование об основных положениях христианской этики, как они изложены в Нагорной проповеди, обратим внимание на следующие слова Спасителя: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 13).

У современного человека эти слова вновь могут вызвать противоречивые чувства. Для правильного понимания текста прежде всего нужно иметь в виду, что оба понятийных ряда: «тесный» — «узкий» и «широкий» — «просторный» — употреблены Иисусом в метафорическом смысле, ибо речь здесь идет о легком и трудном. Учение о двух путях — пути жизни и пути смерти, существовавшее еще у ветхозаветных иудеев, — получило развитие в Новом Завете, а затем в раннехристианской литературе.

В конце XIX века был найден замечательный памятник таковой литературы, относящийся к концу I — началу II века: «Учение Двенадцати апостолов», в котором подробно излагается это учение. Так почему же именно трудный путь ведет к жизни, а легкий — к смерти?

Бог есть Источник Жизни. Где нет Бога, там нет и жизни, ибо полнота существования может быть обретена только в общении с Господом. Другими словами, путь к Богу есть стезя, следуя по которой человек достигает подлинной цели своего бытия — Богообщения, причастности к неиссякаемому Источнику жизни вечной. Однако духовное восхождение

по определению не может быть простым. Это многотрудный, действительно узкий путь, следование которым предполагает духовное и нравственное возрастание, совершенствование человеческой личности. Иными словами, путь к Богу есть дорога, идущая вверх. Подниматься вверх всегда труднее, чем спускаться под уклон.

Существует очень поучительная история из античных времен. По улицам древней Александрии идет философ в окружении своих учеников, рассказывая им о тайнах жизни, о ее духовных основах. На их пути встречается блудница. Подойдя к философу, она уверенно говорит: «Учитель, ты всю жизнь наставляешь своих учеников во всякой мудрости и истине, заботишься об их совершенстве и чистоте, и они верно следуют за тобой. Но стоит мне сейчас пальцем поманить, как все они тут же оставят тебя в одиночестве и устремятся вслед за мною». Философ легко согласился с этими словами, однако заметил: «Женщина, ты верно говоришь, но в основе твоей правоты лежит одно обстоятельство. Я побуждаю своих учеников восходить все выше и выше, а ты можешь лишь предложить им скатиться вниз. Но опуститься проще, чем возвыситься».

Эта простая истина относится не только к духовно-нравственной сфере человеческого бытия. Возьмем такое понятие, как профессионализм. Чтобы чему-либо по-настоящему научиться, овладеть ремеслом или получить хорошее образование, необходимо упорно трудиться, подчас отказывая себе во многом. Широкий легкий путь не ведет ни в большую науку, ни в подлинное искусство, вообще ни в одну из сфер творческой и высокопрофессиональной деятельности. Туда есть только узкий, трудный, тернистый путь. Проходя это поприще, человек достигает поставленной цели именно потому, что совершенствуется в процессе преодоления себя и обстоятельств.

Ныне мы с горечью наблюдаем, как повсеместно насаждаемая массовая культура уводит человека прочь от крутой горной тропы, ведущей к духовному возрастанию, нравственному совершенству и реализации творческого потенциала личности, соблазняя широким путем беззаботного скольжения вниз, в мир потребительства, грубого эгоизма, наживы,

секса, насилия, с небывалым размахом реализуя замысел блудницы из древней Александрии. Но, в отличие от времен античности, наша современность предлагает путь гибели как абсолютно естественный и наиболее привлекательный для человека.

Далее в Нагорной проповеди Спаситель предостерегает: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7: 15).

Эти слова в высшей степени актуальны, ибо ныне наша страна переживает нашествие многих лжепророков, лжеучителей и фальшивых проповедников.

Деятельность сектантов всех мастей опасна потому, что легкой добычей *«лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»*, становятся прежде всего люди доверчивые, часто религиозно необразованные, а потому и не способные самостоятельно опознать псевдорелигиозное шарлатанство. Однажды мне пришлось беседовать на эту тему с одним провинциальным чиновником, который предоставил местный Дом культуры таким заезжим миссионерам. Я спросил его: «Зачем вы на это пошли? Ведь в вашем районе нет ни одного последователя этой секты. Значит, речь идет вовсе не о свободе вероисповедания, но о навязывании нашим людям неких взглядов, которые входят в конфликт с их духовно-культурной традицией, разрушают религиозную составляющую народной жизни». На это чиновник возразил: «Но ведь они тоже про Бога говорят!»

Действительно, как сорвать с волка овечью шкуру, как отличить корыстолюбивого самозванца и ловца легковерных душ от проповедника истинного? И вновь Евангелие дает нам емкий и ясный критерий:

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. *Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их*» (Мф. 7: 16–20).

Если плодом деятельности религиозного проповедника является разделение людей, противопоставление детей роди-

телям, супругов — друг другу, гражданина — государству, человека — обществу, раскол общества по конфессиональному признаку, нарушение культурно-исторической целостности нации, то это означает, что такой лжеучитель творит по наущению лукавого и дела его несут духовную пагубу. Примечательно, что Господь обличает не только ложно проповедующих, но и ложно верующих людей:

«Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7: 21).

Действительно, отнюдь не всякая религиозная вера приводит человека к спасению. Более того, даже правая вера, усвоенная формально, а потому и не производящая реальной внутренней перемены, не спасает человека. Так, многие люди время от времени посещают храм, однако их религиозная жизнь ограничивается лишь внешним исполнением обрядов. Евангельская истина не становится для них жизненным стержнем. В лучшем случае они могут почитаться христианами раз в неделю, когда посещают воскресную службу, а вся остальная их жизнь как бы выносится за скобки религиозных убеждений. Нравственные ценности христианства могут восприниматься такими людьми лишь умом, чисто теоретически, не воплощаясь в конкретные дела любви, милосердия и сострадания, в искреннее и самоотверженное горение духа.

Наличие христианских убеждений проверяется жизнью, в которой верность заповедям Господним должна присутствовать при решении проблем в личной, семейной, профессиональной, общественной сферах. Находясь у станка, за письменным столом, у компьютера, за прилавком, за рулем, перед телекамерой, за профессорской кафедрой, на трибуне, в семье, на людях, — повсюду и всегда истинный христианин *«ходит пред Богом»*, поставляя себя пред очами Господа, стремясь оставаться верным Его заповедям. Находясь, к примеру, на совещании, где решается какой-то конкретный вопрос, такой человек обязан, конечно, действовать как профессионал. Но он не должен забывать и о своей принадлежности к христианскому миру, так что если предлагается решение, противоречащее религиозно-нравственным принципам христианства, его долг верующего состоит в том, чтобы непременно

сказать себе: «Нет, такого решения я не подпишу, это против моей совести».

Христианская религия — это не только философско-этическая система. Это принцип жизни, способ бытия и твердое его основание:

«Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 24–27).

Будем же созидать и вести дом жизни нашей на твердом основании евангельского учения, на камне неложной веры, чтобы никакие внешние стихии мира сего не сумели его разрушить.

Чудо. Чудеса Христовы

Опираясь на основные положения ветхозаветной этики, Христос развил их в новое возвышенное и универсальное нравственное учение, радикально отличающееся от всего, что говорилось до Него на тему общественной и личной морали.

Не всегда просто, особенно в первом приближении к этому учению, проникнуть в его суть: понять заповедь Спасителя о непротивлении злу, осмыслить, что означает любовь к врагам и как можно жить, не заботясь о завтрашнем дне. Христово учение невозможно постичь, а тем более принять сердцем и осуществить в своей жизни, без напряжения ума и воли. Устроить свое бытие по заповедям Спасителя очень непросто, ибо их исполнение требует радикальной перемены всего строя души человека, отказа от многих привычек, порожденных нерелигиозным образом жизни.

Но вот что важно осознать: Господь Иисус Христос, открывший роду людскому Свое учение, есть не просто учитель жизни, не просто величайший из сынов человеческих, но Сын Божий — Превечный Бог! И путь, который Он предлагает, — это Божественный путь. После пришествия в мир Господа Иисуса Христа от этого пути уже нельзя с легкостью уклониться, нельзя сделать вид, что эта стезя предназначена для кого-то другого и к нам не имеет отношения. Следует ясно отдавать себе отчет в том, что в случае отвержения этого пути утрачивается единственная дарованная Богом человеку возможность иметь полноту жизни, вкушать истинного счастья и обрести спасение.

И для того, чтобы жители древней Галилеи, впервые услышавшие эту необыкновенную проповедь с высоты холма близ Геннисаретского озера, поняли, что Проповедовавший — не обычный человек, а излагаемое Им учение — это действительно путь к полноте жизни, Господь сопровождает Свое слово дивными делами. Он творит чудеса, являя людям Свою Божественную силу.

Что же такое чудо? Вновь обратимся к евангельскому повествованию:

«Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа. И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистись. И он тотчас очистился от проказы. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай, но пойдь, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им» (Мф. 8: 1–4).

«Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его.

Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдь, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры... *И сказал Иисус сотнику: иди, и как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час»* (Мф. 8: 5–10, 13).

«И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?» (Мф. 8: 23–27).

Итак, что же такое чудо?

Прежде всего чудо — это сверхъестественное явление, действие или событие, которое, очевидным образом выпадая из системы повседневного человеческого опыта, не может быть рационально объяснено посредством знаний, которыми обладают люди. Именно поэтому чудо всегда поражает воображение, вызывает изумление. В русском языке слова «удивление» и «диво» являются однокоренными. В старину они означали то, что ныне именуется чудом. Но чудо не только удивляет, оно способно вызвать тревогу, порой испуг. Чаще же так называемый здравый смысл, привыкший к логическому объяснению всего и вся, подсказывает: если явление нельзя понять и разумно истолковать, если оно противоречит опыту человечества и не соответствует физическим законам природы, — значит, подобное невозможно. Практический позитивистский разум отвергает вероятность чуда категорическим доводом: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Но подлинно ли это так?

Действительно, законы природы определяют картину бытия физического мира. Однако даже сам человек способен существенным образом влиять на механизм действия этих законов и преодолевать их непреложность. Приведу простой пример. Существует закон всемирного тяготения, согласно которому камень, брошенный вверх, под действием сил гравитации непременно должен упасть на землю. Но если взять камень в руку, то силой мышц его можно удержать от падения. Космическая ракета, которая вырывается за пределы земного притяжения, реально преодолевает действие закона тяготения. Врач, своим искусством приостанавливающий развитие страшной болезни и продлевающий жизнь обреченному больному, также оказывает влияние на объективные законы бытия и развития живой материи.

Таким образом, силой разума и изобретательностью человек способен временно приостановить, нейтрализовать действие физических законов, вывести из подчинения им объект своего воздействия. Но если это может сделать человек, то что же говорить о Боге, Который является Творцом мира и законов, лежащих в основе бытия этого мира. Таким образом, можно утверждать, что чудо есть некое сверхъестественное деяние, посредством которого Бог как Творец

нашего мира преодолевает непреложность физических законов. Он не отменяет эти законы в принципе, но, сотворяя чудо, своей Божественной силой произвольно ограничивает их действие в данном месте, в данное время и в отношении данного объекта.

В недавнем прошлом наука отрицала любое явление природы, а тем более чудесные события, которые не вписывались в так называемую объективную картину мира и не могли быть объяснены посредством наличного знания и опыта. Подобные факты либо замалчивали, либо отвергали их с порога, либо объявляли несуществующими. Однако отсутствие убедительного научного объяснения не является причиной, по которой мы непременно должны отказаться от веры в чудесное. Ибо чудо — не фокус или трюк, не галлюцинация, не мистификация, не самообман. Чудо есть реальный факт, свидетельствующий о всемогуществе Творца и присутствии Божиим в нашем мире.

Всякое чудо, творимое Божественной силой, имеет причину и цель, во имя которой совершается, и удовлетворяет определенным условиям, вне которых оно лишается своего смысла.

Целью же всякого чуда, как и всего, что совершает Бог в отношении людей, является забота об их спасении.

Условие же совершения чуда согласно Евангелию — вера людей. Сотник веровал в то, что его слуга будет исцелен Господом. Прокаженный поверил в то, что Спаситель обладает силой, способной укрывать неизлечимый недуг.

И чудо совершается как Божественный ответ на живую веру людей. Подтверждение этого мы не раз встретим в Евангелии:

«И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это

Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддерживал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» (Мф. 14: 22–33).

Итак, Господь, сверхъестественным образом преодолевая земное притяжение, идет по водам к лодке. Глубоко потрясенный Петр, узрев это чудо, с дерзновением и верой в силу Божию выходит из лодки навстречу Учителю, столь же чудесным образом шествуя по воде. Но внезапный страх перед разбушевавшейся стихией охватывает его, порождая сомнение, и в тот же момент Петр начинает тонуть. Это евангельское повествование, пожалуй, наиболее убедительно свидетельствует, что вера есть непременное условие участия человека в тайне чудесного явления. Почему же вера так необходима для того, чтобы чудо совершилось? Ведь Всемогущий Бог, будучи Создателем Вселенной и ее законов, способен чудотворить и помимо нашей веры и нашего участия. И действительно, нередко чудо Господне совершается просто во свидетельство любви Божией к человеку.

Вспомним евангельское повествование об умножении хлебов, когда Господь, сжалившись над людьми, которые, оставшись без пищи и находясь вдали от населенных пунктов, не имели возможности снискать себе пропитание, пятью хлебами чудесно накормил пять тысяч народу. Это чудо благодеяния Божия было совершено Спасителем исключительно из любви и сострадания к людям. Все это так. Однако чудо есть прежде всего Богооткровение, это — реальное обнаружение присутствия Бога в мире, в истории, в данном событии; и совершается оно всегда с конкретной целью: привести человека к Богу, открыть его сердце для принятия Божественного научения, укрепить веру. Таким образом, чудотворение есть нечто прямо противоположное искусству фокусника и иллюзиониста, озабоченных лишь тем, чтобы поразить человеческое воображение, возбудив в зрителях,

покоренных ловкостью и искусством исполнителя, восторг и энтузиазм.

Итак, человеческая вера есть одно из неперменных условий действительности и спасительности чудесного явления. Если же такой живой веры нет, то окаменелое сердце всегда отыщет хоть малейший повод усомниться в истинности чуда, цинично отвергнув его очевидность и неопровержимость как хитроумный фокус или намеренный обман. Собравшиеся на месте казни Спасителя иудеи кричали: «Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем» (Мк. 15: 32).

Но если представить на мгновение, что Спаситель совершил это чудо и сошел со креста во уверение толпы, можно не сомневаться, что люди с незрячими сердцами расценили бы это как успешную мистификацию либо как обман зрения, некое странное видение. В лучшем случае глумившиеся над Господом перепугались бы, но все равно не поверили, равно как не верили прежде в другие чудеса Спасителя. Точно так же вовсе не чуда Божия ожидали первосвященники и фарисеи, пришедшие после положения Иисуса во гроб просить у Пилата стражников для охраны погребальной пещеры Распятого: «Итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых» (Мф. 27: 64).

Но сколь жалко и бессильно выглядит попытка с помощью римских стражников и первосвященнических печатей на камне гроба воспрепятствовать величайшему чуду Воскресения, совершенному по воле Божией ради спасения человеческого рода.

Вспоминается случай, который произошел со мною в студенческие годы. Я ехал в пригородной электричке и разговаривался с попутчиком, не утаив при этом, что являюсь воспитанником духовной семинарии. То были трудные для Церкви годы, люди мало знали о Православии, и моего соседа очень удивило, что молодой человек, с виду достаточно современный, принадлежит к этому странному миру верующих. И тогда мой спутник задал глубоко поразивший меня вопрос: «Скажите, пожалуйста, а вы сами-то в Бога верите?» Я ответил: «Как же можно учиться в семинарии и не верить

в Бога, тем более что выбранный мною путь служения Церкви с мирской точки зрения не сулит мне ни выгод, ни почета». И тут он сказал: «А вот я не верю в Бога. Если бы сейчас можно было подставить ладони и сказать: «Господи, насыпь мне пригоршню монет» — и они тут же упали бы с неба, вот тогда я непременно поверил бы!» Я не стал разубеждать моего собеседника, но про себя подумал: даже если бы на него сейчас пролился дождь монет, то и тогда, порадовавшись случившемуся, он не увидел бы в том Божия чуда, подобно тому как удивлялись многие, кто были свидетелями чудес Спасителя, при этом не принимая их в свои сердца и не веря в их истинность.

Человек нередко требует от Бога чуда. А ведь нужно только повнимательнее взглянуть в то, что нас окружает, дабы увидеть Божии чудеса. Разве неисчерпаемо многообразный, премудро устроенный мир с его законами не есть самое чудесное из всего, что мы видим и знаем? А чудо зарождения искры новой жизни как единственно возможного варианта среди миллиардов тупиковых и бесплодных? Или чудо ее таинственного развития? А передача наследственной информации, или многосложное устройство человеческого организма, взаимодействие и взаимосвязь всех его составляющих, или строение человеческого глаза и иных органов — разве не чудо все это? Однако мы слишком привыкли относиться к окружающему нас миру и к самим себе как к явлениям совершенно естественным, не чувствуя незримого, но постоянного присутствия Божия в мире и не узнавая чудес, которыми окружил нас Творец.

Будучи проявлением Божественного всемогущества, чудо преображает внутреннюю жизнь, обновляет сердечные чувства, укрепляет духовную силу человека. Однако без внутренней открытости, без отзывчивой готовности поверить в чудесное явление не произойдет у нас в душе и сознании того, что является целью, ради которой чудо творится Богом, — удостоверения и умножения веры и упования. Но это совсем не значит, что вера непременно должна зависеть от чуда, иметь его своим необходимым условием. Искушая Христа в пустыне, диавол соблазнял Иисуса камни преобразовать в хлебы, и Господь отказался. Вторично диавол

искушал Христа броситься на землю с высоты храма и явить чудесное спасение, но вновь получил отказ.

Почему же Господь отвергает эти возможности раз и навсегда уверить людей в том, что Он истинно Сын Божий? Да потому, что сугубо внешнее воздействие на сознание и воображение человека всегда связано с принуждением, нарушающим Богоданную свободу личности. Во всяком чудесном явлении Господь оставляет человеку возможность свободного приятия или неприятия чуда, ибо свободное самоопределение личности в ее отношении к Богу имеет величайшую ценность в Его очах.

Совершаются ли чудеса сегодня? Да, они совершаются, однако нужна осторожность в утверждении, является ли то или иное событие чудом. Легковерие, обман и самообман могут нанести подчас большой вред. Некоторые явления, которые люди склонны почитать чудесными, таковыми вовсе не являются, а невозможность их объяснения нередко обуславливается отсутствием у человечества необходимых для этого знаний.

Понимание истинного чуда как сверхъестественного события, свидетельствующего о силе Божией, укрепляющей веру человека, способно помочь каждому, кто вдумчиво, шаг за шагом анализирует свою жизнь, обнаружить в ней следы Божия присутствия.

Чудо в современном мире

Размышляя ранее о природе чудесного и об особенностях его восприятия человеком на основе евангельских свидетельств о чудесах Господа нашего Иисуса Христа, мы пришли к некоторым принципиальным выводам. Чудо есть сверхъестественное явление, действие или событие, совершаемое силой Божией.

Очевидным образом выпадая из сферы действия законов природы, а также из системы повседневного человеческого опыта, чудо не может быть убедительно и рационально объяснено на основе всей совокупности знаний, которыми располагает человечество.

Чудесное явление всегда совершается с конкретной целью: помочь человеку почувствовать в своей жизни Божественное присутствие.

При этом, даже совершая чудо, Творец не ограничивает человеческой свободы, всегда оставляя нам возможность выбора — верить или не верить. И если кто-нибудь ни при каких обстоятельствах не желает видеть и признавать присутствия Божия в своей жизни, то даже сверхъестественной силе чуда невозможно убедить такого человека.

Мы уже говорили о нравственных условиях богопознания. Человек способен ощутить присутствие Бога, принять Его и поверить в Него тогда, когда сохраняется в душе нравственное начало. То же самое можно сказать и о чуде. Человек воспринимает чудо как действие силы Божией в том случае, если для этого существуют необходимые нравственные условия и предпосылки, и когда он, имея веру и готовность

принять Бога своим разумом и сердцем, свободно делает шаг навстречу своему Господу.

А что происходит в том случае, когда подобные нравственные условия и предпосылки отсутствуют? Тогда, вместо того чтобы быть воспринятым в качестве знамения и знака зримого присутствия Божия в жизни человека, чудо в лучшем случае лишь вызовет у него вежливое удивление. Одни попытаются более или менее убедительно объяснить себе сверхъестественное явление, другие просто пожмут плечами и предпочтут не задумываться об этом вообще.

Происходят ли чудеса в наши дни? Да, происходят, и сегодня их совершается не меньше, чем в минувшие времена. Порой о чудесных явлениях подробно рассказывают средства массовой информации, но становится ли от этого больше верующих людей? Практически нет. И это — убедительное подтверждение ранее высказанного тезиса: чудо есть область мистического взаимодействия Бога с человеческой душой, но если в человеке отсутствуют необходимые духовно-нравственные предпосылки для верного понимания совершившегося таинственного события, то чудо не будет воспринято как адресованное нам знамение свыше и не окажет на нашу душу исцеляющего воздействия.

В 1968 году в Каире произошло удивительное, чудесное событие. Над куполом одного из православных храмов города появился как бы сотканный из воздуха образ Царицы Небесной. То было не мимолетное изображение, растаявшее без следа. В продолжение почти двух лет население египетской столицы имело возможность ежедневно наблюдать этот нематериальный феномен, доступный, однако, восприятию человеческим зрением. Множество паломников стекалось к храму для молитвы, но тысячи людей спешили мимо этого места по своим делам, не обращая особого внимания на нерукотворный образ над их головой. Это безмолвно длящееся чудо, явленное в небе над центром большого современного города, изо дня в день кротко посрамляло все известные человечеству законы природы. Чудо запечатлели видеокамеры, о нем рассказало и его показало телевидение. Кажется, что могло сильнее и убедительнее свидетельствовать о сверхъестественном в наш

рационалистический век? Но многих ли это чудо обратило к Богу? Увы, нет.

Другой пример. В 1858 году во Франции, в местечке под названием Лурд, 14-летней девочке явилась Матерь Божия. С той поры на этом месте происходят удивительные явления: множество людей получают исцеления от своих часто неизлечимых недугов. Была создана специальная комиссия из медиков, ученых, психиатров, клириков, исследовавших каждый случай чудесного исцеления. В большинстве случаев комиссия давала заключение об исцелениях, совершившихся вопреки объективному медицинскому прогнозу развития болезни, то есть чудесным образом. Повлияли ли многочисленные и не прекращающиеся до сего дня лурдские чудеса на религиозную ситуацию во Франции, увеличилось ли здесь число уверовавших благодаря несомненному знамению Божию? Нет.

В последнее время в лоне нашей Церкви и вообще по России происходит явное умножение чудесных событий. Чудеса происходят у мощей святых угодников Божиих — преподобных отцов наших Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Известия об этом передаются из уст в уста. В храмах многих епархий нашей Церкви происходят чудесные истечения святого мира от икон. Из высохшей доски со священным изображением Спасителя, Божией Матери или кого-то из святых совершенно непостижимым образом начинает истекать эта иногда благоухающая, иногда не имеющая аромата жидкость совершенно особого, чудесного происхождения, в состав которой входят вещества, не известные современной науке. Делавшиеся попытки «разоблачить» мироточение икон, объявив его результатом сложных атмосферных воздействий или скоплением конденсата, были отвергнуты самой же наукой, в частности, потому, что миро исходит из глубины образов. Известны случаи мироточения бумажных и даже пластиковых образков, являющихся фотографиями чудотворных икон. Что же осталось в итоге всех попыток рационально объяснить необъяснимое? То же, что и всегда, со времен палестинских чудес Господних: для верующих то — чудеса Божии, для неверующих — ничто.

Люди, которые с благоговением воспринимают чудо мироточения, испытывают особое духовное переживание.

14 марта 1994 года в кафедральном соборе Смоленска сотни людей стали свидетелями того, как из иконы преподобного Серафима Саровского стало выделяться святое миро, что было запечатлено местным телевидением. С того дня у чудотворной иконы стали совершаться молебны, люди во множестве притекали помолиться перед образом святого угодника. Это чудесное событие взволновало сердца и умы народа Божия, а быть может, и обратило иных неверующих. Казалось бы, что может быть более очевидным и убедительным доказательством присутствия в мире благодати Божией, — по крайней мере в это время, в этом месте, у этого образа? Тем не менее это радостное событие имело и свою оборотную сторону: некоторые люди, раздраженные собственной неспособностью «изобличить» чудо, кощунственно и голословно обвинили духовенство в шарлатанстве и подлоге. Другие же, удивляясь, говорили: «Мы этого не понимаем. Это не для нас». Воистину, *«они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют»* (Мф. 13: 13). А чудо дастся им — не уверуют.

Почему такое происходит? Да потому, что для обращения к Богу мало даже великого чуда. И если сейчас ангел Божий сойдет на землю в центре Москвы, слишком многие ему никогда не поверят и его не примут. Вновь обратимся к Евангелию: Господь совершал великие чудеса, память о которых победила две тысячи лет. Он исцелял неизлечимо больных, воскрешал умерших, ходил по водам, умножал хлебы для тысяч народа... Казалось бы, вся Палестина должна была оставить все иные заботы и, уверовав, последовать за Спасителем. Но, как известно, этого не произошло.

Господь Иисус Христос отвергает соблазн завоевывать сердца с помощью принуждения посредством чуда, ибо свободное обращение к Нему человека имеет особую ценность. Каждый волен принять Благоую весть или отвергнуть, чудеса же даются нам для того, чтобы помочь сделать этот судьбоносный выбор. И дабы чудо действительно помогло нам в этом, мы должны быть нравственно и духовно готовыми принять Господа в свое сердце.

Притчи Спасителя

В течение трех с половиной лет Господь наш Иисус Христос учил людей тайнам Царства Божия, обличал лицемерие книжников и фарисеев, совершал многие чудеса и являл знамения, дабы укрепить в вере Своих последователей.

Евангелие повествует, что в начале Своего служения Господь Сам избрал двенадцать ближайших учеников, узкий круг Своих друзей. Они были первыми, кто внимал Его удивительному слову. С ними Он делил тяготы длительных переходов из Галилеи в Иудею, в их обществе уединялся для сокровенных бесед. Затем, когда увеличилось число последователей, Он призвал еще семьдесят избранных учеников, которые были не так близки к Нему, как первые двенадцать, но тоже составляли постоянный круг Его последователей.

Однако к Господу тянулось и великое множество простого народа, привлеченного совершаемыми Им чудесами, необычностью учения и удивительной притягательностью Его образа. Сравнивая слово Спасителя, обращенное к ученикам, с проповедью для всего народа, нельзя не отметить некоторых отличий. Раскрывая перед апостолами Свое учение, Спаситель говорил о тайне Троиединого Бога, о будущем мира, о Своей собственной судьбе, предсказывая страдания, Крестную смерть и Воскресение. Иногда речи Его представлялись им столь непостижимыми, что ученики, недоумевая, просили у Господа разъяснений. И Спаситель, по мере их готовности вместить Его слово, раскрывал тайны Царства Божия, приуготовляя апостолов к проповеди Евангелия.

Слово, обращенное к народу, было иным, и прежде всего по своей форме. Народ Господь поучает притчами, хотя нередко обращает притчи и к ученикам. Притча есть иносказание, образ, некая загадка, которую нужно разгадать. Почему же Господь обращался к народу в притчах?

Спасителя слушали разные люди, отличавшиеся своими взглядами на жизнь, убеждениями, образованием и, что особенно важно, неодинаковой способностью усвоить Его высокое учение. Наиболее подходящей формой повествования для них была притча. Поскольку в притче присутствует элемент загадки, то для уяснения ее смысла требуется ответное творческое напряжение. Притча не оставляет человека безразличным. Она пробуждает интерес, требует усилий и готовности постигнуть смысл сказанного. Дети любят разгадывать загадки, а основную массу слушателей Спасителя составляли люди, бывшие в духовном смысле детьми, нуждавшимися в молоке, а не в твердой пище, как образно впоследствии об этом скажет апостол Павел (1 Кор. 3: 1–2).

Кроме того, следует помнить, что в поучениях Господа было много горькой правды об обществе, о власти имущих, о человеке вообще. И, обращая к людям Свое грозное обличительное слово, Он облакает его в форму притчи, чтобы не возбуждать преждевременного негодования. Только накануне Крестных страданий обличающее Слово Спасителя становится адресным, грозным и предельно ясным. И страсти уязвленных Иисусом вырываются наружу в неистовой злобе, в яростном преследовании Господа, приведшем к Его аресту и казни.

А теперь вчитаемся в те евангельские притчи, которые повествуют нам о Царствии Божием:

«Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а дру-

гое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!

И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано... потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют, и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13: 1–11, 13–15).

Размышляя ранее о необходимых условиях восприятия человеком религиозных истин, мы подчеркивали важность нравственного состояния личности, и приведенные евангельские слова хорошо это иллюстрируют: можно видеть чудесные явления собственными глазами, слышать Божественные глаголы своими ушами — и не постигать их.

Обращаясь к апостолам, Господь изъясняет смысл вышеприведенной притчи:

«Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его — вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазнится. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодороден, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф. 13: 18–23).

Далее Спаситель продолжает в притче рассказывать народу о Царствии Божиим:

«Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то.

Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон.

Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. И спросил их Иисус: поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!» (Мф. 13: 44–51).

«Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, *да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира* (Мф. 13: 34–35).

Слушая или читая эти мудрые евангельские притчи, поражаешься удивительной точности, простоте и красоте образов, которые избирает Иисус для выражения той истины, которую намеревается открыть. Ведь среди последователей Спасителя были и торговцы, и рыбаки, и хлебопашцы. Прибегая в притчах к понятиям и образам, которые были близки опыту их жизни, Господь в предельно доходчивой форме открывает каждому человеку тайну Царствия Божия.

Точно так же и сегодня Божественная притча помогает понять и принять Слово Господа людям разного возраста и положения, образования и культуры, с тем чтобы это Слово, проникая в сокровенные глубины сердца, преобразовывало их внутреннюю жизнь, придавая ей подлинную глубину и вечное содержание.

Палестина — земное отечество Иисуса Христа

Поскольку большинство людей вряд ли в деталях знакомо с географией тех мест, где проходила земная жизнь Иисуса Христа, то для большей наглядности полезно было бы ознакомиться с картой Палестины, с топографическими и историческими особенностями этого уголка земли, которому Промыслом Божиим было суждено сыграть роль земного отечества и места жизни воплотившегося Сына Божия.

С запада эта земля омывается водами Средиземного моря, с востока граничит с Аравийской, а с юга — с Синайской пустынями. В южной части Палестины располагается соленый замкнутый водоем, именуемый Мертвым морем. Ничто живое не способно существовать в его тяжелых водах, перенасыщенных солью.

В Мертвое море впадает река Иордан, которая, как бы рассекая Палестину на восточную и западную части, вытекает из полноводного и пресного источника вод на севере страны, именуемого в Евангелии морем Галилейским, или озером Геннисаретским, а часто и озером Тивериадским, по названию расположенного на его берегу города Тиверии.

Если рассмотреть современную географию исторической Палестины, то окажется, что в настоящее время здесь располагаются государство Израиль и Палестинская автономия, в восточной части — Иордания, в северо-западной — Ливан, а в северо-восточной — Сирия. На юге Палестина граничит с современным Египтом.

Во дни Рождества Христова вся Палестина управлялась царем Иродом Великим, который искал смерти Богомладенца

Иисуса. После смерти Ирода Палестина разделилась на несколько областей, каждой из которых управлял один из трех сыновей Ирода. Старший сын, Архелай, получил в управление Иудею, Самарию и южную часть Палестины, именуемую Идумеей. Средний сын, Ирод Антипа, тот самый, который обезглавил Иоанна Крестителя, правил северной частью Галилеи и землями к востоку от Иордана, в то время именуемыми Переей, а позже получившими название Трансиордании. Третий сын Ирода Великого, Филипп, царствовал на севере — в Гавлонитиде, Ватонее, а также в области Трахонитской и Авронитской.

В шестом году новой эры император Август за жестокость отстраняет старшего сына Ирода Архелая от управления Иудеей, Самарией и Идумеей, назначив властвовать над его достаточно обширными землями римского прокуратора. Резиденция прокураторов находилась в Кесарии, портовом городе на берегу Средиземного моря.

Когда совершаешь паломничество по Палестине, то впечатление поражает удивительное богатство и разнообразие природного и географического ландшафтов. Замечено, что эта земля рождает какое-то особое состояние духа. Она была источником вдохновения для поэтов, художников и музыкантов различных эпох, сюда со всех концов земли в продолжение многих столетий устремляются люди, чтобы вдохнуть благодатный воздух Палестины, которым дышал наш Спаситель, припасть к земле, по которой Он ступал, увидеть природу, с детства окружавшую Его.

Иудея на юге Палестины — пустынное, суровое и величественное место. Безжизненные холмы и каменистые долины протянулись отсюда до самого Мертвого моря. Здесь часто дуют сильные ветры, порождая пыльные бури, которые на многие километры разносят мельчайшие частицы песка и пыли. Это Иудейская пустыня. Доныне здесь никто не живет, за исключением небольшого числа кочевников-бедуинов, чьи временные поселения, как и тысячу лет назад, изредка встречаются среди пустынных пространств. Если перемещаться отсюда дальше на север, то ландшафт довольно скоро меняется. Самария уже имеет растительность, хотя частично здесь присутствует и пустынный пейзаж, который удивительным

образом переходит в прекрасную плодородную долину, и мы попадаем в Галилею с ее зеленеющими полями, виноградниками, цветущими садами, в которых произрастает множество плодовых и цитрусовых деревьев. Удивительно красива и живописна эта местность.

Именно здесь возрастал Богомладенец Христос, восходя от силы в силу, пока не пришло Ему время выйти на общественное служение. Эта прекрасная и щедрая земля дарила Ему тепло и красоту своей природы, здесь же, в Галилее, Господь провел большую часть времени, выпавшего на Его общественное служение.

Основные этапы земной жизни Иисуса Христа: Иордан — Галилея — Иерусалим

Евангелисты не ставили перед собой задачу написать хронику деяний Спасителя, не составляли они и Его биографию. Евангельские повествования — это свидетельства очевидцев. Каждый свидетель события описывает его так, как он его видел, точнее, сумел увидеть, делая акценты на наиболее важных для него обстоятельствах, подчеркивая наиболее существенное.

Но при внимательном чтении всех четырех евангелистов можно выстроить хронологическую канву земной жизни Господа, выделив ее основные вехи.

Господь родился в Вифлееме. На восьмой день по требованию закона Он был обрезан, а на сороковой день, также по обычаю, как первенец мужского пола был посвящен Богу в Иерусалимском храме. Там Его встретил почтенный старец по имени Симеон, который, будучи одним из семидесяти переводчиков Библии с еврейского языка на греческий, усомнился в правильности текста пророка Исаии, который гласит: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. 1: 23). Ангел, явившись Симеону, сказал, что тот не увидит смерти, пока не станет свидетелем чуда рождения Спасителя от Девы. Более двухсот лет ожидал Симеон встречи с Мессией. Устав от жизни, он с радостью завершает свой жизненный путь, встретив в храме Младенца Иисуса. Песнь, которой праведный Симеон почтил Спасителя, исполняется в Православной Церкви за каждым вечерним богослужением:

«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром. Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты

уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2: 29–32).

Там же в храме Господа встретила пророчица по имени Анна. Эта встреча Спасителя и Его Матери со старцем Симеоном и пророчицей Анной вспоминается Церковью 15 февраля по новому стилю в праздник Сретения Господня.

Вскоре после этого, гонимые погибельным для них гневом царя Ирода, Пречистая Дева Мария и Иосиф Обручник с Богомладенцем Иисусом бегут в Египет. После смерти Ирода семья возвращается в Палестину и, опасаясь оставаться в Иудее, где правит наследовавший Ироду его сын, жестокий Архелай, избирает для жительства галилейский город Назарет, из которого происходил род Иосифа. Евангелие ничего не говорит о детстве Спасителя и лишь одним эпизодом касается темы Его отрочества. Евангелист Лука рассказывает о том, как однажды Святое семейство отправилось в Иерусалим на праздник Пасхи, и там в храме двенадцатилетний отрок Иисус вступил в собеседование с начитанными в Священном Писании книжниками, поразив их Своей мудростью и знанием (Лк. 2: 41–51).

Общественное служение Христа Спасителя начинается на берегу реки Иордан, где от Иоанна Крестителя Он получает крещение. Удалившись в Иудейскую пустыню, Господь претерпевает искушение от диавола на горе близ Иерихона и, выйдя из Своего сорокадневного уединения, находит у Иордана будущего апостола Андрея, в ту пору ревностного последователя Иоанна Крестителя. Андрей становится Первозванным, то есть первым из учеников, призванных Спасителем. За Андреем последовал его брат Петр, и вместе с Учителем они направляются в Галилею, где происходит встреча Спасителя с еще четырьмя учениками: братьями Иаковом и Иоанном, которые были рыбаками на Галилейском озере, а также с Филиппом и Нафанаилом.

В земле Галилейской начинает Господь Свою проповедь. Это событие было ознаменовано совершением чуда в городе Кане, который существует до сего дня и именуется Каной Галилейской. Господь был приглашен сюда вместе с Его Матерью на брачный пир. Новобрачные, по всей вероятности, были людьми скромного достатка, и в самый разгар

праздничной трапезы неожиданно закончилось вино, предназначенное для угощения гостей. Хозяева пребывали в растерянности, не зная, что предпринять. В этот момент Дева Мария обращается к Своему Сыну, прося Его помочь этим простым людям.

И Господь совершает Свое первое чудо, превращая обычную воду в вино гораздо более доброе, чем то, что участники брачного пира пили в начале трапезы. Совершилось чудо, но насколько просто и человечно! Да это и понятно, ибо чудо является зримым свидетельством той любви, с которой Бог обращается к людям. Первое чудо, совершенное Иисусом в обстановке брачного торжества в Кане Галилейской, является эту Божественную любовь в обычном житейском деле, подавая бедным людям в трудную минуту нежданную помощь.

Замечательно, что почти все события, о которых мы знаем из евангельского повествования, оставили тот или иной след в материальной культуре и истории Палестины. Так, рассказ о чуде в Кане Галилейской дивным образом подтверждается бережно сохраняемыми в местном православном храме каменными сосудами, которые употреблялись во времена Иисуса в качестве водоносов.

Евангелие не уточняет, в каком именно городе Галилеи жил Господь в первые месяцы Своего общественного служения. Но описание чуда в Кане Галилейской дает нам основание предполагать, что после крещения в Иордане и искушения в пустыне Он, по всей вероятности, пребывал в родном доме в Назарете.

Путешествуя по дорогам Галилеи, Господь собирает вокруг Себя множество народа: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Мф. 4: 23–25).

Одни люди всем сердцем принимают слова Спасителя, другие устремляются к Нему лишь потому, что Он творит чудеса, может исцелить и помочь. Среди окружающей Его

толпы много просто любопытных, зевак, а также и тех, кто связывал Его появление с возможным освобождением Израиля из-под власти Рима. Но в числе слушателей Господа были и те, кто относился к Спасителю и Его учению с настороженностью и недоверием.

Это в первую очередь так называемые фарисеи. Сейчас это слово употребляется как нарицательное, для обозначения человека лицемерного, двоедушного. Однако во времена Спасителя фарисеи составляли очень влиятельную религиозно-политическую партию, своего рода неформальное объединение единомышленников. Фарисеи строго соблюдали предписания закона Моисеева, но не столько в его нравственной, содержательной части, сколько в обрядово-бытовом отношении, считая, что скрупулезное исполнение обряда, строгое следование бытовым предписаниям Моисеева закона ограждают иудеев от ассимиляции с другими народами, сохраняют их самобытность, укрепят национальную идею ожидания Мессии и возвеличения Израиля пред лицом всех народов земли.

Вопреки этим чаяниям все, о чем говорил Спаситель, чему Он учил и к чему призывал, было обращено не к форме, а к внутреннему содержанию. Подчеркивая Свою преемственную связь с Ветхим Заветом, но не с формальной, бытовой его стороной, а с глубинной и содержательной, Христос постоянно обращается к внутренней жизни человека и, проповедуя Царство Божие, говорит о нравственном законе в сердце человеческого. Это было трудно понять фарисеям. Проповедь Христа бросала им вызов, требовала полного пересмотра отношения к Моисееву закону и, естественно, вызывала у многих неприятие, беспокойство, подозрения и даже злобу.

В продолжение трех с половиной лет общественного служения Спасителя Пасхальные праздники с Его участием, которых было четыре, являются некими хронологическими вехами, помогающими воссоздать общий строй евангельских событий.

В первую Пасху Господь идет в Иерусалим из Назарета через Самарию. Эта Пасха была отмечена первым открытым столкновением Спасителя с книжниками.

По обычаю правоверные иудеи того времени раз в год, на праздник Пасхи, собирались в своей столице, чтобы

помолиться в Иерусалимском храме, национально-религиозной святыне евреев. По культовому ритуалу иудеи совершали в своем храме кровавые жертвоприношения во очищение грехов, жертвуя тельцов, птиц, ягнят. При храме продавались жертвенные животные и располагались лавки менял.

Евангелие повествует о том, как Господь, войдя в Иерусалимский храм, был поражен обилием людей, занимавшихся под священными сводами торговлей и обменом денег. При виде этой неподобающей святому месту обстановки Господь возмутился духом и бичом изгнал торговцев и менял из дома Божия, дома молитвы, обращенного ими в вертеп разбойников. Столкнувшись лицом к лицу со злом, с извращением здорового религиозного чувства и религиозной традиции, Господь заносит хлыст, чтобы силой остановить беззаконие. Конечно, столь радикальное действие не могло понравиться тем, кто своим духовным авторитетом как бы оправдывал и освящал все, что происходило при храме, и в первую очередь фарисеям, книжникам, духовным правителям иудейского народа.

После посещения Иерусалима Господь вместе с учениками возвращается в Галилею. Его путь лежит опять через Самарию, занимавшую центральную часть Палестины между северной Галилеей и южной Иудеей. В ту пору эту местность населяли самаряне, народ, произошедший от смешения евреев с язычниками. Результатом этого явилось, в частности, изменение религиозной традиции и культа. Иудеи, бережно хранившие свою традицию, решительно отказывались от всякого общения с самарянами. Даже в повседневном быту любые контакты между иудеями и самарянами почитались не просто предосудительными, но решительно невозможными. Однако Спаситель по дороге в Галилею нарочито заходит в пределы Самарии, нарушая тем самым существовавшее у евреев правило: обходить стороной селения самарян, совершая путь из Иудеи в Галилею и обратно.

Основные этапы земной жизни Иисуса Христа: Самария — Назарет — Капернаум — Иерусалим

Одно из расхождений между иудеями и самарянами, братьями по крови, но религиозными противниками, состояло в том, что самаряне не признавали законным и правильным почитание Бога в Иерусалимском храме и полагали, что основным святилищем, местом поклонения Богу, является гора Гаризим, находившаяся на территории Самарии. У подножия этой горы сегодня располагается город Наблус.

Господь входит в самарянский город. Евангелист Иоанн так описывает это событие:

«Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.

Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше нашего отца Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек;

но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать. Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала.

Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все.

Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою.

В это время пришли ученики Его, и удивились, что Он разговаривал с женщиною; однако ж ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею? Тогда женщина оставила водонос свой, пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос? Они вышли из города и пошли к Нему» (Ин. 4: 5–30).

В этом замечательном повествовании содержатся три очень важных элемента, на которые нужно обратить особое внимание. Во-первых, Христос вступает в общение с самарянкой, будучи иудеем по воспитанию. Тем самым Он нарушает один из обычаев и законов избранного народа, бросая вызов единоверцам. Почему? Этим поступком Господь свидетельствует, что призван возвещать Слово правды, Слово жизни, Слово о Царствии Божиим всему миру и что для Него нет своих и чужих, нет друзей и врагов, но Его спасительное Слово обращено ко всем и к каждому.

Отвечая на вопрос самарянки о том, где следует поклоняться Богу, Господь свидетельствует, что Бог есть Дух, то есть реальность не земная, не физическая, а потому поклоняться Ему нужно в духе и истине. Призыв к поклонению в духе означает, что подлинным выражением религиозной жизни является внутренняя духовная жизнь человека. Когда эта жизнь строится в соответствии с заповедями Божиими, то есть с установленным от Бога порядком бытия, тогда человек совершает истинное поклонение. Всякое внешнее поклонение, если оно не сопровождается внутренней борьбой со своими пороками, внутренней переменой, изменением человеческой жизни, не является приношением, достойным Бога.

Но что означает поклонение в истине, о какой истине говорит здесь Господь? Не всякое знание о Боге, не всякое религиозное учение способны помочь человеку внутренне изменить свою жизнь, приводя к подлинному поклонению Богу. Есть некая внутренняя взаимосвязь между этими двумя началами — поклонением в духе и поклонением в истине, и если один из этих компонентов искажается или вообще утрачивается, то не может быть подлинной религиозной жизни.

Итак, религиозная жизнь, поклонение Богу совершаются только тогда, когда мы преобразуем свою жизнь по Божью закону, по Божиим заповедям, а такое внутреннее преобразование личности может произойти лишь тогда, когда человек знает, во что верит, когда он обладает духовной, религиозной истиной.

И наконец, еще одно чрезвычайно важное положение, которое содержится в беседе Спасителя с самарянкой. Именно ей Господь впервые открыто свидетельствует, что Он Мессия, что Он Тот, Кто был проповедан ветхозаветными пророками. Не нужно ждать другого спасителя, не нужно готовить себя к пришествию иного избавителя, ибо Он есть Мессия, Он есть Сын Божий.

Господь возвращается в Галилею и начинает проповедовать в городе Своего детства, в Назарете. Но жители Назарета не принимают Его слов. Помня Иисуса еще отроком, зная Его мать и сродников, эти люди, конечно, были не в состоянии

увидеть в Нем Мессию, и потому их сердца и разум не открылись навстречу слову Его. Разгневанные тем, что хорошо известный им молодой человек дерзает поучать их, жители города восстают против Него. Гнев этот был столь яростен, что Христос удаляется из Назарета, практически спасая Свою жизнь. При этом Он обронил фразу, пережившую века:

«Пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ин. 4: 44).

Покинув Назарет, Спаситель поселяется на берегу Тивериадского озера, в Капернауме — людном торговом городе. Жили там мытари — сборщики податей, которые наживались, несправедливо обирая свой народ в пользу римских завоевателей, жили там и торговцы, и рыбаки. Этот город почти не сохранился до нашего времени, от него остались только развалины синагоги, но даже по ним можно судить о былой красоте Капернаума. Этот период, от первого до второго посещения Господом Иерусалима, наполнен многими событиями. Господь учит, проповедует, творит чудеса, и множество народа стекается к Нему, чтобы услышать Его слово.

Вторую Пасху своего общественного служения Господь снова проводит в Иерусалиме — в городе, где много книжников и фарисеев, которые, конечно, не забыли, как год назад Иисус изгнал торгующих из храма. С настороженностью относятся они к Галилейскому проповеднику. Об этом втором посещении Господом Иерусалима мы имеем лишь одно сравнительно краткое повествование в Евангелии от Иоанна. Там рассказывается о том, как Господь исцелил парализованного человека, который в течение 38 лет лежал у водоема, именуемого «Вифезда», что располагался у Овечьих ворот города. Ежегодно в праздник Пасхи здесь совершалось Божие чудо: ангел Господень входил в воду, возмущая ее, и первый человек, погрузившийся в этот водоем по возмущении воды, получал исцеление. Несколько десятилетий провел близ спасительного, но недостижимого водоема расслабленный, ибо не нашлось человека, который помог бы ему в назначенный час сойти в воду. И Господь, сжалившись, исцеляет болящего...

Казалось бы, это чудо должно было пробудить доверие и уважение к Учителю из Галилеи, интерес к Его проповеди. Но реакция фарисеев свидетельствовала о другом: они обвиняют Господа в том, что Он совершил исцеление в субботу, то

есть в день, когда по закону Моисея человек не должен работать. Формальное отношение к закону, утверждавшееся фарисеями, входит в противоречие и конфликт с милостью, составлявшей в значительной мере суть закона, о чем говорил и что подтверждал Своими добрыми деяниями Спаситель. Это мнимое нарушение закона задело фарисеев и книжников, ибо Господь прикоснулся к болезненному нерву их религиозной жизни.

Снова, как и год назад, Христос предстал им нарушителем закона, общественного порядка и уклада жизни.

«И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу» (Ин. 5: 16).

Возвращение в Галилею

После празднования Пасхи Господь покидает Иерусалим и возвращается в Галилею. Фарисеи, затаившие гнев на Спасителя, раздраженные и встревоженные Его проповедью и чудесами, пристально всматриваются в Иисуса, установив за Ним своего рода негласное наблюдение. Отныне в толпе окружающих Его людей пребывают не только те, кто жаждет услышать Его речи или получить исцеление, но и те, кто внимательно прислушивается к Его словам, желая обнаружить в них призыв к нарушению законов и обычаев страны.

На обратном пути из Иерусалима в Галилею происходит одно интересное событие:

«В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть. Фарисеи, увидев это, сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу. Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Мф. 12: 1–4).

Здесь речь идет о пророке и царе Давиде, том самом, который за тысячу лет до Рождества Христова основал Иерусалим, столицу Израильского государства. Давид был человеком высокой религиозной жизни. Но однажды, изнемогая от усталости и голода, он возвращался во главе своих воинов из похода и, войдя в Иерусалимский храм, взял и ел, поделившись со своими сподвижниками, хлебы предложения, которые согласно богослужебной традиции древнего Израиля

имели право вкушать только священники во время богослужения. Для фарисеев авторитет Давида был непререкаем, и именно поэтому Господь, отвечая им, напоминает об этом эпизоде из жизни царя-псалмопевца.

Далее Евангелие повествует:

«Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны?» (В субботы в Иерусалимском храме совершалось богослужение, однако это не рассматривалось как нарушение закона.) Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма; если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных, *ибо Сын Человеческий есть господин и субботы»* (Мф. 12: 5–8).

Конечно, эти слова вновь возмутили фарисеев. Какой-то проповедник вдруг свидетельствует, что Он больше храма и господин субботы! Такого не позволял себе ни один пророк, ибо кто может быть больше храма и господином субботы? Только Сам Бог, Мессия, Спаситель! И Господь косвенно, но вместе с тем определенно впервые перед лицом народа говорит о Своем Божественном происхождении. Примечательно, что именно в связи с этим Спаситель цитирует ветхозаветного пророка Осию: «Милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6: 6).

Здесь содержится одна из самых существенных характеристик религиозной жизни человека. В Ветхозаветном Израиле жертвоприношение животных Богу было законным, благочестивым обычаем, одним из главных обрядов иудейского культа. Однако уже псалмопевец и царь Давид в своем 50-м псалме утверждает, что подлинная жертва Богу — сокрушенный дух, что *«сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит»* (Пс. 50: 19). Главная жертва — в способности человека осознать свой грех, свою неправду, свое несовершенство перед Богом и раскрыть навстречу Ему свою душу в полной готовности слушать Его слово и исполнять Его волю. Это знали ветхозаветные иудеи, но забыли их потомки, увлекшись внешним, обрядовым исполнением закона.

Господь, свидетельствуя о Себе как о Мессии, одновременно утверждает, что не столько внешняя обрядовая сторона, сколько состояние души человека важно для Бога. Конечно, эти слова были произнесены в адрес фарисеев в ответ на

обвинение учеников Господа в нарушении субботнего покоя, но сказанное справедливо в отношении религиозной жизни людей вообще.

Милость — это милосердие, способность творить добрые дела. А в контексте только что упомянутого повествования о срывании колосьев можно сделать вывод, что милость есть также снисхождение к людям, способность понять их слабости и проблемы, не судить строго, а открыть им свое «сердце милующее», добротой и любовью покрывая их немощи.

В наше время весьма распространен взгляд на религиозную жизнь как на весьма суровую, жестко регламентированную внешними предписаниями. Нередко, беседуя о христианской вере с сугубо мирскими людьми, сталкиваешься с такими вопросами: «Можно ли вам, верующим людям, заниматься спортом или ходить в кино, посещать театр, слушать музыку?» Многие, особенно молодежь, в сознании своем связывают веру с чем-то весьма сложным, требующим постоянного самоограничения, мрачным, нерадостным, тяжким. Это не так. *«Милости хочу, а не жертвы»*, — говорит Господь. Богу не нужна наша жертва, если она не сопровождается осуществлением в жизни того духовно-нравственного идеала, который проповедовал Христос.

Все внешние правила, которые, несомненно, существуют в каждой религии, в том числе и в христианской, не являются самоцелью. Нередко, став христианином, человек в первую очередь старается скрупулезно исполнять все церковные предписания. Нужно твердо усвоить, что не Богу, но нам нужны жертва и самоограничение, что внешняя сторона церковной жизни — не цель, но средство, призванное помочь достижению цели. Ему же нужны наша любовь, наше доброе сердце, способность видеть боль, страдание другого человека и отзываться на них живой помощью.

Главный конфликт Спасителя с книжниками и фарисеями как раз и заключался в этом различном отношении к внешнему и внутреннему факторам религиозной жизни. Евангелие учит нас тому, что внешние факторы религиозной жизни необходимы настолько, насколько они способствуют достижению цели религиозной жизни — духовно-нравственному возрастанию человека.

Вернувшись в Галилею после Своего путешествия в Иерусалим, Господь вновь столкнулся с теми, кто критиковал Его за нарушение субботы.

«И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса, чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы? Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак, можно в субботы делать добро. Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая. *Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился оттуда*» (Мф. 12: 9–14).

Призвание апостолов на проповедь

По возвращении в Галилею Спаситель избирает двенадцать учеников, составивших ближайший круг Его последователей. Очень трудно по одному отдельно взятому евангельскому тексту, будь то повествование от Матфея, от Марка, от Луки или от Иоанна, составить исчерпывающе точную хронологию событий того далекого времени. Так, например, Евангелие от Матфея оставляет впечатление, что избрание двенадцати апостолов и Нагорная проповедь Спасителя происходили почти в самом начале общественного служения Иисуса Христа. На самом деле это не совсем так. Достаточно вспомнить, что Господь начинает Свое служение на берегах Иордана и, идя в Галилею, вначале призывает к служению только первых четверых Своих учеников: Андрея, его брата Петра и двух братьев Зеведеевых, Иакова и Иоанна, встреченных близ реки, — а также, на другой день, Филиппа и затем Нафанаила (Варфоломея). Избрание же остальных учеников происходит, видимо, по возвращении в Галилею после вторичного посещения Иерусалима в дни праздника Пасхи.

«Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его» (Мф. 10: 2–4).

Наделив двенадцать ближайших учеников особыми благодатными дарами, Господь посылает их на проповедь, дабы учение Его распространялось как можно шире:

«И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10: 1).

Необходимо особо остановиться на словах напутствия, которые Господь обращает к своим апостолам. Спаситель ясно определяет основное содержание проповеди Евангелия и говорит об условиях, которые необходимо соблюсти, чтобы эта проповедь была принята людьми.

Какую же весть должны были нести ученики в мир? Прежде всего весть о том, что приблизилось Царствие Небесное. Царствие Небесное в сознании многих связывается непременно с концом мира и истории. Время от времени и у нас в стране, обычно по наущению заезжих миссионеров, распространяются слухи о скором конце света. Причем для большей убедительности распространители таких слухов порой даже называют точные даты всемирной катастрофы. Однако Евангелие свидетельствует, что проповедь о близком конце света не есть христианская проповедь, она не может иметь своим источником Христа, потому что Сам Господь утверждает, что о времени конца света и о часе том никто не знает, кроме одного Бога. Таким образом, проповедь Царствия Небесного, Царствия Божия не имеет никакого отношения к концу света.

Это есть проповедь о стяжании вечной жизни в Боге, о достижении такого духовно-нравственного состояния, которое в условиях земного бытия делает человека соучастником Царства Божия. Это соучастие не прерывается смертью человека, но переходит в вечность. Человек обретает Царствие Божие в своем сердце, когда осуществляет нравственные заповеди Евангелия. Жизнь в Боге есть соединение земного с небесным, временного — с вечным в условиях реальной земной жизни человека.

Направляя апостолов на проповедь Евангелия, Господь дает им силу, которой обладает Сам, чтобы они не только учили словом, но и утверждали это слово делами милосердия: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мф. 10: 8).

Получив эту великую благодать от Бога как дар, и только потому, что были избраны Им на служение, ученики должны

были бескорыстно уделять людям из этой сокровищницы: «Даром получили, даром давайте» (Мф. 10: 8).

Проповедь не могла навязываться силой или принуждением, не должна была отнимать у человека дар Божественной свободы. В Своем напутствии Господь также предупреждает:

«В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10: 11–15).

Это суровое предостережение Спасителя совсем не противоречит свободе выбора, которая так принципиально важна в деле самоопределения и ответственности человека за свою жизнь. Но отвергая проповедь о Царствии Божиим своей свободной волей, человек лишается возможности обладать полнотой жизни, теряет единый истинный путь и наказывает самого себя. Жизнь, построенная на иных началах, чем те, которые Бог предлагает человеку, сопровождается глубокой неудовлетворенностью, тягостной непреходящей тоской, которая сама по себе разрушительна и способна привести к отчаянию.

Апостолы несут людям не простое слово. Это свидетельство о Христе, а значит, живое откровение о Боге Отце. Господь так и говорит: «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10: 40).

Однако такая проповедь неизменно приводит к столкновению с миром, неспособным вместить Слово Божие, отвечающим на него враждой. И как пронзительно звучат в Евангелии слова Спасителя: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас» (Мф. 10: 16–17).

Кто же Он, Иисус Христос, Который посылает учеников с такой духовной властью и силой проповедовать Свое

учение? В беседе с самарянкой Господь приоткрывает тайну Своей личности. Мы узнаем, что Он есть Мессия, Сын Божий, однако открыто, во всеуслышание, в слове к народу об этом не говорит. Даже Иоанн, крестивший Иисуса, посылает из заключения своих учеников выяснить:

«Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11: 3–6).

Период времени от второй Пасхи до третьей Пасхи занимает центральное место в земной жизни и свидетельстве Спасителя, отличаясь особым духовным напряжением и богатством событий. Именно в это время в Галилее Господь излагает главнейшие Свои поучения и более всего совершает чудес. Примерно в это же время Он произносит Нагорную проповедь, формулируя основные этические положения Своего учения.

Все Свои дивные дела Господь совершает для того, чтобы в первую очередь ученики, а через учеников и другие уверовали, что Он есть Спаситель, Мессия, Тот, Кого проповедовали пророки.

Пророческое служение Иоанна Крестителя

После второго посещения Иерусалима Господь возвращается в Галилею. Как уже говорилось, то был очень насыщенный событиями период земной жизни Спасителя: избрание апостолов и направление их на проповедь, наиболее дивные чудеса, поразительно емкие и богатые по содержанию притчи, обращенные к простому народу, неслыханные доселе откровения о Царстве Божиим... Однако в это же время совершается одно мрачное событие, о котором повествует Евангелие. Казалось бы, напрямую не связанное с жизнью Спасителя, оно имеет определенное отношение и к Нему, и к Его апостолам.

Ирод Антипа, правитель Галилеи, сын того самого Ирода, который повелел избить вифлеемских младенцев во дни Рождества Христа Спасителя, умерщвляет Иоанна Крестителя. Ирод идет на эту крайнюю жестокость потому, что Иоанн Креститель неустанно обличал галилейского правителя в незаконном сожителстве с женой его родного брата Филиппа, который также был правителем нескольких областей, примыкавших к Галилее. За это свидетельство о правде, столь неприятной для Ирода, Иоанн Креститель был отправлен в темницу. Вот как повествует об этом евангелист Марк: «Царь Ирод, услышав об Иисусе [ибо имя Его стало гласно], говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им...

Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней. Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь

жену брата твоего. Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла. Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его. Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего, делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским, — дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним; царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе; и клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя. И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей. Ученики его, услышав, пришли, и взяли тело его, и положили его во гробе» (Мк. 6: 14, 17–29).

Это очень сдержанное, но глубоко трагическое повествование о многом нам говорит. Прежде всего евангельский отрывок дает представление об общественно-политической и религиозно-психологической атмосфере, которая господствовала в те времена в Палестине. В самом деле, если царь страшится обличений пророка, человека из народа, не имеющего никакой светской власти, то это свидетельствует о том, что положение самого Ирода было непрочным. Да, он имел власть и знаки царского достоинства, но не являлся свободно избранным правителем своего народа, а был ставленником иноземцев-римлян, покоривших Палестину. Народ ненавидел Ирода, видя в нем предателя своего отечества. Поэтому обличения царя из уст почитаемого пророка встречали у людей поддержку и не без оснований представлялись Ироду и его незаконной жене делом опасным.

Размышление над этим евангельским текстом неизбежно приводит к вопросу: в чем же смысл пророческого служения? Что означает быть пророком? Мы ранее уже говорили об этом, касаясь служения ветхозаветных пророков, и теперь продолжим эти рассуждения.

Прежде всего пророк — это тот, кто в полный голос, в сознании своего религиозного долга и нравственной правоты, невзирая на лица и обстоятельства говорит подчас горькую правду своему народу, властям и правителям. И чтобы слово пророка было услышано и воспринято с доверием, чтобы общество, народ, государство откликались на него, пророк не мог обременять себя никакими земными интересами, обязательствами и попечениями, а его авторитет должен был быть безусловен и основан на таких высоких религиозно-нравственных ценностях, непреложность которых признавалась бы и поддерживалась всеми.

Пророческое служение в том виде, в каком оно представлено в Библии, угасло. Однако и в последующие времена на историческом пути многих народов появлялись личности, несшие миру бескомпромиссное пророческое слово нелицеприятной правды. В России это были мужественные иерархи, иноки, а нередко литераторы. В замечательном стихотворении «Пророк» Пушкин поэтически определяет сущность и общественную значимость пророческого подвига.

Однако истинным пророческим духом со времени своего основания и доныне обладает только Церковь Христова. Именно она призвана нести слово правды, иметь силу и смелость свидетельствовать истину. И сегодня в нашем обществе Церковь стремится осуществлять это служение, не отождествляя себя ни с могущественной материальной силой, ни с политическими партиями, ни с властью, ни с оппозицией. Она должна оставаться свободной и отстаивать эту свободу ради одной цели: иметь возможность и право свидетельствовать истину и говорить правду Божию о человеке, об обществе и даже о государстве.

Но есть одно неперемненное условие, при котором пророческий голос Церкви способен находить отклик в обществе. Прежде всего само общество должно иметь внутреннюю силу и способность слушать свидетельство Церкви и внимать ему. По тому, как общество реагирует на пророческий голос, можно судить о его моральном состоянии. И серьезно больно то общество, в котором пророку зажимают рот, заточают его в тюрьму, гонят или пытаются уничтожить. Но и Церковь, осуществляя пророческое служение, не должна быть обременена

политическими, экономическими или иными мирскими обязательствами перед властью имущими. Она ни при каких условиях не должна выполнять чей-то заказ и определять свою позицию согласно с волей и желанием внешних по отношению к ней сил, если эта воля и эти желания не соответствуют правде Божией.

Ирод не имел нравственных сил вынести обличения Иоанна Предтечи, его пугал пророческий глас, а в самой фигуре пророка он усматривал опасность для себя и своей власти. И хотя царь испытывал некоторые угрызения совести, понимая, что перед ним пророк, человек Божий, который не стремится к земному могуществу и почестям, не ищет своего, но лишь говорит правду, жестокий правитель все-таки направил против него руку палача.

Чудо насыщения пяти тысяч

Мы уже говорили о том, что только внимательно сопоставляя все части Четвероевангелия, объединяя в единую смысловую цепочку их отдельные фрагменты, можно выстроить последовательную хронологическую линию.

Из такого сравнительного анализа евангельских текстов становится ясно, что на третью Пасху Своего общественного служения Господь не пошел в Иерусалим. Над Ним, несомненно, уже сгущались тучи, но еще не наступил час Его страданий и смерти, еще многое Он должен был сказать людям, а в Иерусалиме Спаситель неизбежно столкнулся бы лицом к лицу с теми, к кому обращено было Его обличительное слово, кто стремился погубить Его и таким способом остановить Его служение.

Время еще не пришло, и Господу предстояло много трудиться, стучась в сердца человеческие и свидетельствуя о приблизившемся Царстве Небесном. Времена и сроки Его земного бытия не исполнились, ибо Он не все еще успел открыть людям.

Итак, третью Пасху Господь проводит в Галилее. Проповедь Спасителя в этот период отличается особенно богатым содержанием, Его чудные деяния во время этого празднования Пасхи обретают сугубый смысл, некий завершающий оттенок. Вот отрывок из Евангелия, повествующий о событиях, произошедших тогда в Галилее:

«После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады. За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил

над больными. Иисус взошел на гору и там сидел с учениками Своими. Приближалась же Пасха, праздник Иудейский. Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак, возлегло людей числом около пяти тысяч.

Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели.

Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно тот Пророк, Которому должно придти в мир. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Ин. 6: 1–15).

Критическое отношение к чуду формируется в сознании людей потому, что чудесное явление как бы выпадает из их повседневного опыта, противоречит логике жизни и так называемому здравому смыслу. Многие, наверное, так и реагируют на вышеприведенный текст. Ранее мы уже говорили, что Господь Всемогущий есть Творец не только Вселенной, но и законов, регулирующих ее бытие, что Бог первичен, а Вселенная и законы природы вторичны. Осознание этой зависимости позволяет нам иначе взглянуть на чудо. Бог способен Своею силой преодолеть, изменить или приостановить действие законов физического мира. В чуде умножения хлебов Господь являет Свою милость к тем, кто был немощен, Он сжалился над людьми, которые пошли за Ним в пустынное место и, оказавшись без пищи, испытывали голод.

А что же народ? Насытившись столь чудесным образом, люди поняли, что Тот, Кто накормил их, обладает особыми, сверхчеловеческими возможностями. Чего стоит по

сравнению с Ним Ирод, царь Галилейский, способный властвовать, лишь опираясь на римские легионы! Вот Кто принесет освобождение своему народу. Ведь Он сумел насытить всех нас, значит, все зависит только от Его воли и желания. И следует очень естественная реакция: люди хотят провозгласить Иисуса царем.

Казалось бы, существовала другая весьма веская причина звать Иисуса на царство. Господь раскрывал перед Своими слушателями истины столь глубокие, столь насущные для достижения полноты человеческой жизни, что народ должен был бы в едином порыве воскликнуть: «Вот наш долгожданный Учитель, пойдем за Ним, куда Он скажет!» Но нет. Только после того, как люди насытились, удовлетворив наиболее острую на данный момент физическую потребность, они из потребительских побуждений решают объявить своим царем именно Его.

Здесь мы сталкиваемся, выражаясь современным языком, с психологией электората. От времен древней Галилеи обратимся ко дню нынешнему. Невозможно перечислить все проблемы, которые стоят перед нашим народом в этот трудный период отечественной истории. Однако можно почти безошибочно предсказать, что многие люди пойдут именно за теми лидерами, которые пообещают сытнее и красивее обустроить их повседневную жизнь.

С горечью приходится констатировать, что большинство из нас очень мало интересуется духовным миром нашего избранника в органы власти: является ли он нравственной личностью, верует ли в Бога, каков с близкими и дальними, какое понимание будущего для своего Отечества и народа он имеет. А вот что он скажет о нашей зарплате, накормит ли он нас, да хоть просто пообещает накормить — это важно.

В разрушенной революционной катастрофой и Гражданской войной России XX века один из героев нашего выдающегося соотечественника, писателя Андрея Платонова, с горечью говорит: «Если не можешь сделать людей счастливыми, то хотя бы дай им хлеба».

Однако не больше ли истины и милосердия к человеку в других словах — тех, что Господь носил в Своем сердце, пребывая в сорокадневном посте в пустыне: *«Не одним хлебом*

живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор. 8: 3). И о чем, как не об этом, свидетельствует великий и трагический опыт христианского мученичества и исповедничества в России прошлого столетия. Но вместе с тем поистине удивительно, как мало изменились в массе своей люди за два тысячелетия, прошедших с евангельских времен. Ибо у современного человека почти та же психология, что и у жителей древней Галилеи, которые решили избрать Господа царем только потому, что Он их насытил.

И Господь удаляется от них в уединенное место. Подобно тому, как некогда Иисус отверг искушение от диавола, предлагавшего Ему владычество над миром, так и ныне не принял Он желания народа провозгласить Его царем. Ибо Царство Его не от мира сего; так самые, казалось бы, неоспоримые ценности этого мира тускнеют и меркнут в лучах Божественной правды, превращаясь в золу бесплодных надежд.

Чудесно насытив на берегу Тивериадского озера пятью хлебами пять тысяч человек, Господь уединяется для молитвы, а Своих учеников посылает на другой берег Галилейского моря, в район города Геннисарета. Когда лодка с учениками достигла почти середины моря, сквозь разыгравшуюся бурю апостолы увидели приближающегося к ним Иисуса, идущего по воде. Апостол Петр, движимый любовью к Учителю и веруя в Его спасительную силу, устремляется навстречу ко Христу, ступает на поверхность вод, делает первые шаги, но вдруг пугается водной бездны и, усомнившись во всемогуществе Господнем, начинает тонуть...

Прибыв в землю Геннисаретскую, Господь совершает многие исцеления, о чем свидетельствует евангелист Матфей:

«И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую. Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных, и просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись» (Мф. 14: 34–36).

Проповедь Спасителя о Хлебе Жизни

Из Геннисарета, уже по берегу Галилейского озера, Христос направляется в родной Ему город Капернаум на северном берегу того же озера. Здесь Он произносит исполненную особенного значения проповедь о хлебе жизни.

«На другой день... найдя Его на той стороне моря, сказали Ему: Равви! когда Ты сюда пришел? Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Стадитесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог. Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал. На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? что Ты делаешь? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб. Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что

Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес. И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес? Иисус сказал им в ответ: не ропщите между собою. Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день...

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек. Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме» (Ин. 6: 22, 25–44, 47–59).

Поистине удивительное повествование. Не только древние иудеи, но и современные люди, обладающие значительными познаниями, не всегда способны понять и вместить смысл этого текста. В первую очередь обращает на себя внимание какое-то окаменелое нечувствие народа. В самом деле, люди, которых Господь накануне сверхъестественным образом насытил, чудесно умножив на их глазах пять хлебов, ныне вновь требуют от Него знамения, чтобы уверовать. Но удивительная невосприимчивость людей, сама по себе весьма многозначительная и поучительная, конечно, не составляет главного содержания этого чрезвычайно важного текста.

«Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» (Ин. 6: 28) — вот вопрос, который на протяжении многих веков задают люди в стремлении уяснить назначение и смысл собственной жизни. И Спаситель в Евангелии дает точный ответ: *«Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал»* (Ин. 6: 29).

Таким образом, вера в Иисуса Христа есть непременно условие исполнения того, чего желает и что задумал в отношении нас Бог. Ибо Господь желает привести всех людей к полноте жизни и к истинному счастью, не ограничивая нас рамками земного бытия, но содейвая причастниками жизни вечной. Господь учит, что без веры полнота жизни невозможна, ибо вера есть непременно условие спасения: *«Верующий в Меня имеет жизнь вечную»* (Ин. 6: 47). И наоборот: человек, не верящий в Иисуса Христа как Сына Божия и Спасителя мира, не имеет полноты жизни и вечного спасения.

Мы уже говорили о том, что религиозная вера своим непременно условием имеет свободное самоопределение личности, усилие человеческой воли, его сердца. Однако, опираясь исключительно на собственные силы, человек не способен обрести полноту жизни. Ему нужны помощь свыше, Божие содействие, ибо именно Бог есть источник и энергия этой вечной жизни, к которой с верой стремится душа человека. И если человек желает войти в полноту жизни и спастись, то свою веру он должен сочетать с силой Божественной энергии.

«Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6: 48). Эти слова свидетельствуют о том, что энергию жизни Христос содержит в Самом Себе, таинственным образом сообщая ее спасительную силу тому, кто верует в Него как в Сына Божия. Понятие хлеба в словах Господа выступает не как образ или метафора, но как сущностная реальность, связанная с Пречистым Телом Самого Спасителя. Иисус свидетельствует: *«Хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира»* (Ин. 6: 51).

Приоткрывая тайну Своей смерти, Спаситель говорит, что жертва Его будет принесена во имя жизни мира. Это означает, что без Креста Господня продолжение жизни мира было бы невозможно, а Плоть и Кровь Спасителя даются нам как реальность Божественного присутствия до конца времен, принятие которой есть наше приобщение к животворящей энергии

и источнику бытия. Причем сила этой энергии такова, что она обеспечивает не только полноту бытия в этом нашем физическом мире, но и наследование жизни вечной после смерти:

«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день... Ядущий хлеб сей жить будет вовек» (Ин. 6: 54–58).

Сама мысль о вкушении плоти и крови была шокирующей для слушателей Иисуса. Евангелист Иоанн Богослов отмечает: «Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою?» (Ин. 6: 52).

Действительно, для иудейского религиозного мышления это представлялось непостижимым, кощунственным и страшным; впрочем, аналогичная реакция возможна и в случае современного невоцерковленного сознания. Каким же образом происходит это сочетание человека со Христом через вкушение Его Тела и Его Крови, как совершается это таинственное мистическое соединение верующего, устремленного навстречу полноте жизни, с Богом, Который есть источник и энергия этой жизни?

Иисус до времени не открывает Своей великой тайны, но определенно говорит о необходимости причащения Его Плоти и Крови для обретения человеком жизни вечной. Эту тайну Он откроет в канун Своих Крестных страданий, во время вечери с ближайшими учениками и апостолами, которые, конечно, вспомнят сказанное о «хлебе жизни» и более уже не будут удивляться. До осуждения, смерти и Воскресения Спасителя пройдет еще целый год.

А куда продолжалось Его жертвенное служение. Он неумоимо вершил Свой путь по дорогам Галилеи, восходя на холмы и спускаясь в долины, переправляясь на лодке через море Галилейское и вновь уча в городах и селениях. Повсюду и перед всеми Он проповедовал о жизни вечной и спасении, возгревая совершением многих и славных чудес веру внимавших Ему людей, открывая им возможность увидеть, узнать, а через это и исповедать Его как Сына Божия, Спасителя мира.

Христос в Сирофиникии

Из Капернаума Господь направляется на север Палестины, в Сирофиникию. Древняя Сирофиникия находилась на территории современного Ливана, и ее главные города Тир и Сидон до сих пор существуют в этой стране. Иудеи практически не селились в Сирофиникии, ибо там жили хананеяне, которых иудеи чурались как племени нечистого. Господь направляется в эту землю и вступает в непосредственное общение с ее обитателями, что само по себе является весьма красноречивым и значительным фактом.

Дело в том, что древние иудеи держались отчужденно и были очень сдержанны в общении с иноплеменниками, проживавшими в непосредственной близости от них. Избранный народ справедливо полагал, что тесное бытовое общение неизбежно приводит к ассимиляции, а это, в свою очередь, чревато возможным искажением и даже потерей бережно хранимой народом отеческой веры, забвением благочестивых традиций и обычаев, — словом, как мы сказали бы сегодня, утратой культурно-религиозной и национальной идентичности. Но Евангелие свидетельствует, что Господь открыто и охотно вступает в общение с иноплеменниками. Например, проходя Самарию, Он беседует с женщиной самарянянкой у колодца Иакова, и именно перед нею, дочерью презираемого и ненавидимого иудеями народа, впервые открывает тайну Своего Божественного Сыновства и свидетельствует о Себе как о долгожданном Мессии, Спасителе мира.

Вот и теперь, посещая Сирофиникию, Иисус вновь вступает в контакт с местными жителями, не являющимися

правоверными иудеями. На то у Господа есть особые причины, которые могут быть поняты и истолкованы только в свете вселенского, универсального характера христианской религии.

Евангелист Матфей повествует о том, как хананейка со слезами молит Спасителя исцелить ее бесноватую дочь. Господь до времени не отвечает женщине. В отчаянии она все более и более настойчиво требует от Него чуда, обращая к Спасителю все свое упование. И вдруг Иисус, обернувшись, произносит на удивление жесткие, колющие слова, которые можно воспринять как оскорбление: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15: 26).

Этимися словами Господь дает понять, что Его исцеляющая Божественная сила и энергия обращены *«только к погибшим овцам дома Израилева»* (Мф. 15: 24), и потому будет несправедливо, если благодеяния Божии станут в равной степени ниспосылаться также и иному племени, никогда не имевшему истинной веры и благочестия. Казалось бы, женщина, услышав такое, должна отойти — с горестной покорностью, а может быть, с недоумением или даже с гневом. Но она не отступает и, рыдая, отвечает Спасителю: «Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15: 27).

Тогда Господь говорит: *«О, женщина! велика вера твоя»*, — и в тот же час исцеляет ее дочь (Мф. 15: 28).

Это евангельское повествование очень важно. В нем открывается великая истина о неизмеримой любви Божией ко всему роду человеческому. Спаситель мира обращает Свое Слово, Свою животворящую и исцеляющую силу к каждой живой душе, вне зависимости от национальной принадлежности человека и его отношения к традициям Ветхого Завета, ибо Он Господь и Бог всего рода людского, творящий милость и суд.

И когда апостолы Христовы, уже после окончания земного жития Спасителя, выйдя из пределов Палестины, отправились проповедовать Евангелие Царства не только евреям, но всему миру, всем народам, населяющим землю, всем, кто с верою и упованием принимал Новый завет Бога с человеком, то они явили себя истинными учениками и последователями своего Господа и Спасителя.

Окончание общественного служения Иисуса Христа в Галилее

Возвращаясь из Сирофиникии, Спаситель вновь направляет свои стопы к южному берегу Галилейского озера, проходя через пределы Десятиградия — одной из северных провинций Палестины. Здесь происходят два важных события, первое из которых — исцеление глухонемого. Евангелист Марк свидетельствует об этом так:

«Выйдя из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия. Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто. И повелел им не сказывать никому. Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали. И чрезвычайно дивились, и говорили: все хорошо делает, — и глухих делает слышащими, и немых — говорящими» (Мк. 7: 31–37).

Обратим внимание на ту тщательность, с которой описывается эта история. В таких подробностях увидеть, а тем более письменно отразить случившееся мог только непосредственный свидетель и очевидец глубоко поразившего его чудесного события. Точность описания косвенным образом можно подтвердить еще одним наблюдением. Известно, что свое Евангелие апостол Марк писал на греческом языке. Однако, повествуя об этом эпизоде, рассказчик в греческом тексте намеренно употребляет арамейское слово «*еффафа*» («от-

верзись»), имея целью сохранить во всей полноте и донести до читателя произнесенное Спасителем исцеляющее слово.

Кстати, аналогичным образом поступает Марк и тогда, когда рассказывает о воскрешении Христом дочери Иаира (Мк. 5: 41). Евангелист Матфей и сам Марк, свидетельствуя о последних мгновениях жизни Спасителя (Мф. 27: 46, Мк. 15: 34), также нарочито используют арамейские слова. Эти и иные примеры того же рода говорят о том, насколько скрупулезно авторы евангельских повествований относились к описанию событий, связанных с жизнью Христа Спасителя, стремясь буквально, с максимальной достоверностью донести до современников и потомков Его подлинные слова. Ибо Иисус говорил на арамейском языке. Арамейей называлась та часть Палестины, которая занимала пространство от моря Галилейского до территории современного Ирака. Жившие здесь семитские племена изъяснялись на одном из диалектов тогдашнего еврейского языка, который известен в науке как арамейский язык.

На самом южном берегу Галилейского озера произошло еще одно из удивительных чудес Иисуса Христа, к тому же совершенное Им на глазах многотысячной толпы. После исцеления глухого и косноязычного человека Господь вновь насыщает людей хлебами — на сей раз четыре тысячи человек семью хлебами и несколькими рыбами. Об этом чудесном событии, которое, как и предыдущее насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек, поразило всех, кто был тому свидетелем, мы находим рассказ у евангелистов Матфея и Марка.

После совершения чуда умножения хлебов Господь на лодке пересекает Геннисаретское озеро и вступает в пределы Магдалинские, как об этом говорит евангелист Матфей (глава 15), или, по свидетельству Евангелия от Марка (глава 8), — в пределы Далмануфские. В обоих случаях речь идет об одном и том же месте — районе близ города Магдалы. Именно здесь происходит встреча Спасителя с книжниками, фарисеями и саддукеями, представлявшими духовные власти народа израильского того времени. Они проделали долгий путь из Иерусалима в Галилею не случайно. Ведь Спаситель не пришел на третью Пасху во Святой град, а им необходимо было знать, чем Он занят и чему учит людей. Они присоединяются к тем,

кто постоянно спутешествует Спасителю, и сразу же между Иисусом и иудейскими законниками возникает напряжение.

Вот как пишет об этом евангелист Матфей:

«И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: «сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему» (Мф. 16: 1–4).

Мы говорили о фарисеях как представителях особой еврейской общественно-религиозной партии.

Саддукеи, соперники фарисеев, также представляли общественно-религиозную партию и были людьми весьма влиятельными в тогдашнем иудейском обществе. Многие из них являлись негласными вождями, или, как сказали бы сегодня, неформальными лидерами своего народа.

Саддукеи были сторонниками рационалистического направления в тогдашнем иудаизме, и особенностью их учения было отрицание загробной жизни, воскресения мертвых, существования ангелов и демонов, Промысла Божия.

Кроме этих двух влиятельных религиозно-политических течений, в Израиле времен Иисуса существовало духовное полумонашеское сообщество ессеев, резко отличавшееся своими идеалами и образом жизни и от фарисеев, и от саддукеев.

Однако, несмотря на определенные разногласия между фарисеями и саддукеями, они были едины в своем неприятии проповеди Христа Спасителя и совместно стремились обвинить Его в отступлении от отеческих преданий, в нарушении заповедей Божиих, а также законов и обычаев своего народа.

Обратим внимание: чего требуют фарисеи и саддукеи от Спасителя в уверение того, что Он осуществляет особую миссию и чем лукаво испытывают Его? В качестве доказательства они *«просили показать им знамение с неба»*. Как это перекликается с искушением Спасителя от диавола в пустыне!

Знаменательно, что саддукеи и фарисеи ищут знамения от Господа, будучи осведомлены о множестве ранее совершенных и ныне творимых Им чудес, которыми постоянно сопровождалась Его проповедь. Следовательно, не чуда они

ожидают. Ведь чудо есть проявление любви Божией и всегда предполагает устремленную ко Господу веру и открытость человеческого сердца. Ни того, ни другого не было у вопрошавших Спасителя. И Он отказывает соблазняющим Его и не совершает чудес для тех, кого почитал лицемерными и лживыми пастырями народа. Более того, Господь предостерегает Своих ближайших последователей от опасности духа лукавства и ханжества. Евангелист Матфей пишет:

«Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлеб. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлеб мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлеб не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали? как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского» (Мф. 16: 5–12).

Позже Господь посещает город Вифсаиду на восточном берегу озера Геннисаретского, где исцеляет слепого, и затем направляется в город Кесарию Филиппову, который являлся столицей Северной Палестины. Здесь Господь, обращаясь к ученикам, спрашивает:

«За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16: 13–16).

Это один из кульминационных моментов в евангельском повествовании: Петр, один из ближайших учеников, как бы от имени всех свидетельствует, что Иисус из Назарета не просто сын плотника и не просто один из учителей, мудрых и прекрасных, но истинный Сын Божий, Мессия, Избавитель рода человеческого. И в ответ на это исповедание веры Господь произносит очень важные слова.

«Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но

Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16: 17–18).

Здесь впервые Господь открывает, что на камне веры Он создаст особую общность людей, объединенных любовью и единым исповеданием Его как Сына Божия, именуемую Церковью.

Что же такое Церковь? В греческом языке существуют два соответствующих слова, которые переводятся на русский язык единым словом «церковь». Первое — «кириакон», что дословно означает «Дом Господень». К нему восходят славянско-русское слово «церковь», немецкое «кирхе», английское «чёрч», скандинавское «кирко». Но в Ветхом Завете встречается также слово «экклесия», что означает «законное собрание». От этого греческого слова произошли латинское «экклезия», французское «эглиз», итальянское «кьезе». Таким образом, оба греческих слова: «кириакон» и «экклесия», — описывают одно и то же понятие.

Именно это понятие использует Господь для определения той общности людей, которая создается на основе исповедания, провозглашенного апостолом Петром. И первыми членами этой будущей вселенской общины станут ближайшие ученики и апостолы Христовы.

Слово о Кресте

После исповедания апостолом Петром веры в Иисуса Христа как Сына Божия Господь начинает открывать Своим ученикам тайну предстоящих Ему страданий, смерти и Воскресения. Вот как пишет об этом евангелист Матфей.

«С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф. 16: 21).

И далее Иисус сказал Своим ученикам: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, *ибо кто хочет душу (то есть жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее*» (Мф. 16: 24–25).

Давайте рассмотрим этот непростой для понимания текст. Говоря о Своих предстоящих страданиях, о Кресте и смерти, Господь одновременно подчеркивает, что непременным условием следования за Ним также является поднятие и несение человеком собственного креста. Почему вдруг возникает этот образ креста? Ведь Господь еще не распят, Он жив. Крест не имеет еще того определяющего духовного значения, которое он приобретет в дальнейшей истории христианства. Видимо, это не случайно.

Вспомним, что разговор этот происходит в предместье Кесарии, римской столицы Северной Палестины. А чем был крест в Римской империи? Это было орудие распространенного, но особого способа казни. В случае, если римский гражданин за какие-либо преступления присуждался к смертной

казни, умерщвление приговоренного осуществлялось через отсечение головы. Смерть на кресте ожидала только изгоев римского общества: рабов и людей, не имевших римского гражданства, а следовательно, и гражданских прав. Поэтому крест означал не только мучительную и страшную казнь, но был символом глубокого позора и унижения. Другими словами, крест являл собою полноту боли и человеческого страдания, образ соединения физических и нравственных мучений, знак самой смерти. Крест ассоциировался у людей с ужасом насильственной и бесславной гибели.

Однако в слове Спасителя крест удивительным образом вдруг предстает как некая заповедь человеку, как нравственный долг каждого, кто желает следовать за своим Господом и Учителем. Выстраивается логическая цепь: хочешь быть со Христом, стать Его учеником, желаешь исполнять заповеди Божии — возьми свой крест, то есть добровольно прими страдания, боль, может быть, даже позор и бесчестие, и следуй за Ним.

Что же такое крест в евангельском понимании? Прежде всего это реальность, изначальная данность нашего существования, которая присутствует в жизни каждого человека и не зависит от его воли. Свой крест нет необходимости искать, его не нужно специально для себя придумывать, ибо он уже существует в нашей жизни.

Однако было бы совершенно неправильно подразумевать под крестом временные жизненные осложнения, например, профессиональные трудности, проблемы в обучении, или следствия слабости характера человека, его недостатков и просчетов.

Крест в евангельском понимании — это страдание и боль, которые порождаются не зависящими от человека обстоятельствами, преодолеть которые он не в силах. *«Возьми крест свой, и следуй за Мною»* (Мф. 16: 24), — говорит Господь. Взять крест — значит принять скорбные обстоятельства жизни, вытерпеть и превозмочь посланные испытания, не пасть под их бременем, не дать им раздавить себя. Это требует проявления крепости духа, терпения, мужества, способности преодолевать трудности, но особенно — смирения. Может возникнуть вопрос: неужели христианство — религия только

несгибаемых и стойких людей? Нет, не только. Христос призывает к Себе всех: и сильных, и не очень сильных, и совсем слабых. Но когда человек обретает веру во Христа, она удивительным образом умножает его внутренние силы.

Каким же образом происходят эти изменения в душе и в характере уверовавшего человека? Обратим внимание: Господь не просто говорит: *«Возьми крест свой, и следуй за Мною»*, но *«Отвергнись себя, и возьми крест свой...»* Это очень важное условие обретения человеком внутренних духовных сил, необходимых для несения своего креста. Что значит отвергнуться себя? В первую очередь — уступить другому, в данном случае Христу, центральное место в своей жизни, которое обычно занимает наше собственное «я». Это значит научиться поставлять Христа или ближнего своего, то есть другого человека, над собственными эгоистическими устремлениями, интересами, желаниями, страстями, инстинктами — другими словами, уметь освободить пространство своего внутреннего мира для другого.

Существует множество примеров самоотвержения человека во имя высшей цели, высшего идеала, высшего блага. Солдат мужественно и терпеливо переносит невзгоды войны, жертвует своей жизнью во имя Отечества и победы, нередко проявляя героизм — высшую степень самоотвержения. Мать ради блага детей беззаветно жертвует собой, претерпевая непосильные тяготы, труды и жизненные невзгоды, зачастую превышающие ее естественные силы. Таким образом, отвержение себя есть ключ к обретению внутренней силы, необходимой для несения того креста, который дает Господь.

Итак, способность человека нести крест есть не что иное, как выражение внутренней силы. А ее источником является наша готовность жертвенно и с любовью, преступая интересы своего «я», ставить в центр собственного существования Господа или ближнего, через которого, по слову апостола и евангелиста Иоанна, Сам Бог входит в нашу жизнь. Каждому из нас Господь дает крест по его силам, и непосильного креста не бывает. И если Бог призывает взявшего свой крест следовать за Ним, то есть исполнять Его заповеди, то Он дарует такому последователю и силы для крестоношения. Если

мы хотим встретить выпавшее нам испытание лицом к лицу и с честью вынести его, если даже в самых трагичных обстоятельствах жизни желаем сохранить достоинство, самоуважение и внутреннюю свободу, то должны идти вслед Господу и Спасителю нашему. Ибо только следуя за Христом человеку возможно нести бремя скорбей, которые сопровождают его в земной жизни. Так в следовании Христу через несение креста нам являются истинность, спасительность и актуальность евангельских заповедей.

Существует притча о человеке, который, утомившись от противостояния постигающим его скорбям, обращается с молитвой ко Господу: «Боже, нет сил терпеть, смилостивься надо мною, дай мне крест полегче». Господь ему отвечает: «Вот лежат перед тобою кресты, выбери сам». И начал тот человек искать себе крест по силам, и показался ему один из крестов самым подходящим. Взвалил он его на свои плечи — оказалось тяжело и неудобно, стало клонить к земле. То же произошло и с другим крестом, и с третьим. Долго человек перебирал все возможные кресты, пока наконец не отыскал самый малый из всех. Взял его и почувствовал, что этот крест словно для него приготовлен. И говорит человек Господу: «Позволь мне взять этот крест, он самый легкий по сравнению с другими». Господь говорит в ответ: «Это и есть тот самый крест, от которого ты отказывался».

Эта притча не только образно, но и очень точно иллюстрирует истину о том, что каждый человек несет по жизни собственный крест, соответствующий его духовным и физическим возможностям.

«Кто хочет душу свою (или, в другом переводе, жизнь свою) сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее (или, в другом переводе, сбережет ее)» (Мф. 16: 25).

Человек состоит как личность не тогда, когда судорожно цепляется за жизнь, но когда уступает главенствующее место в ней Богу и ближнему, обретая в самоотверженном следовании заповедям Спасителя мужество и терпение, помогающие ему совладать с любым жизненным испытанием. И тогда в нашей душе благословением Божиим претерпеваемые человеком страдания, скорби и болезни оборачиваются

мудростью, жизненным опытом и духовной силой, столь необходимыми человеку для полноты его жизни.

Размышляя о кресте, очень важно со всей определенностью отделить подвиг крестоношения от других видов человеческой скорби. Евангельский крест следует понимать как объективную реальность нашей жизни: Господь посещает людей скорбями, испытаниями и болезнями, которые чаще всего не зависят от их свободной воли и выбора.

В самом деле, нередко человек сам является причиной своей трудной жизни, постигающих его неудач и несчастий. Он совершает ошибки, избирает ложные цели, становится жертвой собственного легкомыслия, неопытности или недобрых намерений, вступает в конфликты с ближними, страдает от своей неосмотрительности и так далее. В этом случае существует причинно-следственная связь между нашим страданием и породившими его грехами, заблуждениями, ошибочными действиями и убеждениями самого человека. Такого рода тяготы не есть жизненный крест человека, так как их можно было избежать.

Возьмем, к примеру, такое распространенное в современном мире явление, как межнациональные конфликты. Являются ли они крестом для сопредельных этносов? Нет, не являются. Потому что межнациональные конфликты являются результатом непродуманных, несвоевременных, а порой и преступных действий конкретных политических сил. Однако если обратиться к судьбе отдельного человека, ставшего заложником межэтнического конфликта, то наш взгляд на проблему неизбежно изменится. Ибо жертвы конфликтов обречены на страдания вовсе не потому, что были его причиной, следовательно, их нынешние мучения — не воздаяние за грех. Трагичные события, в результате которых один теряет жизнь, другой — здоровье и трудоспособность, третий — семью, четвертый — отчий кров и возможность жить на родине, становятся жизненным крестом для этих людей.

То же самое можно сказать и о преступности. Это не крест, но безобразие человеческого общества, тогда как человек, ставший жертвой преступности, получает свой крест как бы извне, потому что его страдание явилось результатом событий, от него не зависящих. Поэтому, чтобы сознательно

осуществить в своей жизни призыв Христа Спасителя: *«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»*, — нужно отчетливо понимать, что есть наш истинный крест, а что крестом не является, какое страдание должно почитаться крестом, а какое — нет.

В испытаниях, посещающих человека, как, впрочем, и в ситуации любых жизненных трудностей, возможны различные модели поведения, обусловленные тем, что люди по-разному реагируют на страдание. В одних случаях оно ломает человека, деформирует его личность, заражает страхом и неуверенностью, иногда выбивая из колеи на всю последующую жизнь.

В других случаях реакцией на страдание могут стать ропот и осуждение, прежде всего направленные против Бога: *«Где же Ты, когда я так страдаю? Почему именно мне, а не другому выпал этот жребий?!»*

Возможна также ситуация, когда человек, не умея совладать с постигшим его испытанием, впадает в эмоциональный столбняк, в оцепенение всех чувствований и сил, в тупое безразличие к себе и к миру. Чаще всего такая личностная реакция реализуется в пьянстве или иных саморазрушительных страстях, уводящих человека от реальной жизни, ставшей для него непереносимой.

Ответом личности на страдание может стать и резкий, сокрушающий протест против всего и вся. Этот бунт есть род некоего беснования, когда человек всем своим существом восстает и против необходимости нести бремя собственного страдания, и против мира, в котором страдание существует. Такое безумство иногда приводит к самому трагичному и страшному исходу — самоубийству, становящемуся жутким ответом человека на постигшее его страдание: унижение, боль, горе, стыд.

Евангелие и история Церкви определенно свидетельствуют, что крест, если это действительно крест Божий, не может оказаться непосильным, не может быть погибельным для человека, что каждому из нас непременно дается от Господа запас внутренних сил для претерпевания и преодоления страдания. Спаситель ясно указывает нам путь в скорбных обстоятельствах жизни: *«отвергнись себя»*, забудь о себе

именно в самый тяжкий момент твоего переживания. Это кажется немыслимым, противоречащим всему опыту человеческой жизни, ибо в подобных ситуациях человек, напротив, как раз склонен забывать обо всем, кроме собственного страдания, ведь оно фокусирует наше внимание на нас самих.

Внимательно вглядываясь в жизнь, можно убедиться, что внутренняя установка на самоотверженность, жертвенность оказывается спасительной в условиях переживаемого человеком страдания. Мать забывает самое себя в стремлении спасти своих детей при любых обстоятельствах. Она понимает, что если будет бездействовать, предаваться ропоту или унынию, погибнут ее чада, и в жертвенном самоотвержении спасает их и себя. Другой пример — солдаты, поднимающиеся в атаку. Для каждого из них война — это крест, потому что не от солдата зависит, начинать войну или нет. Но раздается команда: «В атаку!» — и боец должен выйти из окопа, сделав, быть может, шаг навстречу своей смерти. Если в эту минуту воин будет думать только о себе, о своей жизни, о собственном благополучии, о послевоенном будущем, то он никогда в атаку не пойдет. Для этого нужна иная, высшая мотивация. Выйти из укрытия под шквальным огнем противника, преодолевая в себе могущественный инстинкт самосохранения, можно только проявив самоотверженность во имя идеи или цели, превосходящих ценность собственной жизни, то есть, по слову Христову, отвергшись себя. А это и есть несение креста.

Религиозный человек, находящийся в кризисной, тяжелой ситуации, именуемой крестом и страданием, забывает себя ради Господа, ради самого высокого, что есть в его жизни. Забыть себя ради Бога означает осознать Его присутствие в душе, в центре своей жизни, иначе говоря, действовать в трудной ситуации в соответствии с тем, чему Он учит и к чему Он призывает нас.

Замечено, что особых качественных изменений в совершенствовании своей интеллектуальной, физической и духовной деятельности люди достигают как раз в экстремальных ситуациях, требующих от них предельной внутренней концентрации. Прорыв, рывок, резкий рост всегда происходят на грани между «могу» и «не могу».

Многих трудов требует самосовершенствование спортсмена, которому нужны колоссальная сила воли, целеустремленность, умение ежедневно преодолевать себя и соблазны мира во имя поставленной цели. Не случайно столь часто из уст тренеров звучит подбадривающий призыв, обращенный к их подопечным: «Терпи!» Но приходит день, когда спортсмен оказывается перед необходимостью либо победить, огромным усилием выйдя за пределы своих физических возможностей, как говорится, прыгнув выше собственной головы, либо не суметь совершить этого качественного скачка и проиграть.

То же относится и к сфере образования, и к области творчества, где человек совершает, кажется, невозможный для себя рывок именно тогда, когда преодолевает грань между «могу» и «не могу».

Не исключение также и духовный прогресс личности. Он также наиболее интенсивен в ситуациях, когда мы лицом к лицу сталкиваемся со скорбями и трудностями этой жизни. Не в тихой идиллии домашнего уюта и устоявшегося быта, не в условиях комфорта и благоденствия, не в благоприятной и благожелательной обстановке происходит духовное возрастание человека, но в ситуации, когда он лицом к лицу сталкивается с тяготами, которые возлагает на него жизнь. Взять крест свой и следовать за Господом — значит самосовершенствоваться в терпении и любви, возрастать в духе от силы в силу, поставив над собой и своим существованием закон — заповеди Спасителя. Причем делать это нужно не умозрительно-теоретически и не в оранжерейных условиях, а в гуще жизни, преодолевая в любви ко Господу и ближним ту скорбь и ту боль, которые были нам даны. Если в центр своей жизни человек ставит Бога, если он готов взять свой крест, если мужеством, терпением и самоотвержением он способен преодолеть скорбь и боль, то Господь ему Помощник. *«Следуй за Мною»*, — говорит Спаситель. В этих призывных словах есть некое прикровенное указание на обязательную помощь Божию, призыв не отчаиваться, как бы ни было трудно, не впадать в озлобление, не лезть в петлю, не погружаться в порок, не терять ориентиров в жизни, иначе — погибель.

Мы рассматриваем евангельский текст, столь трудный как для понимания, так и для практического приложения к нашей жизни. Но, с другой стороны, именно здесь находится ключ к решению самых сложных проблем нашего земного бытия. Если попытаться в своей жизни осуществить то, к чему призывает Господь: стремиться преодолевать страдание и скорбь через терпеливое и мужественное несение креста, поставлять в центр жизни своей Бога и следовать Его заповедям и Его слову, — то мы с неизбежностью убедимся в том, что это не простые слова, но глубокая истина человеческого существования.

Многовековая история Церкви и опыт святых угодников Божиих, которые именно таким, а не иным образом несли свой крест, свидетельствуют о необходимости для нашего спасения как в нынешней жизни, так и в жизни вечной того, чему более двух тысяч лет назад учил Господь Своих учеников на дороге, ведущей в Кесарию. Пусть же каждый из нас несет свой крест так, как заповедал нам наш Спаситель.

Преображение Господне

После того как в окрестностях города Кесарии Господь открыл ученикам тайну Своей Крестной смерти и Воскресения, призвав их, а через них и всех верующих людей следовать за Ним, неся свой крест, Он вновь отправился в Галилею.

На горе Фавор, находящейся недалеко от города Назарета, произошло событие Преображения Господня, которое положило начало одному из самых почитаемых в Православной Церкви праздников. Об этом событии повествуют три евангелиста: Матфей, Марк и Лука. Вот свидетельство евангелиста Матфея:

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. *И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых*» (Мф. 17: 1–9).

В кондаке на праздник Преображения мы находим утверждение того, что ученики, «егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное». То есть Преображение Господне совершилось для того, чтобы ученики, когда увидят Христа страдающим на кресте, не соблазнялись, а понимали, что Его страдание добровольно. Другими словами, Преобразившийся Господь является перед Своими апостолами в особой, Божественной славе, дабы укрепить в них веру в Себя как Сына Божия.

Эта забота Господа об умножении веры в учениках была им действительно необходима. Ведь Спасителю предстояло пройти путем уничижения и скорби, претерпеть поношение и истязания от римских воинов и, наконец, принять крестную муку и смерть. Чтобы сохранить присутствие духа и веры в эти страшные дни, апостолы должны были помнить, что их Учитель не просто человек по имени Иисус из города Назарета, но истинный и возлюбленный Сын Божий.

Описывая событие чудесного Преображения Господня на глазах избранных учеников, евангелисты Матфей, Марк и Лука за неимением в человеческом языке подходящих слов для описания Славы Божией, прибегают к сравнениям лика и одежд Господа с «солнцем» и «светом» (Мф. 17: 2), со «снегом, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9: 3), с «блистанием» (Лк. 9: 29). И в самом деле, что может быть для восприятия человека более сияющим и лучезарным, чем солнце, и более белым и сверкающим, чем блистание снега на вершинах гор.

Кроме того, вместе с Господом ученикам являются древние пророки — Моисей и Илия, беседующие со Спасителем. Этот факт свидетельствует о том, что Иисус принадлежит не только земному, физическому миру, но что Он одновременно пребывает вне времени и вне пространства, принадлежа вечности, и природа Его — природа Божественная. Именно эту Божественную природу Спасителя и утверждает «глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17: 5).

Над Иорданскими водами в момент крещения Господня, как мы помним, был слышен тот же Божественный глас, и то событие Церковь именует Богоявлением. На горе Фаворской

в сиянии Божественной славы и в утверждающем Небесном глазе вновь открывается людям Божественная природа Иисуса Христа. Так явным и чудесным образом получают подтверждение слова Иисуса о том, что Он Мессия, Сын Божий, сказанные самарянке у колодца Иакова, так воочию раскрывается сокровенный смысл Его проповеди о Хлебе Жизни. Странствующий учитель и чудотворец из Назарета являет миру Свое природное естество Сына Божия. Великий учитель Церкви византийский богослов и писатель, подвижник благочестия Григорий Палама, живший в XIV веке, размышляя об особенностях Фаворского сияния, облиставшего Иисуса Христа, утверждает, что это не был обычный физический свет нашего сотворенного мира, но свет нетварный, видимое явление Божественной энергии, Божественной благодати.

На древних иконах, изображающих событие Преображения Господня, мы видим Христа стоящим на вершине горы, а апостолов в благоговейном страхе павшими ниц перед великим чудом, явленным им Учителем. От фигуры Господа во все стороны исходят ослепительные потоки золотого света, который есть благодатная энергия, пронизывающая окрестные горы, деревья, камни, людей, — весь мир Божий, всякое творение, всю Вселенную.

Этот иконографический образ включает в себе замечательную по своей глубине богословскую мысль и одновременно реальность нашего существования: Божественная энергия, имеющая неиссякаемым источником Бога и Творца, пронизывает весь мир и преобразует его. Спасительным действием благодати Божией поддерживается и жизнь самого человека. Это единственная в мире сила, способная преобразить нас, воззвав к свету из тьмы заблуждений и ошибок, падения и отчаяния. Апостолы Петр, Иаков и Иоанн явились не только свидетелями, но и соучастниками великого события Фаворского Преображения, ибо благодать Божия проникла и в их сердца. Об особом духовном состоянии, которое пережил апостол Петр, свидетельствуют его горячие, от сердца идущие слова: *«Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи (то есть три палатки): Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии»* (Мф. 17: 4), — дабы пребывать здесь как можно дольше, чтобы задержать этот миг чуда, продлить это

блаженство полноты жизни и счастье общения с Богом, вкушения Его благодати. И, как замечает один из евангелистов о Петре, *«не зная, что говорил»* (Лк. 9: 33), ибо эти слова излились сами собою из души апостола, переполненной удивительным чувством вдохновения, мира и покоя, которое снизошло на него в момент Преображения Господня.

Иногда при встрече с человеком, заглянув в его глаза, говоришь себе: какой светлый человек! Но бывают случаи, когда видишь в обращенном на тебя взгляде отблеск адского огня, темную бездну, безблагодатное вместилище преступления и зла. Глаза человека открывают доступ к его душе. И когда Божественная благодать преображает внутреннюю, духовную жизнь человека, то такой человек преобразается и внешне, лицо его излучает свет, и все существо его становится светоносным.

Бог и Творец Вселенной распространяет исходящую из Него энергию жизни на весь космос, на всю нашу планету и самый дальний уголок ее, на общество людей и на каждого отдельного человека. И все, что активно не сопротивляется Богу, может быть переменено к лучшему и прекрасному силою Божественной благодати. Апостолы, восприняв Божественную благодать, пережили мгновения неизреченной духовной радости и всем сердцем желали продлить это счастье. Точно так же и мы призваны научиться с благоговением и доверием открывать свою душу навстречу изливаемой на нас Отцом Небесным благодати и, усвояя ее, преобразать себя и окружающий мир.

Однако существуют силы, способные воздвигнуть преграду снисхождению Божественной благодати. Это прежде всего свободная воля человека. Ее действием наше существо может быть либо распахнуто, либо затворено для восприятия Божественной энергии, а также грех, который, поработав человека, парализует его волю к благу и тем самым препятствует спасительному приятию Божественной благодати.

Преображение Господне явилось великим актом Откровения Бога о Своем Сыне, принявшем на Себя человеческое естество, и одновременно свидетельством о силе воздействия на мир Божественной благодати.

Последнее путешествие Иисуса Христа в Иерусалим. Избрание семидесяти апостолов

После Преображения на горе Фавор Господь отправляется в Свое последнее путешествие в Иерусалим. Ему известно обо всем, что ожидает Его в Святом граде, а потому по-человечески Он как бы желает отдалить неизбежное, но все же отправляется в Иудею. Евангелист Иоанн приоткрывает перед нами душевное состояние Спасителя:

«После сего (то есть после исповедания Петра и последовавшего затем Преображения) Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что иудеи искали убить Его. Приближался праздник иудейский — поставление кущей. Тогда братья Его (речь идет о двоюродных братьях Спасителя) сказали Ему: выйди отсюда и пойди в Иудею, чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь. Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него. На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время. Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы. Вы пойдите на праздник сей; а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось. Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник не явно, а как бы тайно. Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он? И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем, никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев» (Ин. 7: 1–13).

Итак, Господь покидает родную Галилею и отправляется в Свое последнее путешествие в Иерусалим на праздник Кущей, один из трех больших праздников, который был установлен в честь сорокалетнего странствования евреев по Синайской пустыне. Как известно, у евреев имеется собственный лунный календарь с особым наименованием месяцев года. В соответствии с этим календарем праздник Кущей начинается в пятнадцатый день месяца *тишри*, который соответствует нашему октябрю, и длится восемь дней. Таким образом, можно определить хронологические границы последнего пребывания Спасителя в Иудее: Он прибыл в Иерусалим в октябре и пробыл в Иудее до апреля, когда и совершилось Его пленение, распятие и Воскресение.

Обычный путь из Галилеи в Иудею пролегал через Самарию, и во время Своего двукратного посещения Иерусалима на праздник Пасхи Христос шел именно так. Но в этот раз Господь избирает другой путь. Он проходит не через Самарию, но идет через Заиорданские земли. Вот как объясняет это евангелист Лука:

«Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение» (Лк. 9: 51–56).

Почему же самаряне не приняли в этот раз Спасителя и Его учеников? Потому что они шли паломниками в Иерусалим на праздник Кущей. Известно, что самаряне и иудеи издавна находились в непримиримой вражде, избегая всякого соприкосновения друг с другом. Поскольку самаряне были убеждены, что священным местом поклонения Богу является гора Гаризим, находящаяся на их земле, то чинили всяческие препятствия еврейским паломникам, шедшим из Галилеи в Иерусалим на тот или иной праздник. Дабы миновать Самарию, Господь идет из Галилеи через Десятиградие

и Перею, расположенные к востоку от реки Иордан. На этом пути происходит одно важное событие, о котором свидетельствует евангелист Лука.

«После сего (то есть на пути в Иерусалим по Заиорданской стороне) избрал Господь других семьдесят учеников (кроме двенадцати) и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти, и сказал им: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему, и если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш; а если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом.

И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие. Если же придете в какой город и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако же знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие» (Лк. 1–11).

Итак, Господь вновь избирает и посылает на проповедь уже семьдесят Своих учеников. Момент избранничества очень важен. Спаситель прямо говорит: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин. 15: 16).

Это значит, что если сердце человека воспламеняется стремлением нести в мир Слово Божие, значит, к этому деланию он призывается Самим Господом. Не нужно думать, что проповедовать о Христе призваны только священнослужители. Очень часто Господь избирает простых людей, надея на великим даром проповеди, и если вы почувствовали сердечный зов проповедовать Христову Истину, знайте: это Божий призыв, который не следует в себе заглушать, но нужно идти и проповедовать.

Каково же должно быть слово о Христе, какова цель проповеди? Главная цель та, которую определил Спаситель: «проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф. 10: 7).

Подытоживая ранее сказанное, можно утверждать, что Царство Божие есть полнота человеческой жизни, есть высшее счастье души человеческой, которые достигаются не иначе, чем через общение с Богом. Во Христе это Царство приблизилось к людям, стало достижимым, реальным. Его-то и нужно проповедовать людям как подлинную цель их бытия.

Далее Господь сказал очень важные слова: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается» (Лк. 10: 16).

Проповедь о Христе не есть простое изложение событий или сообщение какой-то информации. Это есть слово Истины. В свою очередь, ее отрицание слушающим не может остаться для него без последствий. Ибо если человек отвергает проповедь о Христе, то он тем самым отвергает Бога.

Проповедь о Христе есть проповедь о Боге, потому что именно во Христе, как позже скажет апостол Павел в Послании к жителям города Колоссы, «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2: 9).

Слушая, постигая и воплощая в своей жизни содержание проповеди о Христе, человек открывает путь к Богу и, значит, к преобразению своей жизни на началах истины и любви.

Иисус Христос на празднике Кушей в Иерусалиме

Итак, покинув Галилею, Господь через Заиорданье приходит в Иерусалим на праздник Кушей. Что же происходит в иудейской столице после появления здесь Иисуса Христа? Подробное описание этого мы находим только у евангелиста Иоанна Богослова:

«В половине уже праздника вошел Иисус в храм и учил. И дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю...

Тут некоторые из Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос? Но мы знаем Его, откуда Он; Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он. Тогда Иисус возгласил в храме, уча и говоря: и знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете. Я знаю Его, потому что Я от Него, и Он послал Меня. И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его. Многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил? Услышали фарисеи такие толки о Нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей — схватить Его...

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует

в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен. Многие из народа, услышав сии слова, говорили: Он точно пророк. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от сени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид? Итак, произошла о Нем распря в народе. Некоторые из них хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук. Итак служители возвратились к первосвященникам и фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его? Служители отвечали: никогда человек не говорил так, как этот Человек» (Ин. 7: 14–17, 25–32, 37–46).

Из этого повествования мы видим, что конфликт между Спасителем и тогдашними духовными руководителями еврейского народа вступил в острую фазу: фарисеи постоянно озабочены скорейшей изоляцией Спасителя от народа и Его убиением. А что же народ? Его реакция весьма характерна. Не будучи противниками Спасителя, люди недоумевают, почему первосвященники и фарисеи преследуют этого Человека. Если не Он Христос, то какие же еще дивные чудеса должен сотворить Христос, чтобы вожди народа поверили в Него?

Вместе с тем и евангелист Иоанн отмечает, что жители Иудеи словно бы искоса, выжидательно посматривают на своих предводителей: «Почему первосвященники до сего дня не схватили Его? Может быть, они наконец поверили, что он Мессия? В таком случае есть надежда, что позволят веровать и нам». Народ открыт к приятию проповеди Иисуса, противостояния между Спасителем и простыми людьми не существует. Но те, кто блюдет букву иудейского закона, не принимают Спасителя.

Это евангельское повествование важно еще и потому, что Христос здесь ясно говорит, что Он послан Богом Отцом, что Его Слово — не от мира сего, что Его проповедь — научение Божие, которое Спаситель призван передать людям.

Приведенный евангельский отрывок замечателен еще тем, что содержит определенное указание на Троичность Бога: Христос говорит о Пославшем Его, о Себе как о Посланнике

и о Святом Духе, Которого примут уверовавшие в Иисуса. Следует заметить, что Евангелие от Иоанна вообще отличается особой возвышенностью и богословской утонченностью. В нем содержится самое глубокое и вместе с тем ясное описание учения о Боге-Троице, наиболее полно раскрыта тайна личности Иисуса Христа как Спасителя мира, Сына Божия и Сына Человеческого.

На празднике Кушцей произошло еще одно важное событие, которое также описано евангелистом Иоанном.

«Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8: 1–11).

Рассматривая основные положения христианской этики, изложенные в Нагорной проповеди, мы подробно комментировали тему осуждения, в частности слова Иисуса: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1).

Всякий раз, когда мы осуждаем ближнего своего, то совершаем дело несправедливое, потому что не имеем возможности наблюдать внутреннюю, сокровенную жизнь человека в тайниках его души, а значит, и не в состоянии вынести справедливого суда. Это повествование о женщине, обвиненной в супружеской измене, ярко иллюстрирует также и то, что осуждение ближнего чаще всего происходит вовсе не из

стремления выявить правду, сделать светлее и чище общественные отношения. Осуждение — коварное оружие, причиняющее боль другому человеку. Нередко оно напрямую связано с лицемерием самозванных судей. Господь вопрошает таковых в Нагорной проповеди: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф. 7: 3).

И действительно, побивать камнями провинившуюся женщину вознамерились те, кто подобно ей согрешал, но не был в этом уличен.

Современная общественная жизнь также дает немало примеров такого рода лицемерия. На опыте последних десятилетий XX века мы хорошо знаем, как всевозможные обличительные кампании против злоупотреблений власть имущих вдохновлялись честолюбцами, стремившимися взять в свои руки бразды правления, и как, достигнув своей цели, они превосходили размахом злоупотреблений и привилегий ранее осуждавшихся ими предшественников. Особенно заметно возрастает накал обличительного пафоса такого рода в периоды острых политических баталий в преддверии выборов в органы власти всех уровней. Контролируемые или купленные соперничающими группировками средства массовой информации применяют недостойные и циничные избирательные технологии, в беспощадной конкурентной борьбе ведутся войны на уничтожение политических противников с целью их компрометации в общественном мнении, публичного унижения и морального сокрушения.

Нужно всегда помнить, что каждый раз, когда человек громогласно осуждает ближнего своего за действительные или мнимые грехи, он ищет не правды людской и тем более не взыскует правды Божией, но просто ведет свою борьбу, прибегая к запрещенному Богом средству. Господь сказал грешнице: «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грехи» (Ин. 8: 11).

Ибо это плохо прежде всего для нее самой, так как грех разрушает внутреннюю целостность человека, нарушает полноту человеческой жизни. В этом эпизоде Евангельской истории Спаситель предстает не как грозный Судия, а как любящий и скорбящий Отец. Господь видит и понимает все, что

происходит в глубине грешной души, прощает ее и призывает к перемене жизни, но не жестокосердным и буквалистским законническим осуждением, а словом поддержки и сострадания.

Подчас религиозное сознание с большей готовностью принимает Всевышнего в образе грозного Судии, нежели любящего Отца. Часто страх перед Богом намного сильнее, чем любовь к Нему. Но Бога нужно более любить, отвечая на Его любовь к нам, нежели бояться. Ибо любовь Божия подает человеку надежду обрести выход из тупиков не только личной жизни, но также и жизни общественной.

Иисус Христос в Иудее. Притча о милосердном Самарянине

После праздника Кущей Господь остается в Иудее, пребывая где-то неподалеку от Иерусалима и изредка появляясь во Святом граде. В это время возвращаются с проповеди семьдесят учеников, которые с радостью свидетельствуют:

«Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах. В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение. И, обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцем Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лк. 10: 17–22).

Это повествование содержит несколько важных элементов. Итак, апостолы возвращаются после проповеди и с радостью свидетельствуют перед лицом Господа о том, что нечистые духи повинуются им. Спаситель в ответ говорит: *«Я видел сатану, спадшего с неба»*, — утверждая тем самым, что проповедь апостолов действительно наносила удар могуществу зла, сокрушая его.

Далее Господь изъясняет, что Бог утаил истину и силу, которую апостолы несли в мир, от мудрых и разумных, удостоив этого Своего дара *«младенцев»*. Кого Господь подразумевает

под этим словом? Конечно же, самих апостолов, которых Он избрал на служение, ибо они не были мудрецами и книжниками, не обладали мирской властью, но в большинстве своем являлись простецами, обыкновенными рыбаками, которые последовали за Иисусом в Его странствиях по дорогам Палестины. Этих необразованных людей, истинных младенцев в вере и в мудрости, Господь отсылает на проповедь, и именно их слово посрамляет мнимое всевластие зла. Так происходит потому, что эти посланники несут людям не человеческое учение, а откровение Божественной истины, воспринятое ими непосредственно от Сына Божия, Иисуса Христа, Который один только знает Отца.

С той поры и до наших дней апостольская проповедь продолжается в истории служением и проповедью Церкви, и успех на этом пути зависит не только от силы разума проповедника, его ораторского искусства или способности убеждать других. Никто не станет отрицать, что при прочих равных условиях более убедительным для слушателей будет слово человека образованного, располагающего к себе, обладающего высокими душевными качествами, умеющего быть понятным своим современникам. Такой проповедник благодаря его личностным достоинствам более успешно преодолевает средостение между словом Божиим и людьми, чье восприятие во многом определяется культурным и образовательным уровнем, воспитанием, образом мыслей, ценностными ориентациями, наконец, стереотипами и предубеждениями.

Однако нужно помнить: даже если проповедник не способен говорить ярко и убедительно, то Слово Божие этим не умаляется, ибо само по себе это Слово обладает огромной силой, способной преобразить внутренний мир человека. И если на вашем жизненном пути не встретился проповедник, сумевший донести до вас смысл Божественного слова, не смущайтесь, но с верой и надеждой приступайте к самостоятельному изучению Священного Писания. В наш просвещенный век существует множество возможностей самостоятельно прикоснуться к Божественной Истине. И если человек имеет душевное стремление и готовность открыть свое сердце Божественным глаголам, Сам Господь дарует ему разум

и духовные силы для усвоения проповеди Церкви, даже если не будет рядом талантливого и красноречивого проповедника.

По возвращении апостолов с проповеди произошло еще одно важное событие, описанное евангелистом Лукой:

«И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний? На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился; и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Лк. 10: 25–37).

Когда мы рассматривали Заповеди Блаженств, то подробно говорили о милосердии и милости. Эти слова синонимичны, но слово «милосердие», образовавшееся от сложения понятий милости и сердца, делает более прозрачным смысл того, что есть милость. Милосердие есть душевная способность человека откликаться на чужую боль, свойство сострадать, входить в переживание другого. Если мы отстраненно, сугубо извне, или, как некогда говорили, вчуже, воспринимаем чье-то страдание, если наше сердце не откликается и не соучаствует ближнему, если мы не способны переживать боль

другого человека, как свою собственную, то в нашей жизни нет места милосердию.

Сегодня идея милосердия в ряде случаев становится данью моде, хорошему тону и престижу, делается расхожим понятием, постепенно утрачивающим изначальный смысл в формальных и даже подчас спекулятивных акциях, рассчитанных на внешний эффект. Ныне о милосердии все толкуют на всех углах, причем безо всякого представления об объеме и характере той духовно-нравственной реальности, которая заключается в этом понятии. Подлинное милосердие — это всегда пронзительное эхо чужой боли в глубине нашего собственного существа, это совместное страдание с другим человеком.

Противоположностью милосердию является отчужденность, бесчувствие, безразличие, безжалостность, и этими пороками, к сожалению, глубоко поражено современное общество. Много ли сердец откликается сегодня на горе и скорбь беженцев, влачащих жалкое существование в условиях, не достойных человека? Люди среднего возраста и особенно старшего поколения хорошо помнят, как еще несколько десятков лет назад человек, вдруг потерявший сознание на улице, всегда мог рассчитывать на помощь, поддержку и заботу оказавшихся рядом сострадательных и сердобольных прохожих. А сегодня? Я знал женщину, с которой случился инсульт и которая скончалась прямо на улице в центре Москвы. Но умерла она не от этой страшной болезни, а потому, что замерзла, будучи не в силах пошевелиться, и это совершилось на глазах сотен людей, однако ни одна живая душа не пришла ей на помощь в ее последний час. Она ушла из жизни потому, что не нашлось милосердного самарянина. Будем же помнить: если постоянно не выпалывать ростки бесчувствия в душе, то на их месте очень скоро вырастают тернии жестокосердия и бесчеловечности.

Кто твой ближний? Тот, кто сотворил тебе милость. Почему так? Потому что, когда один человек делает доброе дело по отношению к другому, он духовно соединяется с тем, кому благодетельствует. Распад нормальных межличностных и общественных отношений, взаимное отчуждение людей и разлад в их собственных душах — результат того,

что милосердие постепенно уходит из нашей повседневной жизни.

Но в нем равно нуждаются как тот, кто совершает дела милосердия, так и тот, на кого оно направлено. Оно также необходимо для здоровья общественного организма, потому что милосердием создаются и упрочаются невидимые, но жизненно необходимые связи, соединяющие людей, исцеляются и облагораживаются человеческие взаимоотношения, восстанавливается утраченное нравственное единство народа.

Марфа и Мария.

Иисус Христос на празднике Обновления храма

Недалеко от Иерусалима располагается небольшое селение под названием Вифания. Здесь жило благочестивое семейство, состоявшее из сестер Марфы и Марии и их брата Лазаря. Господь впервые посетил их дом вскоре после праздника Кушечей и нашел там теплый прием и благодарные сердца. Вот как описывает это событие евангелист Лука:

«В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10: 38–42).

Этот евангельский текст хорошо знают постоянные прихожане православных храмов, потому что он всегда читается за богослужением во дни Богородичных праздников, когда Церковью сугубо прославляется Божия Матерь. И это вовсе не случайно, здесь есть определенная духовная связь.

При внимательном чтении этого отрывка становится вполне очевидным, что самое важное в жизни человека — его стремление к высшей духовной цели. Конечно, всем нам необходимо иметь попечение о хлебе насущном для себя и ближних, удовлетворять иные потребности своего физического бытия, однако эти заботы должны гармонично сочетаться с устремлениями и трудами, направленными на

укрепление духовных основ нашей жизни. Господь не осуждает Марфу за то, что она, согласно традиции гостеприимства и по велению доброго и отзывчивого сердца, погрузилась в заботы о достойном угощении для гостей в ее доме путников. Но вместе с тем удивительные слова, обращенные к ней Спасителем, заключают в себе вполне определенную иерархию ценностей человеческого существования, указывая на то, что есть в нем главное, *«единое на потребу»*, а что, будучи хотя и необходимым, все-таки должно почитаться как второстепенное.

Пречистая и Препоблагословенная Дева Мария в Своем житии гармонично соединила и служение Марфы, и служение Марии. Она имела много житейских попечений, растила Своего Сына, заботилась об Иосифе. Но вместе с тем Она оставалась, по слову молитвы, превыше Херувимов и Серафимов. Она возшла к такому духовному совершенству, какого не достигал никто из людей, а это означает, что главным, *«единым на потребу»* для Нее была жизнь духовная.

История о Марфе и Марии, которую поведал нам евангелист Лука, являет пример того, как нужно соотносить естественные и неизбежные заботы о житейских нуждах с *«благодатью»* духовного возрастания, которое, по слову Спасителя, есть основа жизни человека.

После посещения Вифании Иисус Христос направляется в Иерусалим на зимний праздник Обновления храма, где обращается к окружавшим Его иудеям с очень важными словами. Евангелист Иоанн рассказывает:

«Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления, и была зима. И ходил Иисус в храме, в притворе Соломоновом. Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо. Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно. Тут опять

Иудеи схватили камень, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий? Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем. Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их» (Ин. 10: 22–39).

Для иудейского сознания было совершенно непостижимо, как человек, явившийся из Галилеи на праздники в Иерусалим, может называть Себя Сыном Божиим, утверждая к тому же, что Он и Бог — одно. И народ разделился в своем мнении: одни обвиняли Иисуса в богохульстве и грозили побить камнями, другие же поражались Его великим деяниям, говоря: «Кто же может еще совершать такие дела, кроме Мессии?»

Споры о тайне личности Христа Спасителя, зафиксированные в Евангелии, не прекратились по завершении Его земной жизни, но, став еще более сложными, велись и ведутся на протяжении всей истории христианства. Уже в конце I века появляются еретики, которые называли себя гностиками, от греческого слова «гносис», то есть знание. Они претендовали на обладание особым, таинственным знанием для посвященных, которое якобы было недоступно прочим людям. Апеллируя к своему тайному знанию, они утверждали, что Христос совсем не Бог, что Он не имеет Божественной природы, а есть некое возвышенное творение, являющееся посредником между Богом и людьми.

В начале IV века споры о личности Спасителя сделались особенно острыми и принципиальными. В те времена в Константинополе жил Арий, священник и яркий проповедник. Но при этом он учил людей тому, что Христос

не есть Бог, что, будучи по Своей высоте не сравнимым ни с чем во всем мире, Спаситель, однако же, есть творение Божие, то есть Он не единосущен Отцу, не имеет Божественной природы Всевышнего и лишь подобен Богу. В 325 году, на Первом Вселенском Соборе в городе Никее в Малой Азии, где собрались все епископы единой и не разделенной тогда христианской Церкви, учение Ария было осуждено как ересь.

В XIX столетии в России получило широкое распространение ложное учение графа Л. Н. Толстого, который также не признавал Божественной сущности Христа Спасителя. Отзвуки этих еретических идей встречаются доныне. Люди порой говорят: «Христос — выдающаяся историческая личность, великий проповедник и мыслитель, несомненно, внесший особый вклад в развитие человечества, но не более». Почему же многие ересиархи в своей борьбе против Церкви избирали в качестве главной мишени именно этот ключевой пункт христианского вероучения, отказываясь исповедовать Христа как Бога?

А все дело в том, что если Христос не есть Сын Божий, если Он не единосущен Отцу, если Он не Бог, то тогда в силу предполагаемой ограниченности Своей природы Спаситель способен, подобно нам, заблуждаться, совершать ошибки, и, значит, Слово Его не заключает в себе абсолютной, непогрешимой и исчерпывающей Истины. Следовательно, если Христос не Бог, то учение Его может рассматриваться как несовершенное и даже необязательное, ибо на равных правах с ним может существовать и другая истина. Но тогда получается, что совсем не обязательно слушающему о Христе принимать Его слово в свое сердце как откровение Божие и строить свою жизнь в соответствии с евангельскими заповедями.

Именно поэтому на протяжении всей истории христианства с наибольшей ожесточенностью разворачивались споры о природе Сына Божия. Великая и непостижимая тайна Боговоплощения неподвластна разуму и воображению смертного, и именно поэтому камнем преткновения для рационалистического мышления из века в век становилось учение Господа о Себе Самом.

Но ведь Спаситель в Евангелии ясно говорит: «*Я и Отец — одно... Отец во Мне и Я в Нем*». Это означает, что Бог Сын и Бог Отец имеют единую природу, единую сущность. Нужно со всей серьезностью и доверием к Слову Божию принять это свидетельство Спасителя о Самом Себе как о Сыне Божием, о том, что Слово Его есть вместилище абсолютной Божественной истины, следование которой открывает перед человеком путь жизни.

Иисус Христос в Заиорданской области. Учение о загробной жизни

После праздника Обновления храма Господь покидает Иудею и уходит за Иордан. Здесь, в Заиорданской области, Он проведет три месяца перед Пасхой, чтобы затем в последний раз вернуться в Иерусалим. Евангелист Лука подробно, в шести главах (с 13-й по 18-ю), описывает пребывание Иисуса Христа в Заиорданье. Этот завершающий период жизни Спасителя особенно значителен. Господь неустанно проповедует, раскрывая смысл Своего учения, во множестве совершает великие и славные дела. Одна из притч занимает особое место в евангельском повествовании. Это притча о богатом и Лазаре:

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпях, и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилисердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда

сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16: 19–31).

Язык Библии отличается особой образностью. В рамках наших земных понятий невозможно отобразить реалии потустороннего мира. И потому часто используемые в Священном Писании метафора, иносказание и притча являются наиболее подходящей формой повествования о духовных реальностях, находящихся за пределами чувственного опыта человека. Притча о богатом и Лазаре носит совершенно особый характер, ибо в ней приоткрывается тайна загробного существования и излагаются чрезвычайно важные для нашего спасения религиозные истины.

Первая из них состоит в том, что с прекращением физического существования человека, с его смертью не прерывается жизнь его самосознающей и уникальной личности, не уходит в небытие его индивидуальная духовная природа. Ибо есть некая сверхчувственная реальность, таинственная и непостижимая для ума, принимающая в свое лоно человека после его смерти.

Другая истина заключается в том, что эта нездешняя реальность дифференцирована, неоднородна. Она состоит как бы из двух миров: из мира добра, именуемого раем, и из мира зла, известного нам под именем ада. После физической смерти человеческая личность наследует либо тот, либо другой мир, в строгом соответствии с состоянием души каждого из нас. В обретении нами посмертной участи не может быть несправедливости, лицемерия или обмана: *«Ты взвешен на весах»*, по слову пророка (Дан. 5: 27), и добрая душа вознаграждается переходом в соприродный ей мир благодати и света, а злая душа находит посмертное воздаяние в присоединении к погибельному миру зла.

Из притчи мы узнаем также, что эти миры не пребывают в полной изоляции друг от друга, они как бы видимы один

другому, но взаимно непроницаемы. Нельзя из одного мира перейти в другой, хотя существует возможность его созерцать. Некое подобие этого можно усмотреть в нашей земной жизни: человек, находящийся в заключении, пребывает в мире несвободы, который не в состоянии покинуть по собственной воле, но из своей темницы узник может созерцать мир свободных людей, недоступный ему.

Пребывание в мире зла сопряжено с великими страданиями. Для того чтобы передать ощущение их мучительности, Спаситель прибегает к очень яркому и сильному образу огня. Богач из притчи, попаляемый огненным жаром, испытывает мучение от жажды. Он просит о том, чтобы Лазарь облегчил его мытарства и, омочив персты свои в воде, принес ему немного влаги и прохлады. Это, конечно, образ, символ, метафора, помогающие раскрытию очень важной духовной истины: за границами земного физического мира, в вечности инобытия, грешный человек будет пребывать в страдании, образом которого является гееннский огонь. В нашей обыденной жизни для выражения высокой степени тех или иных переживаний мы нередко прибегаем к метафорам, содержащим образ огня: «сгореть со стыда», «сгорать от нетерпения», «пламя страсти», «огонь желания». Поразительно, что огонь из притчи Господней о загробном мире и огонь «страстей и похотей» мира сего обнаруживают несомненное родство.

Нередко случается, что потребности и желания человека не могут быть реализованы в его жизни, и тогда возникает внутренний конфликт, разлад, противоречие с самим собой, которое психологи называют фрустрацией. Вследствие этого возрастает отрицательное напряжение внутренней жизни человека, что, в свою очередь, может привести к столкновению между личностью и миром, объективно препятствующим ее самореализации. Величайшая драма посмертного воздаяния заключается в том, что, в отличие от земной жизни, в загробном мире подобное напряжение никогда и ничем не может разрешиться, составляя существо неизбывных мучений грешной души.

Тот или иной из двух загробных миров, а именно мир добра или мир зла, как уже говорилось, наследуется человеком

соответственно его духовному состоянию. В притче о богаче и Лазаре как раз и выражено мучительное состояние души, лицемерящей прекрасный мир добра, но еще при жизни обреченной себя на мучительное прозябание в мрачном мире зла.

В перспективе вечной жизни нет места несправедливости и неправде, омрачавшим земной путь человека. Это здесь, в нашей временной жизни, можно было обмануть, ввести в заблуждение, представить дела и события так или иначе. Не редкость ситуация, когда некий человек, будучи по сути своей грешным, злым и нечестным, пользуется расположением доверчивых и добрых людей, лицемерно представляя себя не тем, чем он являлся на самом деле. И порой требуются годы для того, чтобы обман наконец рассеялся и сделался очевидным. Мир иной, ожидающий всех нас, не знает подобного: человек недобрый и грешный наследует в вечности то, что соответствует подлинному состоянию его души. Он отходит в обители зла с их огнем пополающим и неизбежным мучительным страданием, а добросердечный и незлобивый человек наследует райские обители, переноса благодать своей души в вечность и становясь соучастником бессмертной жизни на лоне Авраамовом.

Не случайна в притче Господней и персонификация двух типов личности, двух разновидностей жизненного пути и двух вариантов загробного воздаяния в образах богача и нищего. Почему именно так? Ведь богатство само по себе не является грехом, и Господь не осуждает богача за то, что тот богат, ибо наличие или отсутствие у человека денег в нравственном отношении нейтрально. Но в евангельском повествовании четко прослеживается утверждение некой внутренней связи между наличием богатства и возможностью гибели души. Вспомним: *«Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие»* (Лк. 18: 24–25).

Почему же богатства земные выступают препятствием для наследования сокровищ Небесных? Да потому, что богатство сопряжено с обилием соблазнов. В самом деле, состоятельный человек может позволить себе если не все, то уж наверняка очень многое из того, что он желает. Но желания

человека часто диктуются не только его потребностями в необходимом и достаточном, но также его инстинктами и страстями, сдерживать и контролировать которые чрезвычайно трудно. И если богатый человек уступает власти инстинктов и страстей, то в его жизни не остается никаких внешних сдерживающих факторов. Нужно быть очень сильной и волевой личностью, духовно закаленным человеком, чтобы, будучи богатым, избежать соблазнов богатства. Напротив, человек бедный объективно оказывается поставлен в условия, при которых он нередко попросту не имеет возможностей потакать своим страстям и соблазнам. Эта стесненность внешними обстоятельствами в определенной мере оберегает человека от греха, хотя, конечно, не может быть гарантом его спасения.

«Прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, — говорит несчастный богач о счастливом нищем, обращаясь к Аврааму, — ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. И отвечает ему Авраам: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят (Лк. 16: 27–28, 31).

Какая великая правда заключена в этих простых словах! Действительно, люди, обезумевшие от мнимого всемогущества, имеющие главной целью жизни стяжание сокровищ земных, всех мыслимых и немыслимых материальных благ во имя убажания своих страстей, — эти люди не услышат не только слово Авраама и Моисея, но не поверят и воскресшему покойнику, если тот придет вразумить их.

Поэтому так насущно для нашего спасения Слово Божие, донесенное до нас через века святым Евангелием, со страниц которого открывается правда земного бытия в перспективе жизни вечной.

Иисус Христос о конце света. Притча о мытаре и фарисее

Раскрыв в прикровенных образах притчи о богаче и Лазаре таинственную реальность будущей загробной жизни и посмертную участь отдельной души человеческой, Господь далее свидетельствует о конечных судьбах мира. Повествование это сдержанное, не слишком пространное, но, как все в Евангелии, чрезвычайно содержательное и значительное.

«Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть. Сказал также ученикам: придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней Сына Человеческого, и не увидите. И скажут вам: вот, здесь, или: вот, там, — не ходите и не гоняйтесь, ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой. Но прежде надлежит Ему много пострадать и быть отвержену родом сим. И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех... так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лк. 17: 20–27, 30).

Это повествование о конце истории и о Втором Пришествии Спасителя в высшей степени примечательно тем, что в нем сугубо подчеркивается неожиданность грядущих великих событий. Господь не дает никаких конкретных указаний о *«временах и сроках»* (Деян. 1: 7), не сообщает каких бы то ни было определенных знаков, примет и знамений, не

делает астрономических предсказаний и не предлагает каких-либо способов счисления конца времен. Сын Человеческий вновь явится в мир неожиданно, «как Божия гроза», как молния, в мгновение ока пронзающая небесный свод от края и до края. В другом месте Господь прямо говорит: «О дне же том и часе никто не знает...» (Мф. 24: 36).

Люди всегда должны обращаться к этим словам, сталкиваясь с пропагандой всевозможных сект, которые, распространившись по лицу земли, ложно проповедуют о якобы известных им точных датах конца света. У нас на памяти общественные беспорядки и социальные потрясения, спровоцированные в России и на Украине «Белым братством», проповедовавшим близкую гибель мира. Известна и другая страшная тоталитарная секта — «Аум-Синрикё», адепты которой в своей замешенной на терроризме деятельности также вдохновлялись идеей последних времен.

Почему человеконенавистнические секты столь активно эксплуатируют в собственных преступных целях религиозную истину о конце мира, соблазняя множество людей лживыми «откровениями»?

Все дело в том, что эсхатологические пророчества о завершении истории и Втором Пришествии, о тайне ожидающей нас загробной жизни и всеобщем воскресении, о новом небе и новой земле в грядущем Царствии Божием — все это не может оставить безразличным ни одного человека, интересующегося духовными истинами и имеющего определенную чувствительность к такого рода проблематике. Эту естественную человеческую предрасположенность к восприятию того, что Ф.М. Достоевский называл «последними вопросами», и пытаются поставить себе на службу шарлатаны от религии, вводя в греховное заблуждение огромное число духовно непросвещенных людей и подчиняя собственным интересам их волю и жизнь.

И поэтому, услышав проповедь с означенной точной датой конца света и наступающих вселенских катаклизмов, не искушайтесь, не слушайте и не верьте. Памятуйте слова Господа, которыми Он твердо отвечал не только Своим апостолам, но и нам с вами: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. 1: 7).

Это безусловно благодатное для человека неведение времен и сроков конца истории призвано поддерживать нас в состоянии постоянного духовного бодрствования и трезвения, побуждая к заботе о чистоте собственной жизни — жизни, которая может завершиться в любой момент. В конце концов, если задуматься, неизбежная смерть и есть своего рода индивидуальный конец света для каждого человека, так что для покидающего этот мир нет большой разницы: всеобщий ли Апокалипсис наступает или приближается великая минута его собственного расставания с жизнью. Человек духовно зрелый, для которого понятие «*страх Божий*» не просто слова, всегда помнит о том, что каждый день его жизни может оказаться последним, что рано или поздно ему придется предстать пред Богом.

Находясь в Заиорданье, Господь поведал слушавшим Его еще одну притчу, содержание которой также имеет большое значение для духовной жизни человека. Это притча о мытаре и фарисее:

«Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18: 9–14).

Мы уже говорили, что фарисеями, или законниками, назывались люди, нарочито благочестивые, неукоснительно посещавшие храм, скрупулезно исполнявшие все предписания закона Моисеева. Мытарь же был сборщик податей для Рима, то есть человек, презиравшийся правоверными иудеями, ненавидимый обществом как приспешник завоевателей, который обирал соплеменников, взимая с них налоги и пошлины. Мытарями становились люди алчные, утратившие совесть и честь, порвавшие связи со своим народом. В них

персонифицировалось представление о нераскаянном грешнике, о падшем человеке. Таким образом, фарисей, вошедший в храм, должен был считаться поистине благочестивым мужем в сравнении с молившимся рядом мытарем.

Почему же тогда Бог оправдывает мытаря более, нежели фарисея? Фарисей глядит на мир сверху вниз, с позиции непогрешимости и превосходства. Обращаясь к Богу, он поминает свою праведность и возносит благодарение за то, что Всевышний сотворил его именно таким, а не иным, однако фарисей не способен узреть неправду и грех в своей душе. Фарисей самодоволен и самоуверен, его духовная жизнь лишена рефлексии и саморазвития.

Мытарь же, наоборот, взирает на мир снизу вверх. Он сознает неправду своей жизни, свой грех и свое несовершенство и, молитвенно устремляясь ко Господу, молит простить его. Мытарь стремится восстать из бездны своего недостойнства, его нравственное чувство живет и страдает, его плач о грехах обращен к небу, и Бог откликается на это покаянное движение души, принимая и оправдывая заблудшего. Заметим: Господь не произносит Своего суда над делами и жизнью обоих молящихся, но оправдывает мытаря, ибо тот, в отличие от фарисея, находится на пути внутреннего самосовершенствования, очищения и обновления своей души.

Способность человека видеть свои прегрешения — великая добродетель в очах Божиих, и, напротив, отсутствие этого качества, а также недостаток самокритичности и пока явного чувства являются греховным повреждением души человеческой.

Священникам, принимающим исповедь, хорошо известно, что одно из самых распространенных и неосознаваемых прегрешений — склонность человека к самооправданию. Люди часто оказываются неспособны честно и трезво проанализировать собственную внутреннюю жизнь, увидеть при ярком свете христианской совести свои истинные побуждения и помышления, дабы обнаружить сокрытые в них грех и неправду. Более того, пришедшие исповедоваться и каяться, они даже не всегда понимают, что есть грех.

В ответ на традиционный вопрос священника: «В чем грешен?» — нередко звучит удивительное признание: «Да ни

в чем особенно не грешен, плохого ничего не делаю». Когда же совесть все-таки обличает человека за недобрые и греховные дела, первой и самой распространенной реакцией нашего себялюбия становится лукавое самооправдание. В этом случае человек непременно сравнивает себя с другими, куда большими, чем он, грешниками, и на фоне их злодеяний его собственные прегрешения начинают казаться вовсе не значительными, в результате чего голос совести умолкает и душа продолжает коснеть в бесчувствии. Но людям истинно верующим хорошо известно: чужими грехами не спасешься.

Бог ожидает от нас не изобретательного самооправдания, а искреннего раскаяния и самоосуждения. Покаяние — это и есть способность видеть и оплакивать свой грех и неправду, исповедовать их перед Господом с желанием и готовностью исправиться, переменить себя к лучшему. Покаяние — первый шаг на пути к спасению. Этому научает нас Господь притчей о мытаре и фарисее.

Возвращение Иисуса Христа в Иудею. Воскрешение Лазаря

В Заиорданье Господь получает скорбное известие о болезни Его друга Лазаря, родного брата Марфы и Марии. Господь любил Лазаря, и эта весть повергает Спасителя в глубокую печаль. Вот как повествует об этом евангелист Иоанн:

«Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился. После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею...

Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдем и мы умрем с ним. Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. *Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати* (примерно в трех километрах); и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою...

Мария поспешно встала и вышла... придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи!

если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер? *Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней».*

(Действительно, в древности евреи, как и некоторые другие племена на Востоке, хоронили своих мертвецов в пещерах. Та самая пещера, в которой был похоронен Лазарь, сохранилась до наших дней, как сохранилась и Вифания.)

«Иисус говорит: отнимите камень (то есть камень, который закрывал вход в пещеру). Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет. Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус.

Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11: 39–50).

Здесь нужно сделать одно пояснение. Первосвященник — это глава ветхозаветной религиозной иерархии, которая состояла из трех степеней: первосвященника и священников,

служивших при Иерусалимском храме, а также прислуживавших им левитов. Первосвященников могло быть несколько, и особенностью еврейского иерархического служения являлось то обстоятельство, что, соблюдая череду, один из первосвященников каждый год входил во власть, а другие в этот период как бы пребывали не у дел, на покое.

В этом евангельском тексте речь идет о Каиафе, который в том году был действующим первосвященником. Лицемерно прикрываясь заботой о благе и безопасности народа, первосвященники и фарисеи измыслили этот по видимости вынужденный, но по сути коварный и смертоносный аргумент: «Если оставим Его так, то... придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Ин. 11: 48).

И действующий первосвященник Каиафа произносит в кругу врагов и недоброжелателей Иисусовых слова приговора, обрекающего Его на гибель: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11: 50).

Возбуждая в своих слушателях страх перед Римом, Каиафа указывает на опасность того, что религиозное движение, которое произвел в народе Иисус, может навлечь на еврейский народ репрессии со стороны римских легионеров.

Здесь евангелист Иоанн проницательно отмечает лукавство и двоедушие Каиафы, других первосвященников и фарисеев, которые составили заговор с целью убийства Иисуса, но маскируют свою зависть и ненависть к Спасителю, на самом деле опасаясь только одного: «Если оставим Его так, то... все уверуют в Него» (Ин. 11: 48).

Поразительна духовная интуиция Иоанна Богослова, воспринимающего слова Каиафы о смерти Спасителя за народ в контексте грядущей христианской истории, созидания будущей Вселенской Церкви и предстоящего торжества Славы Божией в мире: «Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин. 11: 51–52).

Древний толкователь Евангелия замечает в своем комментарии к этому месту: «Сказал он это со злобным помыслом. Ибо благодать Духа уста его употребила для предсказания

о будущем, хотя и не коснулась скверного его сердца. Смотри, какая сила Духа! Она устроила так, что и из лукавого сердца произошли слова, заключающие чудное пророчество. Ибо когда Христос умер, то все уверовавшие из народа избавились от великого и вечного наказания, и Он умер не за иудейский только народ, но чтобы собрать воедино и остальных чад Божиих, то есть язычников».

Евангелист Иоанн продолжает: «С этого дня положили убить Его. Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями, а пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим, и там оставался с учениками Своими» (Ин. 11: 53–54).

Уже говорилось, что некоторые евангельские повествования воспринимаются как свидетельские показания. Это в полной мере относится и к цитировавшемуся выше отрывку. Обратим внимание на точность описания, оставленного евангелистом: два дня Господь остается на том месте, где Его застала печальная весть о болезни Лазаря. Затем Спаситель направляется в Вифанию. Навстречу Ему спешит Марфа, а Мария остается в доме. Далее происходит встреча с Марией. Наконец, следует описание самого мертвеца, который выходит из погребальной пещеры с платом на голове. Все эти детали, равно как и строгое воспроизведение последовательности событий, свидетельствуют о стремлении евангелиста к предельной верности фактам в своем рассказе.

Здесь же Иоанн Богослов указывает и на цель воскрешения Лазаря, о которой говорит Иисус, обращаясь к ученикам: «дабы вы уверовали» (Ин. 11: 15).

Ибо остается совсем не много времени до страдания, уничижения, смерти Спасителя. И потому явление силы Божией в чудесном воскрешении Лазаря, подобно Преображению на Фаворе, было призвано помочь ученикам в грядущие страшные дни Страстей Господних сохранить веру, чтобы осознать: восхождение Сына Божия на Голгофу мучений и смерти было добровольным.

Воскрешение Лазаря — один из самых сильных и волнующих моментов Евангельской истории. Казалось бы, что еще требуется, чтобы уверовать в Божественное всемогущество Христа Спасителя, Который вернул к жизни четверодневного покойника! Однако реакция очевидцев чуда поистине

удивительна: одни уверовали, как свидетельствует евангелист Иоанн, но другие *«пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус»* (Ин. 11: 46).

Этот евангельский текст вновь обращает нас к размышлению о том, что же такое вера. Почему один верует, а другой нет? Почему те, кто стоял перед входом в гробовую пещеру Лазаря и видел чудо его воскресения, разделились в вере и неверии? Сложно ответить на эти вопросы. Вера есть дар Божий, и ниспосылается он всем людям без исключения. Однако одни способны его воспринять, а другие нет, ибо существуют некоторые нравственные условия усвоения человеком веры в Бога. Конечно, было бы ошибкой полагать, что только добродетельные люди имеют особые духовные способности к вере. Уверовать может и великий грешник, если только он не разучился слышать обличающий голос собственной совести, и тогда, подобно мытарю из притчи Господней, он видит свои грехи и раскаивается в них, не ища самооправдания.

Во времена земной жизни Спасителя не все поверили в воскресение Лазаря. Не все верят этому великому чуду и сегодня. Материалистическому сознанию мучительно трудно принять мысль о том, что с нашей физической смертью человеческая личность не становится добычей небытия и тлена, что путь нашей жизни не обрывается сырой могилой, на которой, по словам тургеневского Базарова, вырастет лопух.

Вера во всеобщее воскресение, которой одаряет нас Христос Спаситель, делает поступки каждого достоянием вечности. Неуничтожимо добро, которое мы делаем, равно как никуда не исчезает и сотворенное нами зло.

Принимая веру в бессмертие души, в жизнь за гробом и во всеобщее воскресение, человек принимает и то, что каждое его слово и дело уйдут вместе с ним в вечность. Вера во всеобщее воскресение помогает нам оставаться людьми, сохранять и приумножать лучшие, богоданные качества нашей души, спешить делать добрые дела и искупать злые, преобразая и одухотворяя себя и окружающий мир.

Иисус Христос и дети

После чудесного воскрешения Лазаря Четверодневно-го Спаситель не может надолго задерживаться в Иерусалиме и вообще в Иудее по причине стремительно нарастающего напряжения в отношениях со старейшинами иудейскими, которые «*положили убить Его*» (Ин. 11: 53). Господь покидает Иерусалим. В этот раз Он направляется в достаточно отдаленный город Эфраим к северо-востоку от Иерусалима. Из Эфраима, перейдя Иордан, Господь снова направляется в Заиорданье. Там Он совершает многие славные Свои деяния и произносит важные поучения. Об одном из таких эпизодов повествует евангелист Марк:

«Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него. И, обняв их, возложил руки на них и благословил их» (Мк. 10: 13–16).

Рассуждая о путях Богопознания, мы уяснили, что хотя вера начинается в уме, но принадлежит она сердцу и Бог воспринимается и познается не столько разумом, сколько нашими душевными силами.

В Заповедях Блаженств Спаситель именует блаженными «*чистых сердцем*», потому что они увидят Бога. Другими словами, для того чтобы узреть Бога, чтобы почувствовать Его в своем сердце и ощутить Его близость, нужно иметь соответствующее состояние души. Кто из людей в наибольшей

степени обладает чистотой сердца? Прежде всего дети. Их нравственная природа близка Богу тем, что неотягчена удручающими воспоминаниями и угрызениями совести о содеянных злых делах, горькими сожалениями об ошибках и пороках.

Чувствования ребенка чисты и не подавляются могуществом инстинктивного начала, а потому и восприятие сверхчувственного мира происходит в простоте и невинности сердца, без помех со стороны каких-либо видимых и невидимых преград и средостений, которые во множестве присутствуют в сознании взрослых людей. Именно благодаря этой чистоте сердца религиозное переживание ребенка отличается особенной яркостью и значительностью. Тот, кто с малых лет воспитывался в вере, хорошо знает, что опыт молитвы, общения с Богом в детские годы бывает настолько впечатляющим, что не изглаживается во всю последующую жизнь. Именно поэтому религиозное воспитание должно начинаться от младых ногтей, и гонители Церкви Христовой во времена богоборчества, категорически запрещавшие всякое религиозное воспитание и образование, это учитывали. Не разрешалось не только обучение детей основам религии, но даже участие их в богослужении до достижения восемнадцатилетнего возраста.

Как сегодня в нашей стране относятся к религиозному воспитанию и образованию детей? Всем очевидно, что народ и общество ныне пребывают в глубоком нравственном кризисе. В программах практически всех партий и общественно-политических движений, претендующих на власть в государстве, мы обязательно найдем тезисы о необходимости возрождения нравственности и духовности. И действительно, кризис, охвативший наше общество, имеет особый характер. Это кризис не каких-то отдельных сфер жизни: политической, экономической, социальной, научной, культурной — но кризис всеобъемлющий, системный. Его тотальность поражает воображение, и именно она указывает на то, что при определении истоков и причин нынешней ситуации речь должна идти в первую очередь о кризисе человеческой личности — нравственном кризисе индивидуума и моральном кризисе общества, ибо утрачена способность различать

между добром и злом, делая выбор исключительно в пользу добра.

Многие согласны с тем, что между нравственностью и религией существует глубокая и прочная внутренняя связь, природу которой замечательно выразил Ф.М. Достоевский: «Если Бога нет, то все дозволено». Люди не столько осознанно, сколько интуитивно чувствуют и исповедуют это живое взаимодействие между религиозными убеждениями, страхом Божиим и нравственным состоянием личности и общества.

Казалось бы, в качестве первоочередной меры морального оздоровления общества следовало бы прежде всего открыть широкие возможности для религиозного воспитания детей, чтобы вызволить подрастающее поколение из трясины духовно-нравственной деградации. На словах все с этим согласны, да и действующее законодательство позволяет факультативно преподавать основы религии в учебных заведениях. Но во многих ли школах мы обнаружим в учебном расписании уроки христианской нравственности и культуры? В большинстве школ пока, к сожалению, ничего подобного нет.

Это вызвано тем, что многие чиновники весьма своеобразно толкуют упомянутое положение закона о свободе совести: факультативные занятия понимаются ими как необязательные. Исходя из этого религиозное образование и воспитание оказывается вне сетки учебных часов, за рамками расписания уроков. Естественно ожидать, что мало кто из детей, утомленных долгими часами пребывания в школе, придет на такие факультативные занятия.

На самом же деле факультатив означает, что учащийся имеет право на выбор тех или иных дисциплин по собственному усмотрению. Как видим, из этого вовсе не следует, что факультативные занятия должны быть вынесены за пределы стационарного расписания уроков. Например, в системе образования, принятой во многих странах мира, большинство предметов является как раз факультативами, но, выбирая те или иные из них, ученик изучает факультативные предметы наравне с обязательными и в рамках общего для тех и других расписания уроков.

Существует также поверхностное, но распространенное мнение, согласно которому священнослужителей не следует допускать в школу, ибо это якобы противоречит принципу свободы совести. Сторонники этой точки зрения выдвигают аргумент не без привкуса демагогии: если допустить в школу православных священников, то тогда нужно сделать то же самое в отношении других религий, конфессий, деноминаций и сект, иначе будут нарушены их конституционные права. Это лукавая позиция и лицемерный аргумент.

Действительно, принцип свободы совести является фундаментальным конституционным положением, которое никак нельзя нарушать хотя бы по той простой причине, что согласно нашей православной поговорке «невольник — не богомольник». Никого силой принуждения верить в Бога не заставишь. Однако если в классе пятьдесят, семьдесят, восемьдесят процентов детей крещены в Православной Церкви, то почему же к ним не может прийти православный священник? Если же в классе имеется достаточное число мусульман или лиц, принадлежащих к другим религиям и конфессиям, то они также имеют право на религиозное образование. К ним должны обращаться их пастыри. При этом недопустимо, чтобы к классу или к группе учащихся обращался проповедник, принадлежащий к конфессии, последователи которой среди учащихся отсутствуют или составляют незначительное меньшинство. Школа не может и не должна превратиться в арену соревновательной миссии и прозелитизма.

Делом огромной важности является сопряжение в интересах государства, общества и человека принципа свободы совести с необходимостью религиозного воспитания детей и молодежи новой России.

Пришла пора понять, что времена произвольной идеологии и политизации юридических норм остались в прошлом. Мы, как народ и как общество, призваны к осознанию той истины, что выход из переживаемого нами кризиса возможен только на путях возрождения человеческой личности, исцеления и восстановления ее нравственного начала.

И очень важно, чтобы каждый из нас не только на словах декларировал такое понимание проблемы, но и делал то,

что от него зависит, для ее решения. *«Пустите детей приходиться ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие»*, — говорит Христос, словно обращаясь сегодня именно к тем, кто, прибегая к лукавым и надуманным предложениям, пытается помешать нашим детям прийти к Богу и обрести веру.

Греческое слово *«педагог»* по-русски означает «человек, ведущий детей», «детоводитель». Быть детоводителем ко Христу — великое призвание православного педагога в современной российской школе.

Иисус Христос в Заиорданской области. Притча о богатом юноше

Одно из произнесенных Спасителем поучений было обращено к богатому юноше, который пришел к Спасителю с вопросом о том, что ему надлежит делать, чтобы спастись. Вот замечательный рассказ об этом из Евангелия от Матфея:

«Некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие. Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, воззрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19: 16–26).

В этом евангельском повествовании поднимается тема значения богатства для духовной жизни человека. Слова Спасителя, обращенные много веков назад в Заиорданье

к богатому юноше, ныне весьма актуальны для многих наших соотечественников, которые в одночасье сделались богатыми. Нередко, ослепленные своими земными сокровищами, эти люди до времени не задают себе тех вопросов, с которыми приступил богатый юноша к Спасителю. Но потребности человеческого духа гораздо выше и настоятельнее, чем ориентация на сверхдолжную материальную обеспеченность нашего существования, так что рано или поздно вечные вопросы: «Для чего я живу?» и «Как мне спастись?» — встают и перед богатыми людьми.

Что же такое материальное богатство по отношению к сфере духовной жизни человека? Является ли оно абсолютным злом или уровень благосостояния нравственно нейтрален, а может быть, напротив, достаток может быть полезен человеку и в его духовной жизни? Ведь богатый юноша, о котором шла речь в цитировавшемся отрывке из Евангелия, был добрым и совестливым человеком. Богатство не заслонило для него религиозной перспективы жизни, и он остался личностью с духовными интересами и запросами. Юноша с детства соблюдал заповеди Божии: не убивал, не прелюбодействовал, не воровал, не лжесвидетельствовал, почитал отца и мать, — так что и состояние его, по-видимому, также было нажито праведным путем. Казалось бы, все гармонично сочетается в этом человеке — и материальная, и духовная стороны его жизни.

Господь действительно увидел в этом юноше хорошего и достойного человека, но Своим Божественным взором Он также прозревал в нем и то, что было сокрыто от глаз и чувств посторонних. И Спаситель одним лишь словом словно совлекает с души юноши некий покров, обнажая самую сердцевину его духовной жизни: *«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною».*

И юноша отошел с печалью в сердце.

Видимо, он никогда не ставил перед собою вопроса о том, что означает для него богатство, чем из нынешнего благополучия он готов пожертвовать, а с чем не сможет расстаться. Этот вопрос ставит перед ним Христос. И оказывается, что молодой человек, несмотря на все свои очевидные

добродетели, не способен отказаться от богатства даже во имя Самого Бога, даже ради возможности следовать за Спасителем и сопутствовать Ему.

В этом повествовании раскрывается удивительная истина. Даже для добросердечного, порядочного, благочестивого человека наивысшей ценностью часто становится богатство. Не Бог, но богатство. Почему так? Да потому, что богатство само по себе обладает огромной притягательной силой. Оно не только обеспечивает комфорт и легкость существования. Если человек очень богат, если он достигает вершин жизни, то вместе с тем он обретает власть над ближними при полной независимости от них и, что самое опасное, некую иллюзию автономного, не зависящего от воли Божией бытия. И в самом деле, кажется, зачем Бог тому, кого его деньги делают земным владыкой, кто за них без труда получает все, чего ни пожелает, в чьем распоряжении находятся другие люди, кто способен купить положение и влияние, а при известных обстоятельствах даже здоровье и жизнь. Так рождается соблазнительная и по сути своей губительная для человека химера абсолютной свободы.

Сердцевиною же христианской веры, напротив, является поставление Бога в центр существования, смыслом ее — установление и упрочение связи между Богом и человеческой личностью, той связи, что называется религией. Другими словами, религиозный образ жизни характеризуется тем, что живая связь с Богом, надежда на Бога и вера в Бога являются для человека наивысшей ценностью. Тогда как богатство, создающее иллюзию всемогущества, независимости и неуязвимости человека, вытесняет Бога из его жизни. Не случайно Господь говорит в другом месте Священного Писания: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6: 24).

Итак, служение Богу несовместимо с привязанностью к богатству. И от того, какая из двух сил возобладает в душе человека, зависит образ его жизни. Иначе говоря, власть богатства способна разрушить религиозный образ жизни, разорвать нить, связующую человека с Богом, угасить надежду на Всевышнего и веру в Него. Поэтому Господь и говорит, что *«удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»*.

Здесь необходим комментарий: под *«игольными ушами»* надо понимать не ушко иголки, через которое продевается нитка, а тесный проход в крепостной стене, окружавшей Иерусалим. В этот проход, достаточно широкий только для пеших путешественников и паломников, въехать на верблюде было решительно невозможно. Следы этих узких ворот сохранились в Иерусалиме доныне. Используемый Спасителем образ *«игольных ушей»* был абсолютно прозрачен и предметен для Его учеников, и потому они с удивлением и даже с некоторым испугом спрашивают: *«Кто же может спастись?»* И Господь отвечает: *«Невозможное человекам возможно Богу»* (Лк. 18: 26–27).

Итак, означает ли ответ Иисуса богатому юноше, что Господь призывает Своих последователей непременно отказываться от собственности и раздавать свое достояние нищим, дабы самим уподобиться им? Нет. В случае с богатым юношей Иисус обращается к нему персонально, отвечая на его вопрос о том, что нужно ему сделать, *«чтобы иметь жизнь вечную»*. И больше нигде в Евангелии нам не встретится требование Спасителя отказаться от богатства в качестве необходимого условия следования за Ним. Призыв раздать имение не является жестким и бескомпромиссным настоянием, адресованным ко всем людям, — это необходимое условие лишь для тех, кто ищет духовно-нравственного совершенства. История христианства полна свидетельств такого рода отвержения собственности людьми, взыскующими высшего идеала религиозного подвижничества.

Но как быть тем, кто не имеет этого призвания и, продолжая жить в миру, не собирается расставаться со своим богатством, с принадлежащими им материальными ценностями? Священное Писание дает ответ и этим людям. Господь говорит: *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»* (Мф. 6: 21).

Это удивительные по своей точности и значимости слова. Если материальная сторона существования становится для человека главенствующей, если она превращается в наивысшую ценность и единственное сокровище его жизни, если служение маммоне и стяжание богатства делаются целью и смыслом всех деяний, то такой человек оказывается на пути, ведущем к гибели. Потому что он утрачивает

религиозное измерение жизни, и Бог уходит из нее, даже если человек формально себя считает верующим и соблюдает заповеди, как соблюдал их богатый юноша. Ибо таков непреложный нравственный закон, сформулированный Иисусом: *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»*.

Однако если у человека хватает духовной зрелости и здравомыслия воспринимать сокровища земные не как абсолютную ценность, но лишь как необходимое условие своего существования и помощи другим людям, то в этом случае богатство не может считаться предосудительным. Ибо не оно является доминантой жизни такого человека, но высшее, прекрасное и спасительное религиозное начало, определяющее духовный строй личности.

Как же узнать, является ли человек господином своего богатства или его рабом? Очень часто единственным критерием, позволяющим составить представление о системе нравственных ценностей богатого человека, остается его способность и готовность к милосердию. Если состоятельный человек не видит необходимости пожертвовать бедным толику от своих доходов, если добро и милосердие не находят места в его сердце, то можно говорить о том, что богатство погубило такого человека, что душа его порабощена маммоне и далека от заботы о спасении.

Нужно учиться творить дела милосердия, ибо милостыня для богатого — это единственная возможность спастись, не отказываясь от своего богатства, единственное условие «иметь жизнь вечную».

И потому так важно, чтобы богатые люди обрели христианское стремление и способность делиться посланным Богом материальным избытком с теми, кто нуждается в их помощи.

Возвращение в Иудею. Иисус Христос в Вифании. Шесть дней до Пасхи

Приблизилось время ветхозаветной еврейской Пасхи, четвертой за период общественного служения Христа Спасителя. Из Заиорданья, где Он находился в относительной безопасности, Спаситель идет в столицу Иудеи, Иерусалим. Его путь лежит через город Иерихон, где Он исцеляет двух слепых. Подходя же к Иерусалиму, Господь в очередной раз открывает ученикам тайну Своей Крестной смерти и Воскресения.

«И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет» (Мф. 20: 17–19).

Спасителя в Иерусалиме уже ожидали. Его поджидали первосвященники и фарисеи, которые отдали приказ, в случае опознания Иисуса, немедленно им донести о том. Его также дожидались люди, прибывшие на праздник Пасхи и спрашивавшие друг друга: где же Он, не появится ли Он в городе и в этот раз, как бывало ранее? Станет ли Он вновь проповедовать и учить в Иерусалиме?

Христос приходит к Иерусалиму, но направляется не в город, а в Вифанию, то самое селение, где жил Его друг Лазарь с сестрами Марфой и Марией. Это место сохранилось до сих пор, причем географическое расположение его за две тысячи лет не изменилось. Христос приходит в дом Марфы и Марии. И здесь происходит одно многозначительное событие, о котором повествует евангелист Иоанн:

«За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда. Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса» (Ин. 12: 1–11).

Миро, о котором рассказывает евангелист, — это драгоценная ароматическая жидкость, составлявшаяся по особым рецептам на основе большого числа трав и различных ароматических веществ. Миром помазывали на царство, им умащивали после смерти тела прославленных и богатых людей. Приобретение флакона многоценного мира, необходимого для помазания человеческого тела, могло стоить человеку всего его состояния. И действительно, триста динариев, о которых поминает Иуда, — огромная по тем временам сумма. Но Мария, простая женщина, имевшая, по-видимому, весьма скромный достаток, покупает драгоценную жидкость, чтобы помазать тело Иисуса, как бы приуготовляя Его к грядущему погребению. Действия Марии являют собой замечательный и полный глубокого значения символ видимого выражения высокой преданности Христу Спасителю, человеческой сопричастности Его судьбе, служению и жертве.

Поведение Марии рождает неприязнь и раздражение в душе Иуды, которому было доверено носить ящик с деньгами, принадлежавшими всей общине учеников Спасителя. Иуда, хорошо зная цену деньгам и понимая, что на них можно многое приобрести, тайно запускал руку в общее достояние.

Совершенное Марией, на меркантильный взгляд Иуды, лишено практического смысла и целесообразности; более того, этот поступок становится открытым вызовом его собственной жизненной философии, системе ценностей, образу и стилю жизни.

Здесь сталкиваются два мироощущения, две жизненные позиции, два выбора: основанный на вере в Бога религиозный мир, который воплощается в Марии, и мир без ощущения присутствия Божия, возлагающий все свое упование на ложное всевластие богатства, олицетворяемый Иудой. Бескомпромиссное противоборство этих двух начал красной нитью проходит через всю историю человечества. В борьбе мировоззрений, как и во всякой войне, бывают победы и поражения, подвиги и предательства. Но только в этой всемирной битве, где сталкиваются Божественные законы и заповеди, дарующие человеку жизнь вечную, и дьявольское беззаконие, уповающее на собственную силу и власть денег, Бог противостоит дьяволу, и поле их сражения — души людские.

То подспудный, то открытый конфликт этих двух миров нередко можно наблюдать и в современной жизни. Вспомним дискуссию, которая развернулась вокруг возрождения храма Христа Спасителя. Нас убеждали отказаться от возведения собора, потому что это дорого, говорили, что на эти деньги можно построить жилье, поликлиники и даже тюрьмы. Не правда ли, знакомая аргументация: *«Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?»* Разве это не тот же самый случай, когда ставится под сомнение право и долг человека прославлять Всевышнего, а истинные богорборческие мотивы «прагматиков» демагогически маскируются необходимостью первоочередного попечения о делах земных? Но, по свидетельству евангелиста Иоанна, не заботой о нищих был движим Иуда, когда осуждал Марию, а собственными корыстными интересами. Равно как и те, кто противодействовал строительству храма Христа Спасителя, на самом деле руководствовались вовсе не альтруистическими соображениями. Ибо сам факт воссоздания великой православной святыни, являющейся символом духовного возрождения нашего народа и его стремления вновь обрести себя на

путях возвращения к отеческой вере, вызывал яростное неприятие тех, кто в наши дни не желает такого возрождения.

История свидетельствует, что и соборы Московского Кремля, и Исаакиевский собор в Петербурге, и многие другие замечательные и прославленные храмы, являющиеся шедеврами архитектуры и символами духовной красоты народа, созидались нашими предками не от избытка богатства, ибо вряд ли в прошлом мы были богаче, чем сегодня, но от великой веры и любви ко Господу. Этими прекрасными творениями православной архитектуры утверждался — и доньше утверждается — общенародный идеал жизни во Христе и спасительности для человека религиозного выбора.

Если Бог составляет средоточие духовной жизни народа, то через религиозный уклад бытия выявляется драгоценность и неповторимость каждой человеческой личности. В этом случае наша жизнь обретает новое измерение, отвращаясь от эгоистической замкнутости на себя, от обслуживания своих собственных интересов и страстей, и переориентируется на служение другому человеку, нашему ближнему. Это означает, что религиозный образ жизни несет в себе колоссальный потенциал добра, правды, любви, мира, согласия. Но разве не в этом сегодня нуждается более всего наше общество и каждый отдельный человек, уставший видеть нескончаемые картины насилия, злобы, обмана, коварства, отчужденности, эгоизма?

Достойное будущее нашего Отечества, возрождение народного духа и нравственное преображение человека возможны в связи с обретением и приятием нами религиозного образа жизни, символом чего являются также благодатные труды по восстановлению и созиданию храмов Божиих.

Торжественный вход Господа в Иерусалим

На другой день после того, как Мария помазала ноги Иисуса драгоценным миром, Господь направился в Иерусалим. Описание этого события есть у всех четырех евангелистов. Так, Евангелие от Марка свидетельствует:

«Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? — отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда. Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его. И некоторые из стоявших там говорили им: что делаете? зачем отвязываете осленка? Они отвечали им, как повелел Иисус; и те отпустили их. И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него. Многие же постилали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!

И вошел Иисус в Иерусалим и в храм; и, осмотрев все, как время уже было позднее, вышел в Вифанию с двенадцатью» (Мк. 11: 1–11).

Это единственный евангельский сюжет, в котором Господь очевидным и зримым образом прославляется «во

дни плоти Своей» (Евр. 5: 7). Известно, что вослед Спасителю ходило множество людей. Одни из сопутствовавших Ему дивились чудесам, Им совершаемым; другие в любви поклонялись Господу; третьи пребывали в недоумении или сомнении. Но явного прославления Господа в мире, восторга и поклонения перед Ним мы не находим нигде, кроме повествования о входе Спасителя в Иерусалим.

Этот вход с человеческой точки зрения был истинным торжеством и славою Грядущего. Встречавшие Его жители Иерусалима вели себя при этом в соответствии с принятой традицией, чувствуя Иисуса Христа как победителя. Евангелист Иоанн прямо указывает на побудительную причину народного ликования: *«Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо»* (Ин. 12: 17–18).

Итак, навстречу людям шествовал Тот, Кто вернул к жизни покойника четырехдневного, — победитель смерти и великий чудотворец. И народ свидетельствует свое преклонение перед Его непостижимой и всепобеждающей властью, перед Его превышающим человеческие силы могуществом. Спасителя встречают как триумфатора, возвращающегося с победой. Ибо когда полководец вступал в столицу после завершения победоносного похода, ликующие сограждане устилали путь следования триумфального шествия своими одеждами, по случаю праздника срезали ветви деревьев и восклицали: *«Осанна!»*, — что по-еврейски означает «спасение», «помощь». Не случайно евангелист Лука, писавший по-гречески, употребляет здесь слово *«докса»*, которое переводится на русский язык как «слава». *«Осанна»* было традиционным еврейским возгласием, смысл которого соединял в себе как прославление того, к кому оно было обращено, так и преклонение перед ним.

А что же Спаситель? Согласен ли Он принять подобное поклонение со всеми сопутствующими ему знаками и атрибутами земной славы? Желает ли Он войти в Иерусалим как триумфатор и победитель, как царь и полководец? Нет. Ведь герою толпы и спасителю отечества приличествует выступать верхом на белом коне, в роскошном убранстве, с горделиво

поднятой головой. А Господь просит, чтобы Ему привели ослика, на котором простой и небогатый человек обычно перевозит свою кладь, путешествует, совершает паломничество. Господь входит в Иерусалим вовсе не триумфатором. Он не принимает славы, которую воздает Ему народ, — и свидетельствует об этом всем Своим образом.

Этот эпизод переключается с тем моментом в начале общественного служения Христа, когда диавол искушал Его в пустыне славой и властью, а Господь отверг этот соблазн. Теперь же, при исходе Своего земного бытия, Спаситель вновь отклоняет намерение людей восславить Его как мирского владыку, триумфатора и вождя.

Видя во Христе победителя смерти, народ связывал с Его пришествием торжество идеи, которой был столь предан. Ибо древние иудеи мечтали о том времени, когда Мессия — Спаситель очистит их родину от римских завоевателей и подарит своим соплеменникам долгожданную свободу. Восклицая «Осанна!», они свидетельствовали о приблизившемся Царстве царя Давида, ошибочно полагая, что оно должно быть средоточием необоримой силы, власти и господства. Но Господь не принял миссии, к которой восторженно склонял Его народ. Он не принял роли царя и отринул земную власть, тем самым отказавшись быть *таким* Мессией, какого ожидали евреи.

Искушение властью продолжалось и после Христа. Церковь Божия, наследовавшая Иисусу в деле спасения людей, на протяжении своей двухтысячелетней истории неоднократно сталкивалась с соблазном властью земною. Порой люди вполне чистосердечно полагают, что Церковь как организм, имеющий многовековую историю, обладающий исторической умудренностью и духовной силой, способна лучше других распорядиться политической властью и ролью народного вождя. История свидетельствует, что иные князья Церкви поддавались этому искушению. Такое случалось, например, на христианском Западе, где римские папы и многие иерархи обладали светской властью. Некоторые случаи расположенности к обладанию церковными лицами светской властью отмечались и на Востоке. Хотя в целом Восточные Церкви очень упорно сопротивлялись любым попыткам втянуть их в борьбу за мирскую власть.

Дискуссия о месте Церкви в политической жизни продолжается и в наши дни. Особенно часто взоры людей обращаются к Церкви в преддверии выборов, когда ее пытаются вовлечь в политическую борьбу, ссылаясь на моральную ответственность Церкви за судьбу Отечества и народа в трудные времена.

Тем, кто стоит на этой точке зрения, нужно напомнить следующее. Главная задача Церкви состоит не в достижении преходящих политических целей, но в духовном спасении человека. Если Церковь изменяет этой цели, она перестает быть Церковью. По той же причине и Церковь не должна принимать на себя светскую власть.

Если для достижения человеческого спасения Церковь использует средства светской власти, то совершает роковую ошибку, ибо методами и средствами светской власти невозможно обратить ум и сердце человека к Богу. Светская власть не только некомпетентна, но и бессильна в решении главной задачи, которая стоит перед Церковью. Кстати, именно поэтому светская власть не должна вторгаться в тонкую и сложную сферу духовной жизни человека.

Вход Господень в Иерусалим празднуется Православной Церковью в радостный день Вербного воскресенья, за неделю до Пасхи. Мы приходим в храм с вербами — первыми распустившимися растениями, символизирующими жизнь. Тем самым мы свидетельствуем нашу веру в Иисуса Христа как Бога, воскресившего Лазаря и способного всех нас совоскресить Собою.

Иисус Христос в Иерусалиме

Вступив в Иерусалим в окружении ликующего народа, Иисус Христос направился в центр города, к Иерусалимскому храму. И как и три года назад, обнаружив здесь торговцев и менял, вновь изгнал их из храма.

Изгнание из храма торгующих в первую Пасху общественного служения Спасителя стало началом Его конфликта с иудейскими властями, которые увидели в Нем бунтаря против существовавших законов и обычаев. К третьему году общественного служения Иисуса Христа этот конфликт усугубился до такой степени, что сделался опасным для Его жизни.

Изгнанием торговцев из храма во дни Своей последней Пасхи Господь свидетельствовал, что делу, которое Он призван свершить, не смогут воспрепятствовать ни власть земная, ни страх человеческий. Ибо это дело спасения, ради которого Он готов пострадать и умереть.

В первые дни Страстной недели — так именуются в церковном обиходе дни страданий Иисуса Христа — Господь обращался к Своим ученикам и к народу, собравшемуся в Иерусалиме для празднования Пасхи, с особыми поучениями. Обстановка, в которой Иисус проповедовал в преддверии Своих страданий, очень отличалась от той, что была в Галилее, где Его окружали местные рыбаки и иные простые люди, благоговеино, почтительно и удивленно внимавшие слову Учителя. В Иерусалиме же среди слушателей было много тех, кто хорошо знал Писание и лукаво стремился уловить Спасителя на слове, спровоцировать на неправильный или

неосторожный ответ, дав таким образом повод властям арестовать Его и предать смерти. Об этом согласно свидетельствуют евангелисты Матфей, Марк и Лука. Вот одно из таких свидетельств:

«Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродиадами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли» (Мф. 22: 15–22).

Вопрос, обращенный к Спасителю, продиктован был откровенно провокационными намерениями, ибо любой ответ здесь ведет в ловушку. Сказать, что надлежит платить подать римскому кесарю, — значит вызвать гневную реакцию иудеев, страдающих от иноземного владычества и мечтающих о национальном освобождении. Сказать, что кесарю не следует платить дани, — значит быть обвиненным в подстрекательстве к бунту соглядатаями римского правителя, которых наверняка немало было в толпах паломников.

В Своем поразительном ответе на лукавый вопрос Господь, по существу, на принципиальном уровне формулирует то, каким должно быть отношение верующего человека к светской власти.

Что есть *«Божие Богу»*? Это свидетельство о том, что человек при всех властях и при любых обстоятельствах призван сохранять свободу и независимость духа, имея главным законом своей жизни голос собственной совести — глас Божий в душе. В своей внутренней жизни человек должен быть подконтролен только Божественным заповедям, в соответствии с которыми ему и следует определять свой выбор, совершая одни поступки и воздерживаясь от других.

В том и заключается опасность тоталитарных диктатур, что тоталитаризм — как свидетельствует уже само его название — стремится поглотить и покорить себе все сферы человеческого существования, включая и внутреннюю жизнь личности. Такая власть нарушает Божественный закон, потому что внутренняя жизнь человека должна быть подотчетна прежде всего совести — то есть тому нравственному закону, который Бог вложил в нашу природу. А за светской властью остается обязанность регулировать внешние отношения людей, дабы человеческое общежитие было достаточно упорядоченным.

Когда Господь призывает воздать «*кесарево кесарю*», Он не судит о том, хороша власть или дурна, нравственна она или безнравственна. Но Господь исходит из принципа уважения и приятия института светской власти как общественного установления. И в этом контексте становятся понятны слова апостола Павла: «...нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13: 1). К слову, эта формула нередко вызывает неприятие и критику со стороны людей, склонных к социальному радикализму. На самом же деле речь здесь идет не об оценке власти — она, оценка, может быть любой, — но о приятии самого института государственного правления, вне которого невозможно устройство нормальной жизни общества.

Итак, с одной стороны, «*отдавайте Божие Богу*» есть призыв к сохранению внутренней свободы человека, к бережению целостности и неповрежденности его внутреннего мира, к ограждению его от покушений какой бы то ни было внешней власти. А с другой стороны, «*отдавайте кесарево кесарю*» есть признание необходимости и целесообразности существования властного начала в жизни человеческого общества, без чего невозможны ни упорядоченность системы взаимоотношений людей, ни равновесное сосуществование как различных социальных сил, так и отдельных индивидумов. Соотношение внутренней независимости человека и его подотчетности Богу с приятием принципа светской власти обеспечивает устойчивый баланс между свободой и порядком, между требованиями личной и общественной жизни. И когда один из элементов этого баланса разрушается,

человеческая жизнь оказывается ввергнутой либо в тяжкий кошмар деспотии и диктатуры, либо в беспредельность анархии и беззакония.

Христианский взгляд на власть, базирующийся на принципе законопослушания при сохранении внутренней свободы человеческой личности, есть ключ к устройению общественных отношений на единственно разумных и справедливых основаниях, освященных Божественным авторитетом.

Страстная неделя. Предсказание о разрушении Иерусалима и кончине мира

Каждый день Страстной недели, последней в жизни Иисуса Христа, отмечен каким-нибудь особенным, важным событием. Начальные три дня недели Господь учил в Иерусалиме, обращая Свои бессмертные слова к народу и ко властям иудейским.

В первый день Господь, указуя на римский динарий, учил о необходимости воздавать кесарево кесарю, а Божие — Богу.

Во второй день Спаситель, адресуясь к правителям иудейского народа — фарисеям и книжникам, грозно осудил их лицемерие. Слово Господа было исполнено такой силы и гнева, что иудейское общество испытало настоящее потрясение. Христос уподобил вождей фарисеев *«окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты»* (Мф. 23: 27).

Обличая власть имущих, Господь судил о лицемерии как о наиболее отвратительном свойстве дурного правления. Ибо лицемерие есть греховное расхождение между словами и делами; применительно к власти — это обман народа. Лицемерие чревато самыми губительными последствиями как для общественной, так и для частной жизни людей. Вот почему так негодовал Иисус против порока власти книжников и фарисеев.

Во вторник произошло и другое важное событие:

«...Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24: 1–2).

Можно представить себе, какое удивление и смятение вызвали эти слова у учеников. Благоденствующий столичный город, грандиозное сооружение храма — главной святыни еврейского народа, и вдруг Учитель возвещает нечто непонятное и страшное: разрушение и запустение всего, что ныне они зрят в расцвете и непоколебимости. Но не прошло и сорока лет, как предсказанное Спасителем совершилось в полной мере. При императоре Тите римские легионы вошли в Иерусалим и до основания разрушили его. А около 130 года, при римском императоре Адриане, Иерусалим прекратил свое существование и был восстановлен уже как римский город под новым именем Элия Капитолина. Это удивительное исполнение пророчества Спасителя не может не вызвать доверия ко всему иному, что прорицает Он о грядущих временах.

Непосредственно вслед за предсказанием о разрушении Иерусалима Спаситель говорит о кончине мира: «Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец, ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24: 3–13).

Этими словами Господа нам сообщаются некоторые признаки конца истории и Его страшного и славного Второго Пришествия.

Итак, прежде всего явятся лжехристы и лжепророки, которые под видом религиозного учения станут сеять ложь и совращать людей с пути истины, улавливая их души в тенета погибели. Появление таких лжеучителей будет

свидетельствовать об упадке нравственного состояния человеческого общества последних времен. Ибо если общество безразлично к истине, то наравне с нею оно готово принять и то, что ей враждебно. При этом общество, пребывающее в нравственном оскудении, будет считать своим долгом защиту любого, даже заведомо ошибочного и опасного учения, любой разрушительной доктрины.

Но нравственно здоровое общество отвергает ложь. Может ли человек, постоянно лгуший, делающий гадости ближним или иным способом вносящий дисгармонию в жизнь окружающих, найти свое место в нравственно здоровой среде? Конфликты с ним будут происходить прежде всего потому, что нравственно здоровая среда отторгает морально уродливое, ущербное, нечистое. То же и в обществе. Здоровое общество способно оттолкнуть от себя порочное начало, а нравственно больное принимает заведомые ложь и обман.

Затем умножатся *«войны и военные слухи»*, *«восстанет народ на народ, и царство на царство»*. Суть войны — уничтожение, разрушение, смерть, небытие. Война есть одно из максимальных выражений зла, горя и страдания. По всей вероятности, современникам Христа трудно было вообразить себе войну, в которой сражаются не армии, а целые народы. Но людям XXI века, знающим об ужасах двух мировых войн, это достаточно понятно. И для современного человека нет ничего невероятного в допущении возможности истребления всей цивилизации посредством оружия массового уничтожения.

Также умножатся голод и мор — то есть произойдут массовые эпидемии. При каких же обстоятельствах эпидемия может стать глобальной катастрофой, угрожающей существованию человечества? В первую очередь в условиях экологической нестабильности, загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов и ослабления физического здоровья человека. Слушатели Христа и вообразить себе не могли, каких масштабов способны достичь голод и мор на земле. Но мы, вышедшие из XX века, наученные собственным печальным опытом, вполне отчетливо представляем, сколь велики могут быть страдания человечества, вызванные экологическими катастрофами. Все эти бедствия не зависят от воли человека, однако природный катаклизм может

быть приближен или удален — в зависимости от нравственного состояния человека.

Ведь когда мы загрязняем окружающую среду, разжигаем войны, лжем и упиваемся грехом, то утрачиваем присущее нам нравственное чувство. Человек обращается в зверя, которому все дозволено и который способен погубить не только себя, но и весь род людской. Именно поэтому и говорит Господь, что *«по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь»*.

Зло изменчиво и динамично, оно возрастает, развивается и совершенствуется, но его апогеем и высшей целью всегда остаются уничтожение, смерть, небытие личности, семьи, общества, государства, человеческой цивилизации. Зло не может быть побеждено при помощи зла — ни в масштабе всего мира, ни в масштабе отдельной личности. Как говорит преподобный Пимен Великий, «зло не уничтожает зла, но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтобы добрым делом уничтожить злобу». Единственной силой, что еще способна противостоять смертоносности зла, являются добро и любовь. Но если по причине торжества беззакония отступят и они, то злему началу не будет преграды и оно без сожаления истребит человеческую цивилизацию. И наступит конец.

Апостол Павел говорит: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2: 7).

Многие пытаются понять: что же такое *«удерживающий теперь»*? Слово Божие наделяет нас ясным пониманием того, что *«удерживающий»* есть добро, здоровое нравственное чувство, любовь, пребывающие в сердце человека.

Итак, все катаклизмы — предвестники конца света — имеют первопричину в человеческой личности. От нас зависит, приблизим мы конец света или отдадим его. Нравственное чувство, добро и любовь — вот неперемennые условия выживания нашей цивилизации. Об этом предостерегал и этому учил род человеческий Господь в последние дни Своей земной жизни.

Страстная неделя. Иисус Христос о Втором пришествии и Страшном суде

Во вторник на Страстной неделе Господь поведал Своим ученикам о грядущем разрушении Иерусалима и храма. В тот же день Иисус Христос свидетельствовал об обстоятельствах конца мира и о Своем Втором Страшном и Славном Пришествии. Это повествование мы находим, в частности, в Евангелии от Матфея:

«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их...

О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24: 29–31, 36).

Здесь мы опять встречаемся с грандиозной метафорой, приводящей на память соответствующие места из книги Бытия, рассказывающие о сотворении мира. В этих образах заключена конкретная религиозная истина о том, что конец века будет ознаменован явным, славным и устрашающим многих явлением Сына Человеческого, Господа нашего Иисуса Христа.

В этот же день Господь, обращаясь к ученикам и последователям, говорит о необходимости духовного приуготовления к этому событию. Конец мира потребует от многих усиленной внутренней работы и духовного бодрствования. Дабы люди

лучше усвоили эту истину, Спаситель рассказывает притчу о мудрых и неразумных девах, которые должны были встретить пришествие Жениха с возжженными светильниками в руках. И когда в полночь раздался глас, возвещающий о грядущем Женихе, пять мудрых дев вышли навстречу Ему с заранее приготовленными светильниками. А пять неразумных дев, у которых не оказалось на тот момент масла, стали просить его у мудрых. Но те отвечали: если дадим, неостанет ни нам, ни вам; пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда пошли они покупать, пришел Жених, и мудрые девы с горящими светильниками вошли с Ним на брачный пир, и двери чертога затворились. И пришли неразумные девы, и стучатся, и просят отворить им. Но отвечает им Жених: не знаю вас.

«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий», — изъясняет Господь притчу Свою (Мф. 25: 13).

Эта притча о десяти девах научает нас достойному приуготовлению себя не только ко Второму Пришествию Спасителя, но и к нашей собственной кончине. Ибо приход смерти и есть конец света для отдельного человека. Ведь о дне и часе том никто из смертных не ведает. Нам неизвестно, когда Господь призывает нас: случится ли это завтра, или через месяц, или через год, или через десятки лет. Разумеется, чисто теоретически мы можем рассчитывать на некую продолжительность своего пребывания на земле, но опыт постоянно указывает нам на то, сколь зыбки эти прогнозы. Болезнь или несчастный случай могут оборвать нить жизни в любой момент, застав нас врасплох. Поэтому мы должны быть всегда готовы к смерти. «Всегда ожидай, но не бойся смерти», — говорит святитель Иоанн Златоуст. «Не бойся смерти, но готовься к ней, проводя святую жизнь», — вторит ему святой Димитрий Ростовский. Если человек не помнит о смерти, не заботится о подготовке к ней, то кончина может застать его врасплох, и он вдруг окажется пред лицом Божиим подобно тем неразумным девам, что не удосужились запастись маслом, дабы возжечь светильник Жениху Небесному.

После смерти каждый из нас предстанет пред Господом, и о каждом будет вынесен частный суд. Но в конце истории Суду Божию предстанет весь род человеческий, и здесь будет явлена великая и абсолютная Божественная справедливость.

Господь свидетельствует об этом великом и страшном Судном дне: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25: 31–46).

Итак, что же ожидает нас в день Суда Божия? Спросит ли Господь о наших политических убеждениях? Или о положении, которое мы занимали в обществе? Или о наших профессиональных достижениях? Нет, не спросит. Ибо все, во имя чего живет человек и к чему он стремится: власть, карьера, деньги, общественное положение, имущество, — оказывается лишенным цены и значения пред лицом Божиим. Он спросит о тех малых по меркам мира сего, но великих для спасения души делах, которых мы по большей части так и не совершили.

Каждый из нас может уже нынче спросить себя: накормил ли я хоть единожды голодного? Напоил ли жаждущего? Одед нагого? Приютил ли странника? Посетил ли больного или узника? Тайна Страшного суда открыта нам Господом: никакой тайны нет! Ибо любой человек уже сейчас, во дни своей жизни, способен предвидеть ответ, который он получит в вечности от Бога. И каждый уже теперь может предвидеть свою загробную участь: сподобится ли он стать по правую руку Высшего Судии или вынужден будет занять место по левую руку. Если человек честен перед собой, если он способен оглядеть свою жизнь при свете христианской совести, то Божественное правосудие не станет для него неожиданностью.

Господь призывает нас помочь ближнему, претерпевающему горе и лишения. Мы же в круговерти собственных забот и эгоистических интересов зачастую и не замечаем страшных картин людского несчастья. Но между тем в силу своего человеческого призвания мы обязаны быть восприимчивыми к боли и страданию ближнего, а значит должны быть готовы протянуть другому руку помощи. В противном случае мы утрачиваем право именоваться людьми и рассчитывать на милосердие нашего Судии и Спасителя. И не к нам тогда будет обращено Его всепрощение: *«Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»* (Мф. 25: 34).

В настоящее время ввиду все возрастающей взаимозависимости людей, живущих в условиях современного общества, заповедь Божию о милосердии, оправдывающем человека на Страшном суде, следует понимать не только как имеющую отношение к нашим личным поступкам, но и в более широком социальном плане.

Именно поэтому наш общий долг как христиан, сограждан и соотечественников состоит в том, чтобы стремиться к такому общественному устройству, при котором не было бы нищих, голодных, скитальцев и обездоленных.

Чувствовать боль другого человека и действительно, участливо отзываться на нее — вот чего ожидает от нас Отец наш Небесный и вот о чем спросит Он нас на Своем Страшном и справедливом суде.

Страстная неделя. Предательство Иуды

В среду Страстной недели первосвященники, книжники и старейшины иудейского народа собрались во дворе дома первосвященника Каиафы, чтобы решить судьбу Иисуса Христа. И, как повествует евангелист Матфей, «положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе» (Мф. 26: 4–5).

Обязательным условием ареста Спасителя должна была быть скрытность. Старейшины понимали, что Иисуса нужно схватить в тот момент, когда вокруг не будет народа. Ведь всего три дня назад толпы людей восторженно встречали въезжавшего в Иерусалим Спасителя, восклицая «Осанна!» и постилая на пути Грядущего свои одежды. Дать повод к возмущению этого множества народа и восстановить его против себя представлялось заговорщикам делом опасным. Но чтобы схватить Спасителя скрытно, вдали от людских глаз, нужен был соучастник, который помог бы выбрать удачный момент для ареста, указал бы местопребывание Христа и привел бы к Нему воинов. Такой человек нашелся среди двенадцати учеников Спасителя, и был это Иуда по прозвищу Искарот.

Это имя ранее уже встречалось на страницах Евангелия. Об Иуде упоминает евангелист Иоанн в рассказе о том, как сестра Лазаря Мария в субботу накануне торжественного входа Спасителя в Иерусалим помазывала ноги Его драгоценным миром. Это вызвало возражение Иуды, заметившего, что лучше было бы продать драгоценную жидкость за 300 динариев, а деньги раздать нищим.

«Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор»», — замечает евангелист (Ин. 12: 6).

Евангелисты Матфей и Марк рассказывают об этом эпизоде несколько иначе. Они относят это событие не к субботе, предшествовавшей входу Господа в Иерусалим, а к среде Страстной недели и называют местом его совершения дом Симона прокаженного в Вифании. Но это разночтение не принципиально, ибо касается оно чисто внешних обстоятельств. По единодушному мнению исследователей Евангелия, во всех случаях речь идет об одном и том же событии. Правда, ни Матфей, ни Марк не называют по имени женщину, помазавшую Иисуса, и не уточняют, что это была Мария, сестра Лазаря. Важно другое: все три евангелиста говорят в связи с этим событием об Иуде Искарите. Причем Иоанн описывает недовольство Иуды помазанием Христа, а Матфей и Марк сообщают, что именно вслед за этим Иуда решился предать Учителя:

«Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искарот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф. 26: 14–16).

Совершенно очевидно, что между жертвой Марии и предательством Иуды существует связь, и она далеко не случайна. Ибо мироносица Мария и Иуда Искарот олицетворяют собою диаметрально противоположные взгляды на мир и человека, и примирить разделяющее их противоречие невозможно.

Мария символизирует религиозное восприятие жизни, средоточием которой являются Бог и надежда на Него. А Иуда — носитель обмирщенного, безрелигиозного сознания, поставляющего во главу угла деньги, власть и силу человеческую. Всецело принадлежа по складу своей натуры к этому безблагодатному миру, Иуда оказался среди учеников Спасителя случайно. Ибо он — обманщик и лицемер, «раб и льстец». Все свои помыслы и вожделения Иуда сосредоточил на доверенном ему общиной Христовых учеников денежном ящике, *«потому что был вор»*. Однако пришло время, когда похититель братской казны оказался не в силах долее скрывать свою внутреннюю сущность, столь отличную от духовного облика

Спасителя и его последователей. И потому образ благоговейной женщины, возлившей миро на ноги Иисуса и отершей их своими волосами, стал, возможно, последней каплей, исполнившей меру терпения двуличного Иуды. Ибо «вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати» (Лк. 22: 3).

Он порывает с миром чуждых ему людей, отправляется к врагам Спасителя и предает им Его.

В среду Страстной недели, или, на языке церковного Устава, Страстной седмицы, в богослужении Православной Церкви воспоминаются оба они: и верная последовательница Иисуса Христа, возлившая миро на Спасителя, и христопродавец Иуда. В стихире, исполняемой на вечерне и утрене Страстной среды, образно противопоставляются эти два человеческих начала, два типа личности, два мировидения. Русский перевод этой стихире звучит так:

«Когда грешная принесла миро, тогда ученик соглашался с беззаконными.

Она радовалась, истощая миро многоценное, а он спешил продать Бесценного.

Она познавала Владыку, а этот от Владыки разлучился».

Итак, одна обрела освобождение во Христе, а другой поработил себя диаволу. Высшая свобода — независимость от греха — достигается через жертву и любовь к Богу. А предательством и изменой отдают себя во власть злой силе.

В основе предательства лежит обман, и потому оно есть крайнее воплощение лжи и двоедушия. Кроме того, предательство есть форма, которая самым точным образом отражает существо лжи. Ибо ложь нередко воспринимают как вполне безобидное, обыденное явление, не причиняющее ближним ни особого вреда, ни тем более страданий. Это говорит только о том, что лицемерие и неправда способны маскироваться едва ли не под добродетель, тщательно скрывая яд, которым они отравляют отношения людей. Но если довести обман до логического конца, то исход всегда будет ужасен. Ибо неизбежным следствием лжи становится предательство, всегда связанное с трагедией, болью и мучением.

Именно через предательство человек способен осознать весь ужас обмана и лжи. И именно в акте предательства

беспощадно совлекаются со лжи, обмана и лицемерия удобные покровы, заботливо сотканые человеком для наилучшего сокрытия истины. Ложь разъедает отношения между мужем и женой, между детьми и родителями. То же происходит в политике, экономике, общественной жизни. Ложь и лицемерие стали едва ли не нормой жизни, многие из нас не только притерпелись к этому бесконечному круговороту неправды, но и оказались сами вовлеченными в него, соучаствуя в привычных ритуалах лицемерия и неправды. Но вдруг совершается предательство: мужа или жены, детей или родителей, друга или сослуживца. Как это больно ранит! Какие страдания приносит! Ведь предать может только тот, с кем вы чувствуете себя связанным, к кому испытываете чувство доверия, ибо враждебные по отношению к вам действия людей, от вас далеких, предательством не назовешь.

Но и без подобных болезненных вразумлений христианин должен понимать, что ложь и двуличие греховны. А грех по определению не может быть благим, ибо он — воплощенное зло. И, быть может, для нашего духовного здоровья было бы лучше, если бы грех являлся нам открыто, не утаивая своей сути, враждебной нашему спасению.

Не случайно именно через предательство обнаружилась пружина драмы, разыгравшейся в Иерусалиме на Страстной неделе, когда зло вступило в схватку с добром, когда диавол бросил вызов Богу. И все проявления злого начала: гордыня и тщеславие, лицемерие и обман, трусость и предательство, сребролюбие и неблагодарность — соединились в усилиях тех, кто хотел погубить Спасителя.

Приблизились дни ветхозаветной Пасхи — последней в земной жизни Господа Иисуса Христа...

Страстная неделя. Великий четверг

Подошло время ветхозаветной Пасхи, которая отмечается в воспоминание Исхода евреев из Египта. Центральным событием празднования является *седер* — особая ритуальная трапеза, во время которой вкушают запеченного на углях агнца, пресный хлеб и горькие травы. Бесквасные хлебы, или опресноки, служат у иудеев напоминанием о той спешности, с которой евреи некогда покидали Египет. Горькие травы на пасхальном столе были призваны воскресить воспоминание о жестоких страданиях рабства и жизни в изгнании. За трапезой полагалось испить две чаши вина: одно возлияние совершалось при начале празднования, другое — в конце. Торжество завершалось пением особых псалмов, содержащих благодарение Богу. Благословлял трапезу глава семейства.

В тот год начало Пасхи совпало с пятницей. По обыкновению ритуальную пасхальную трапезу евреи совершали накануне вечером. Последовал этому обычаю и Господь со Своими учениками. Об этом, в частности, повествует евангелист Лука:

«Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца, и послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он, и скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он

покажет вам горницу большую устланную; там приготовьте. Они пошли, и нашли, как сказал им, и приготовили пасху» (Лк. 22: 7–13).

О пасхальной трапезе Господа с учениками рассказывают все четыре евангелиста. Однако свидетельство Иоанна отличается от синоптических текстов описанием того, что произошло перед трапезой. При начале пасхального застолья Господь, Которому как возглавителю трапезы надлежало благовествовать о событии праздника и произносить благодарение над хлебом и вином, совершил в нарушение традиции то, что обыкновенно делали рабы или слуги: стал умывать ноги сотрапезникам. Когда же Спаситель дошел до Петра, тот в растерянности и смущении духа воскликнул:

«Тебе ли умывать мои ноги?» И отвечал ему Господь: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих век. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все».

И замечает евангелист Иоанн:

«Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты» (Ин. 13: 6–10, 11).

Деяние, которое благоизволил совершить Иисус, исполнено глубокого смысла. Спаситель явил Своим ученикам величайший пример смирения. По словам преподобного Филофея Синайского, «Господь наш Иисус Христос, Бог непостижимый и неизреченный, в продолжение всей Своей жизни по плоти был облечен в смирение». Особенно это проявилось в последние дни Его земной жизни: со смирением вступил Он в Иерусалим, «сидя на молодом осле» (Ин. 12: 15), со смирением воспринял предательство Иуды, со смирением умыл ноги ученикам, со смирением переносил клевету и поругания, со смирением взошел на Крест и умер за грехи людей.

Умыв ноги ученикам, Господь заповедал подражать Ему:

«Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите,

ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13: 12–15).

Урок смирения, который Господь преподавал Своим ученикам, свидетельствует, в частности, о том, что всякий труд во имя и во благо другого человека отмечен благословением Божиим и нравственно оправдан.

В представлении людей, недостаточно сведущих в христианском учении, живет предрассудок о престижных и не-престижных профессиях. Работа в банке или в большой науке, по их мнению, есть дело почтенное, а вот быть уборщицей или дворником непрестижно. Господь, умывший ноги ученикам, показал, что любое деяние, обращенное ко благу ближнего, имеет собственный и несомненный нравственный смысл. Господь явил миру пример смирения, которое есть вовсе не признак слабости, но проявление великой внутренней силы и способности человека сместить свое «эго» с центрального места собственной жизни к ее периферии, уступив главенствующее положение ближнему.

Это также и готовность обуздать свои страсти и инстинкты, стремления и желания во имя другого человека. Как не хватает нам этих качеств, столь необходимых в повседневной жизни! Ведь большинство семейных и общественных конфликтов, которые умножают боль, печаль и страдание людские, возникают и расширяются только потому, что не находится человека, исполненного духа христианской кротости, готового, переступив через себя, сделать первый шаг к примирению.

Происходит на пасхальной трапезе и еще нечто весьма значительное. Евангелист Иоанн повествует об этом так:

«Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув

кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (Ин. 13: 21–30).

Порождение духа тьмы и мрака, Иуда вышел в ночь для того, чтобы предать Спасителя.

Страстная неделя. Тайная вечеря

Агнец, которого вкушали иудеи за своей пасхальной трапезой, был двуединой жертвой Богу: благодарственной — за избавление от египетского рабства и просительной — в умилоствление за грехи народа.

Принцип жертвы исходит из прекрасной способности человека отдавать что-то другому, дарить или добровольно уступать. Древние приносили жертву Богу в благодарность за Его благодеяния: за хороший урожай, за удачное путешествие или за рождение первенца. Но жертва приносилась также и в умилоствление за грех, ибо преступивший закон испытывал потребность в получении прощения от Бога и жертвовал Ему в знак своего раскаяния.

О ветхозаветной жертве мы узнаем буквально с первых страниц Библии. Так, дети первых людей, Каин и Авель, приносят Богу плоды своих трудов и жертвенных животных.

Принося жертву, древние считали, что закалаемое животное становится собственностью Бога, и потому прикосновение к этой жертве, а тем более ее вкушение означало для них вхождение в непосредственное общение с Богом. В центре еврейской Пасхи — воспоминание о том, как Бог повелел принести Ему в жертву перворожденных агнят в день Исхода израильтян из Египта. Кровью жертвенных агнцев сынам Авраамовым надлежало помазать дверные косяки своих домов, дабы карающий Ангел Господень, истреблявший египетских первенцев, обошел эти жилища стороной. В память об этом событии была учреждена еврейская пасхальная трапеза. И потому в праздник Пасхи каждая благо-

честивая иудейская семья отправлялась в Иерусалим для того, чтобы принести в храм ягненка без изъянов, не моложе восьми дней и не старше трех лет. Священники закалывали жертвенное животное, не сокрушив ни единой кости, а затем проливали его кровь вокруг жертвенника. Приносимого агнца зажаривали на огне, а некоторые части сжигали на самом жертвеннике. Мясо же отдавали тому, кто приносил жертву. С этим освященным агнцем древние иудеи возвращались в свои дома и торжественно вкушали его за пасхальной трапезой.

Спаситель, совершая Пасху в обществе учеников, дважды отошел от принятого ритуала: когда смиренно умыл ноги ученикам Своим и когда вложил совершенно новый смысл в те благословения, которые традиционно произносились перед вкушением хлеба и вина. Взяв в руки хлеб и подавая его ученикам, Господь произнес удивительные слова: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф. 26: 26. См. также: Мк. 14: 22, Лк. 22: 19).

А в заключение вечера, когда полагалось испить последнюю чашу, над которой также должно было произноситься традиционное благословение, Спаситель вновь отступил от всем известного обычая и, взяв чашу, произнес: «Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26: 27–28. См. также: Мк. 14: 23–24, Лк. 22: 20).

Эти таинственные слова Спасителя означали, что Он есть Агнец, Пасхальная Жертва Богу. Он — «новая Пасха», как говорится в одном замечательном предпасхальном православном молитвословии. Он — Жертва Живая, Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира.

Действие Спасителя за этой пасхальной вечерей было таинственным, до конца не понятым учениками. Поэтому в христианском Предании эта трапеза и именуется Тайной вечерей. Но, вероятно, таинство, впервые совершившееся на глазах учеников, помогло им уяснить смысл слов, сказанных Иисусом ровно год назад, во время Пасхи в Галилее: «Я есмь хлеб, сшедший с небес... Ядуший Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя

истинно есть питание. *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем*» (Ин. 6: 41, 54–56).

То, что тогда представлялось ученикам загадочным и непонятным, ныне обрело великий смысл. Им открылось, каким образом они могут вкушать Тело и Кровь Христовы и какое значение заключено в этом приобщении. Ведь Иисус есть Агнец, приносимый в жертву, и, следовательно, всякий, желающий соединения с Богом, должен принять благословенные Тело и Кровь Агнца. Однако совершенно очевидно, что вкушать плоть и кровь человеческую невозможно. Благословив на Тайной вечере хлеб и вино, Господь провозглашает, что этот Хлеб и это Вино суть Его Тело и Его Кровь. Тем самым Спаситель свидетельствует, что вкусивший их подлинно приобщается Его Тела и Его Крови, соединяясь с жертвой, которую Он совершил. А вкушающий жертвенное соединяется с Богом. Значит, вкушение Хлеба и Вина, благословленных Иисусом на Тайной вечере, означало для Его учеников вкушение жертвенного. И через это вкушение — соединение со Христом, Господом и Богом.

В Евангелии от Луки мы встречаем слова, которых не находим в соответствующих текстах евангелистов Марка и Матфея. Благословив хлеб, Господь, обращаясь к ученикам, говорит: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22: 19).

Это означает, что Таинство Тела и Крови, совершенное в Сионской горнице Христом, не должно было остаться единичным событием. Этому таинству надлежало продолжиться в истории, и совершать его должны были апостолы, участвовавшие в Тайной вечере и призванные «*сие творить в воспоминание*» Спасителя.

Дальнейшее совершение Таинства будет означать, что всякое новое поколение людей сможет приобщаться спасительных Тела и Крови Господа, единожды принесшего Себя в жертву за грехи мира. Через это приобщение обновляющееся человечество во все времена получит возможность соучаствовать в жертве Спасителя, как соучаствовали в ней святые апостолы в четверг Тайной вечери. Поэтому Церковь Христова свидетельствует и утверждает, что в Свою последнюю Пасху Господь совершил не единичный акт освящения хлеба и вина, но установил Таинство, которому было назначено

продолжаться в истории и служить приобщению людей великой Жертве Спасения. В Церкви это приобщение именуется Евхаристией (Благодарением) — Таинством Святого Причащения, которое, по словам преподобного Исидора Пелусиота, «дарует нам единение со Христом и делает нас соучастниками Царства Его».

Страстная неделя.

Прощальная беседа с учениками

В конце пасхальной трапезы, совершенной Спасителем вместе с учениками, произошел эпизод, по-разному описанный четырьмя евангелистами. В ответ на пламенное изъявление апостолом Петром готовности следовать за Христом даже до смерти Господь предсказывает его скорое отречение: *«Душу твою за Меня положишь? — переспрашивает Учитель. — Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды»* (Ин. 13: 38. См. также: Мф. 26: 34, Мк. 14: 30, Лк. 22: 34).

Видимо, Петру и остальным апостолам было непросто понять, о чем говорил Иисус. Но Спаситель духом прозревал трагедию грядущей ночи, отмеченной в том числе и предательством Петра.

После трапезы Иисус со Своими учениками направился на гору Елеонскую, или, по-русски, Масличную гору, расположенную в предместье Иерусалима, за Кедронским потоком.

Название горы объясняется тем, что на ее склонах произрастали масличные деревья — оливы, сохранившиеся там до сих пор, причем возраст некоторых из них превышает две тысячи лет. Во времена жизни Спасителя у подножия горы был большой масличный сад, именуемый Гефсиманским. В его тиши Господь любил отдыхать вместе со Своими учениками, когда бывал в Иерусалиме. Не стала исключением и Страстная неделя. В четверг вечером, после завершения пасхальной трапезы, Спаситель вновь отправился на гору Елеонскую.

В отличие от других евангелистов Иоанн Богослов не только рассказывает о событиях четверга Страстной недели,

но и подробно повествует о прощальной беседе Спасителя с учениками. Эта беседа началась в Сионской горнице, где состоялась Тайная вечеря, а закончилась на берегу Кедронского потока.

«Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем», — с этих слов начал Господь Свое последнее поучение ученикам (Ин. 13: 31).

Что есть Слава Божия и почему Свои страдания Спаситель связывает с явлением Божией Славы? Что лежит в основе этих страданий? Почему Бог принимает образ человеческий, соединяясь со страданиями мира, и Сам становится жертвой зла? Почему Бог благоволит принять на Себя уничижение и страдание человеческое? Ответ на все эти вопросы будет один: Им движет сила любви к роду человеческому, и потому явление Божией Славы есть знак любви Творца к творению.

Потому, возвестив о приходе часа Его Славы, Господь переходит к теме любви. Обращаясь к ученикам, Он говорит: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13: 34–35).

В буквальном смысле слова это не новая заповедь, и последователям Иисуса об этом было известно. Ибо еще в Ветхом Завете Господь говорил: *«Люби ближнего твоего, как самого себя»* (Лев. 19: 18).

Но Спаситель называет эту заповедь новой потому, что Он полагает ее краеугольным камнем в основу всей системы нравственных и духовных законов, по которым должно жить человечество. Взаимная любовь есть наиболее важная и характерная черта, призванная отличать христианина от иного человека. Однако каждому известно, сколь непросто любить той любовью, к которой призывает нас Господь. Нам трудно дается любовь даже к самым близким, родным людям, не говоря уже о дальних и чужих. Когда все хорошо и нет проблем, любить близкого человека не составляет труда. Но стоит начаться череде неудач, болезней и испытаний, как наша любовь оказывается поколеблена, а то и разрушена этими внешними обстоятельствами жизни. Для того чтобы любить истинно, нужно обладать огромной внутренней

силой. Откуда же ее черпать? Помогая ученикам найти ответ на этот вопрос, Спаситель говорит: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте» (Ин. 14: 1).

Так Господь сопрягает нравственное требование любви к ближнему с верой в Бога.

Нередко люди этой связи между нравственностью и верой не усматривают и не постигают. Они полагают, что нравственность может существовать независимо от религии, и на устах у них всегда расхожий аргумент, согласно которому не обязательно веровать, чтобы быть хорошим человеком. И когда Церковь настаивает на существовании органической связи между верой в Бога и нравственностью, то такая проповедь нередко отвергается с порога. И тому есть свое объяснение, ибо в словах о природной нравственности, способной обходиться без религии, имеется доля правды. Нравственное начало, вложенное Богом нам в душу, есть часть нашего существа, нечто изначально присущее роду человеческому. В самом деле, как бы ни был человек убежден в том, что иногда убийство является неизбежным и морально оправданным, все равно лишаящий жизни подобного себе почти всегда будет испытывать угрызения совести.

Человек имеет зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. И точно так же по своей природе он способен отличать добро от зла, то есть обладает врожденной нравственностью, которая по видимости представляется не зависящей от его веры или неверия. Но как «простая пятерика» наших физических чувств однажды может частично или полностью утратить остроту восприятия, точно так же может притупиться и деградировать врожденное нравственное чувство человека. Более того, подобное происходит много легче и незаметнее, чем ослабление физического чувствования. Стоит человеку убедить себя раз, другой и третий в том, что он поступает правильно, несмотря на то что голос совести твердит ему обратное, и нравственное чувство постепенно начнет сходить на нет. А вот вера как раз является тем защитным механизмом, который позволяет человеку при всех обстоятельствах сохранить остроту нравственного чувства.

Итак, вера есть неременное условие сохранения как нравственного чувства, так и способности любить другого человека.

И потому если любовь исчезает из нашей жизни, если мы оказываемся неспособными протянуть руку другому человеку или раскрыть перед ним свое сердце, это означает, что вера покидает нас. Господь накануне Своих страданий помогает апостолам, а через них и нам уразуметь, что счастье любить другого человека в полной мере становится возможным тогда, когда мы верим в Бога и Бога принимаем в свое сердце.

* * *

Итак, вера в Бога обеспечивает жизнеспособность нравственного чувства. Если взглянуть на историю рода человеческого, то окажется, что в череде прошедших поколений люди безрелигиозные составляют абсолютное меньшинство. Остальные же веруют. В мире существует большое число различных религий.

Вопрос об истинном веровании волнует многих: и тех, кто только прикасается к религии, и тех, кто уже живет по законам веры. Есть ли у нас, христиан, основание настаивать на том, что наша вера истинная и спасительная? Да, и оно содержится в прощальной беседе Спасителя с учениками, во время которой Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 6).

В этих словах содержится ответ на вопрос об истинной вере. Если Христос являет Собой Путь, Истину и Жизнь, если никто не может прийти к Отцу иначе, как только через Сына, то, следовательно, Он и есть подлежащий нам истинный путь к Богу. И потому ответ верующего христианина на вопрос о других религиях должен заключаться в следующем. Мы не знаем и не можем сказать, приводят другие религии человека к Богу или нет, ибо от нас это сокрыто и об этом будет судить Сам Бог. Но мы знаем точно, что Господь Иисус Христос есть Путь, Истина и Жизнь, и Он дарует людям возможность войти в общение с Отцом Небесным. Но почему именно Иисусом Христом приходим мы к Царствию Божию? Ответ содержится в прощальной беседе Спасителя с учениками:

«Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему:

столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам» (Ин. 14: 7–11).

Удивительное откровение! Господь столь определенно свидетельствует о том, что Он и Отец — одно, что Сын имеет ту же природу, что и Отец. Но ведь Отец — Бог. Значит, Сын Божий и Сын Человеческий, Господь Иисус Христос един по Божественной природе с Отцом, то есть Он единосущен Отцу. Апостол Павел в Послании к Колоссянам, касаясь темы единосущия Отца и Сына, свидетельствует, говоря о Спасителе, что *«в Нем обитает вся полнота Божества телесно»* (Кол. 2: 9). И поскольку Христос есть Бог, то вера в Него и общение с Ним суть подлинная вера и истинное Богообщение. Путь, который указывает Спаситель, есть путь к Богу.

Что означает на практике истинная вера и чем она отличается от веры неистинной? В Евангелии от Иоанна приводится изъяснение Господом истинной веры и ее спасительных для человека плодов: *«И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю»* (Ин. 14: 13–14).

Истинная вера разрушает преграду между Богом и человеком. Вступая в общение с Иисусом Христом, мы сообщаемся со Всемогущим Богом, Творцом Вселенной. И в ответ на наши молитвы и прошения Он нам подает то, в чем мы нуждаемся.

«Все возможно верующему», — говорит Господь в другом месте (Мк. 9: 23).

Ибо истинная вера благословляет человека полнотою общения с Богом. Дело Спасителя живо, и оно доньше облагораживает человечество. Ведь средостения между Небом и землей, разрушенного жертвенным подвигом Спасителя, более не существует. Единожды сочетавшись Своей Божественной природой с человечеством, Господь навсегда остается Бого-человеком. И Его Богочеловечество есть неиссякающая реальность нашего бытия. Пришествием Христовым началась

эпоха, отмеченная тесной связью и взаимодействием Бога с человеком. Но и после того, как Спаситель физически покинул здешний мир, тот не осиротел без Божественной благодати, и возведенная приходом Господа во плоти новая эра не пресеклась. Но тогда каким образом осуществляется связь Неба и земли, Бога и человека после отшествия Христа?

«И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, *Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет*», — предвозвещает Господь (Ин. 14: 16–17).

Но что есть Дух истины? Каков Он и каково Его отношение к Богу Отцу и к Иисусу Христу? В прощальной беседе с учениками Господь как бы отвечает на эти вопросы:

«Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26).

Итак, Дух истины, обещанный миру Спасителем, есть не только Его дух, но и дух Отца. Более того: Дух Святой исходит только от Отца. Значит, Он обладает той же природой, что и Отец. Следовательно, Дух есть Бог. И Дух, посылаемый Сыном в мир от Отца, есть Дух Божественный. Исходящий от Отца Божественный Дух и будет свидетельствовать о Сыне.

«Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам», — говорит Господь (Ин. 14: 26).

Это означает, что свидетельство Духа о Сыне будет выражаться в научении. Дух Святой станет наставлять людей в том, что проповедовал Бог Сын. Дух Святой умудрял апостолов и евангелистов, вдохновлял их в работе над евангельскими текстами. Сведения об Иисусе Христе, полученные через евангелистов, мы полагаем непогрешимыми и безошибочными, ибо они Богодухновенны.

«Дух Святой через слово Божие действует в сердцах», — говорит святитель Тихон Задонский. Дух Святой научает и вразумляет нас Словом Божиим, но действует Он не только через Священное Писание. Он напоминает нам о Спасителе мира и иным образом, постоянно и многообразно. Это происходит в Церкви — в общине веры, где Святой Дух действует

в Таинствах, реально вводя верующих в соучастие всему, что совершил Христос ради нашего спасения.

Так через святую Евхаристию силою Святого Духа мы становимся сопричастниками жизни, страданий, смерти, Воскресения, Вознесения, «на небесах седения, Второго и страшного паки Пришествия» Господа Спасителя, как говорится об этом в молитве Иоанна Златоуста, читаемой во время совершения Евхаристии.

Дух Святой научает нас и напоминает нам (Ин. 14: 26), но не ментально, не на уровне сознания и памяти, а таинственно вводя нас во вневременную реальность. В Таинстве святой Евхаристии мы, мистически и духовно преодолевая пространство и время, прикасаемся к этой реальности, становимся созерцателями Божия Царства. Именно поэтому Божественная литургия, богослужение святой Евхаристии, начинается возгласом священника: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...» В этом действии Святого Духа открывается нам Истина — не только своей рациональной стороной, через слушание Слова Божия, но опытно, через соединение со Христом в Таинстве Причащения, через соприкосновение с реальностью Царства Божия.

Именно это и предвозвещал Господь Своим ученикам в прощальной беседе: «Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин. 16: 13).

* * *

Итак, в прощальной беседе Спасителя с учениками содержится новозаветное учение о Боге-Троице, Едином по существу и Троичном в Лицах.

Здесь же Спаситель изъясняет, что Дух Святой исходит от Отца и, следовательно, имеет ту же Божественную природу. Именно Дух Святой должен был по отшествии Христа наставлять учеников в Истине. Причем, замечает Господь, действие Истины в Святом Духе окажется во благовремении еще более плодотворным, нежели проповедь, которую Иисус вынужденно сообразовывал с готовностью и способностью учеников

воспринимать ее: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16: 12).

Ибо обращенные к ним слова Спасителя ученики воспринимают пока еще с долей сомнения, с колебаниями, с недостаточной верой. Однако Дух Святой будет преподавать человеку Истину таким образом, что она станет усваиваться не только рационально, в силу ее умопостигаемости и убедительности, но и действием Духа Святого на самое естество человеческое.

В прощальной беседе с учениками Господь не только обновляет понимание ветхозаветной заповеди о любви к ближнему, подчеркивая ее главенство и особое место среди других нравственных законов, но и придает новое звучание и смысл еще одной важной ветхозаветной заповеди: о любви к Богу. Древние знали заповедь: «*Люби Господа, Бога твоего*» (Втор. 6: 5).

Обращаясь к ученикам, Господь так изъясняет смысл любви к Богу: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. *Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца*» (Ин. 14: 21, 23–24).

Так заповедь о любви человека к Богу перестает быть абстракцией и отвлеченным понятием, наполняясь конкретным и спасительным для человека смыслом.

В самом деле, можно ли возлюбить то, чего не видишь и даже не способен вообразить и что вдобавок превосходит меру человеческого разума? Как можно испытать эмоциональную привязанность к первопричине мира? Ведь бытие Божие несоизмеримо с бытием человеческим. В прощальной беседе с учениками Спаситель говорит о том, каким образом возможно достигнуть любви к Богу. Человеку не дано возлюбить неведомого и непостижимого Творца. Но он способен познать и возлюбить Богочеловеческую личность воплотившегося Господа нашего Иисуса Христа. К этому призывает Иисус Своих учеников, а вслед за ними всех нас. Но эта любовь ко Христу есть не толькоместилище лучших чувств, на которые мы способны. Она может и должна действительно являть себя на уровне нашей воли при совершении дел добра,

милосердия и справедливости. «Если любите Меня, — говорит Господь, — *соблюдайте Мои заповеди*» (Ин. 14: 15). Любовь ко Господу есть добро, совершаемое человеком во имя Божие. И это добро открывает нам дверь в мир Божией любви: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим» (Ин. 14: 21).

Когда любовь испытывает только один, это любовь несчастная. Счастливая любовь всегда взаимна. Любовь к Богу не может быть безответной и несчастливой. Бог любит нас, эта взаимная любовь Бога и человека производит в нас великое изменение — мы становимся способными принять Бога в свое сердце и таким образом соединиться с Ним.

«...и Мы придем к нему и обитель у него сотворим», — говорит Иисус Христос о таком человеке (Ин. 14: 23).

Мы — это Отец, и Сын, и Святой Дух. Они придут к возлюбившему Христа и сотворят в нем обитель. Таким образом, любовь к Богу через Иисуса Христа преобразует характер отношений человека с его Творцом. Об этом говорит евангелист Иоанн: если ты любишь Бога и выражаешь эту любовь в конкретных делах, а Бог отвечает тебе любовью и приходит и творит в твоём сердце Свою обитель, соединяясь с тобой, то кто же ты Богу после всего этого?

«Вы друзья Мои, — говорит Господь ученикам в прощальной беседе, — если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 14–15).

Итак, наша любовь ко Христу и ответная любовь Бога к нам обнаруживает себя как в сфере чувств, так и на уровне воли человека, призывая его к исполнению заповедей Божиих. Увенчанием этой любви становится соединение Бога с человеком, который перестает быть рабом, но становится другом Божиим, существом, близким к Богу.

Прощальная беседа Спасителя с учениками рисует нам новую картину бытия, где человек — не песчинка в мироздании, но возлюбленное творение Божие, с которым Творец способен находиться в тесном общении и взаимодействии.

Это единство достигается и соучастием людей в спасительной жертве, принесенной Христом. Вкушая жертвенно-го Агнца, то есть приобщаясь Тела и Крови Спасителя, мы

соединяемся с Ним, а через Него — с полнотой Божества. Любовь, исполнение Божественных заповедей, причащение Тела и Крови Спасителя вводят человека в общение с Богом, в тайнобытие Святой Троицы. Образ единения в любви Бога и человека рисует Спаситель в прощальной беседе с учениками, когда говорит о Себе как о виноградной лозе, а об учениках и последователях — как о ветвях на ней:

«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками» (Ин. 15: 4–8).

Господь в Своих поучениях неоднократно прибегал к образу виноградаря. Единство и взаимодействие лозы и ветвей в словах Спасителя являют образ единства Христа и верующего. Ветвь живет и плодоносит только тогда, когда сохраняет связь с лозой. Оторванная ветвь лишается источника жизни, перестает плодоносить и засыхает. Не только полнота человеческого бытия и способность приносить немнимые, а реальные плоды, но и сама жизнь зависят от Бога, источника жизни и творчества.

Удивительное замечание находим мы в прощальной беседе Спасителя с учениками: *«Без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15: 5).

Эти простые и бесконечно значительные слова следовало бы повсюду выбить золотыми буквами на самых видных местах, дабы люди всегда имели их перед глазами — и задумывались. Ибо жизнь без Бога обращается в бессмысленную суету, дурную круговорот, бег на месте, в которых человек утрачивает жизненные ориентиры и представление об Истине, второстепенное принимая за главное, а главное навсегда теряя из виду.

Страстная неделя. Первосвященническая молитва

Единство человека с Богом и людей друг с другом — главная тема прощальной беседы Спасителя с учениками. Здесь Господь формулирует идеал новой системы отношений людей между собой и со своим Творцом, поставляя в основу всего любовь и единение.

Но насколько трудно представить себе эту картину в реальности! В нашем мире так много зла, конфликтов, противоборства, обмана и ненависти, что заповедь Спасителя о любви и единстве кажется невыполнимой. Разве могут соединиться ненависть и любовь, добро и зло? Ведь стоит этим антиподам войти в соприкосновение, как между ними разгорается борьба. Зло как агрессивное начало пытается подчинить себе добро, ненависть — посрамить любовь, вражда — подорвать единство.

Господь предвидел, с чем придется столкнуться Его ученикам и последователям. Он знал, что дьявольская сила злобы, разлитая в нашем мире, станет утеснять и гнать тех, кто осмелится проповедовать новый, Богом возвещенный строй жизни. И потому говорил Христос ученикам:

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир...

Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15: 18–19, 20).

«Малому стаду» учеников Христовых предстоит нелегкая жизнь. Любовь и правду, единство и милосердие непросто

утвердить как основу человеческих взаимоотношений в мире, где сильный господствует над слабым, где соперничество, ожесточение и ложь правят людьми.

«В мире будете иметь скорбь», — предрекает Спаситель ученикам. И тут же ободряет их: «Но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16: 33).

Как замечательно это сказано! Эти слова обращены к апостолам, но ведь и мы тоже ученики Спасителя, а значит, Он адресует их и нам. И это означает, что жизнь по закону Божию всегда увенчивается победой. Жизнь с Богом — это удавшаяся жизнь, вне зависимости от того, насколько успешными кажутся внешние обстоятельства такой жизни.

После завершения прощальной беседы Господь вошел в Гефсиманский сад и сотворил там Свою молитву к Богу Отцу. В христианской традиции эта молитва получила название Первосвященнической, ибо Господь произнес ее, готовясь принести Самого Себя в жертву. В древности же слово «священник» (по-гречески «иеревс») означало того, кто приносил жертву. Поэтому, будучи в одном лице и Жертвой, и Приносителем Жертвы, Господь молится как Первосвященник.

Первосвященническая молитва — высшая точка всей Евангельской проповеди Христа. Все богатство христианского Откровения, вся глубина Новозаветной Истины здесь сконцентрированы в нескольких словах. В чем смысл жизни и тайна бытия? Судьба каждого человека зависит от того, как отвечает он на эти вопросы. И от того, насколько верны или ошибочны ответы, зависит само существование личности. Да не только личности, но, по большому счету, и судьба всей человеческой цивилизации. Словами Первосвященнической молитвы Господь утверждает, что смысл бытия — в вечной жизни. Приняв эту истину, каждый человек должен в соответствии с нею определить цель своего земного существования. Такой целью не может стать нечто преходящее и необязательное. Подлинной целью человеческого бытия должно быть то, что открывает жизнь вечную.

«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17: 3).

В этих немногих словах заключена вся полнота Нового Завета, весь смысл истинно религиозного взгляда на жизнь.

Жизнь вечна, она не исчерпывается временным земным бытием. Чтобы войти в эту жизнь, нужно знать Бога. А Бога узнать невозможно иначе, как через посланного Им Иисуса Христа. Через общение с Богом во Христе мы входим в жизнь вечную, достигаем подлинной и конечной цели бытия.

Христос молится об учениках, дабы они соделались носителями этой истины:

«Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (Ин. 17: 17–19).

Чтобы ученики приняли эту истину, Господь отдает Себя в жертву, посвящая Себя за Своих учеников, а через них — и за весь род человеческий.

Эта истина должна жить и действовать в учениках. А для этого необходимо единство. Иначе нельзя: ведь если ученики разделятся, то исчезнет любовь, а вместе с нею их покинет и истина. И потому молит Сын Отца: «Отче Святы́й! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17: 11).

Последнее означает, что ученики Христовы должны быть едины по образу Святой Троицы.

В центре молитвы — прошение о единстве учеников. Однако не только апостолы были призваны к единству, но и все последующие ученики и верующие во Иисуса Христа: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17: 20–21).

Если последователи Спасителя будут едины, то уверуют и прочие, и уверует весь мир.

Единство есть видимый образ любви. Нет единства — нет любви. А раз нет любви, этой высшей христианской ценности, то, значит, истина не усвоена полностью. И потому она не реализуется, не действует, не осуществляется в жизни так, как должна была бы осуществляться. Вот почему для последователей Христа столь важна и обязательна заповедь о единстве.

Призыв Спасителя о единстве и нераздельности Его духовного наследия обращен к каждому из нас, живущему

в условиях многократно расколотого христианского мира. Поэтому забота о достижении христианского единства — одна из важнейших обязанностей всякого члена Церкви, особенно же священнослужителей. По словам святителя Василия Великого, «искренно и истинно работающим для Господа надо о том единственно прилагать старание, чтобы привести опять к единству Церкви, так многократно между собой разделенные». Именно поэтому Святая Православная Церковь за каждым богослужением молится «о благостоянии Святых Божиих Церквей и о соединении всех».

Путь обретения единства труден. Он усеян множеством соблазнов, ошибок и заблуждений. Но это — та стезя, на которой только и возможно осуществление заповеди Спасителя о целостности Его наследия.

Молитва Спасителя в Гефсиманском саду

На протяжении предыдущих дней Страстной недели Спаситель ежевечерне уходил в Гефсиманский сад с учениками, ища отдохновения от трудов, уединения и молитвы. Но последнее пребывание Иисуса Христа в этом месте было особенным, и об этом повествуют все четыре Евангелия. Вот рассказ евангелиста Луки о молитве Спасителя в Гефсиманском саду:

«Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет...

И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22: 42, 44).

«Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его» (Лк. 22: 43).

«Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали и сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк. 22: 45–46).

Повествование Луки сосредоточено на внутреннем борении Спасителя и отличается от свидетельств Матфея и Марка, подчеркивающих проявление слабости учеников, которые оказались неспособными сопутствовать Христу до конца и разделить с Учителем предсмертную скорбь в последние часы Его земной жизни.

Евангелист Матфей повествует об этом так: «И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем

не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово. Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников» (Мф. 26: 37–45).

Трижды обращался Христос к ученикам Своим с просьбой бодрствовать и пребывать с Ним неотлучно в последние Его часы. Но ученики не справились с испытанием.

Особая важность этого повествования заключается в том, что нигде более читающий Евангелие не остается со Спасителем наедине. Ибо все иные события Нового Завета мы видим глазами апостолов. Но здесь они почивают, пока Спаситель остается наедине с Отцом. Этот евангельский текст являет нам Иисуса Христа в самый сокровенный момент Его земной жизни. Господь смертельно скорбит и молится до кровавого пота. В Нем нет страха перед грядущим страданием, но есть душевная мука, обнаруживающая человеческую природу Иисуса Христа.

В Гефсиманском саду Спаситель испытывает моральное страдание. Невинный и безгрешный, Он должен принять казнь и гибель за грехи мира. В истории известно немало случаев, когда человек жертвует собою ради других людей. Такие поступки называются героизмом и сохраняются в благодарной памяти поколений. Но жертва Спасителя и Его подвиг уникальны.

Мы видим Господа в тот момент, когда Он оставлен всеми. Ученики во власти сна, и никто не знает о том, что происходит в глубине Его души. Иисус обращается с молитвой к Богу Отцу: *«Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия»* (Мф. 26: 39).

Мы внимаем словам молитвы Спасителя, но не слышим ответа на нее. Евангелист Лука свидетельствует о явлении

ангела, посланного укрепить дух Иисуса, но слов ангела также не слышим. Чем же разрешается внутренний конфликт Богочеловека Иисуса Христа?

Как часто, проходя жизненные испытания, мы, подобно Спасителю, молимся: Господи, да минует нас чаша сия! Но дальнейших слов Иисуса, в которых находит разрешение Его внутренний конфликт, мы, к сожалению, почти никогда не повторяем: *«Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк. 22: 42).

Господь Иисус Христос, имея по плоти ограниченную человеческую природу, был подобен нам во всем, кроме единственного: Он не имел на Себе греха. Грех же есть отступление от воли Божией. Поэтому в определенном смысле боль и страдание, разлад и скорбь являются следствием греха и несовершенства помраченной грехом человеческой природы. Но Спаситель был безгрешен. И потому в момент, когда Его человеческая природа обнаружила свою слабость и ограниченность, Христос преодолевает этот внутренний конфликт, подчиняя Свое человеческое начало началу Божественному: *«Впрочем не как Я хочу, но как Ты»* (Мф. 26: 39). И скорбь отступила.

Господь приходит к ученикам и, застав их спящими, порицает за это. Но Он уже приготовил Себя к близким страданиям и смерти, преодолев естественную слабость и ограниченность своей человеческой природы. Моральные мучения оставили Его, ибо человеческая воля оказалась в подчинении воле Божественной.

Каждый из нас в течение жизни вступает в свой Гефсиманский сад и восходит на свою Голгофу. Разумеется, наши Гефсимания и Голгофа несоизмеримы с Господними, ибо испытания посылаются каждому по его силам. Нам приходится испытывать скорбь и страх, тоску, уныние и одиночество; может показаться, что наши страдания несправедливы, а люди не способны оценить то доброе, что мы ради них совершаем или готовы совершить.

Как помочь себе обрести гармонию духовного и материального, временного и вечного? Как преодолеть слабость своей человеческой природы? Только последовав примеру Господа, поручившего Себя в Гефсиманском саду мило-

сердию Отца Небесного и спасительному Промыслу Божию, произнеся с кротостию: *«Впрочем не как Я хочу, но как Ты»* (Мф. 26: 39).

И если мы научимся в самые трудные моменты жизни соизмерять свою волю с волей Божественной и подчинять свое человеческое начало началу Божественному, если научимся поступать так, как заповедал нам Господь, то всякий раз будем обретать внутреннюю гармонию и силу духа, как обрел их Спаситель, молясь в одиночестве и забвении в Гефсиманском саду.

Взятие Спасителя под стражу

Душевная скорбь Спасителя в канун Его телесных страданий доказывает, что в природе Иисуса наряду с Божественным началом неслиянно и нераздельно пребывало начало человеческое, какое имеет всякий земнородный. Человеческая природа вместе с духовной ее стороной, душою, была воспринята Спасителем от Матери Его Пресвятой Девы Марии.

В V веке появились еретики, ложно учившие, будто Христос не имел человеческой воли. Конечно, воля Божественная была определяющей в подвиге Спасителя, ею направлялись все поступки и деяния Иисуса Христа. Но Божество не поглотило в Спасителе человечество. Гефсиманское моление и последующие страдания Христовы свидетельствуют о Его человеческой природе, единосущной нашей. Однако Свою человеческую волю, угнетаемую страхом, скорбью и тоской, Иисус Христос подчиняет воле Божественной.

Гефсиманский подвиг Спасителя можно сравнить с событием Благовещения, когда Пресвятая Дева Мария от имени всего человеческого рода ответила согласием воле Божией. В Гефсимании происходит нечто подобное. Здесь в Спасителе являет себя человеческое начало в его целокупности и универсальности, ибо все люди — члены единой семьи и все связаны друг с другом. И от имени всех нас Человек по имени Иисус обращается к Отцу Небесному: *«Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк. 22: 42).

И Бог совершает дело человеческого спасения, принимаемого людьми через Иисуса Христа.

Закончив молитву, Господь в третий раз пришел к Своим ученикам и снова нашел их спящими. А в это время к Гефсимании уже приближалась толпа вооруженных людей, которых вел Иуда, отправший апостол.

«И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?..

И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть? В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же все было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали» (Мф. 26: 47–50, 51–56).

Итак, Спаситель предается в руки врагов, и в центре этой драмы — предательство Иуды.

Предательство выявляет потаенную лживость человека и связано с лицемерием. Предательство завоевывает и затем обманывает чужое доверие, и потому предатель всегда играет роль близкого человека, друга и союзника. Предатель — враг, но не всякий враг — предатель. Враг может бороться честно и действовать открыто, полагаясь на силу ума, мускулов или оружия. Но предатель всегда лжец и лицемер.

Иуда играет свою низкую роль до последнего. Отделившись от вооруженной толпы, готовой схватить Спасителя, он подходит ко Христу и целует Его. Целование — знак любви и человеческой близости — обращается Иудой в орудие предательства, печать измены и мету смерти: «Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф. 26: 48).

В ответ на предательство один из учеников — евангелист Иоанн уточняет, что это был Петр, — выхватив меч, отсекает

ухо рабу первосвященника, но Господь исцеляет раненого и повелевает ученику вложить меч в ножны.

При начале общественного служения Христа диавол соблазнял Господа, предлагая для успеха Его проповеди прибегнуть к внешней силе, к могуществу и к власти, но Христос отклонил эти искушения. Не искусился Он и в тот момент, когда враги пришли взять Его жизнь.

Арестованного Христа доставили во двор первосвященника Анны. Первосвященник, или главный священник Иерусалимского храма, приносил жертвы Богу, но, помимо исполнения чисто религиозно-духовной функции, в качестве главы иудейской общины был политическим лидером. Первосвященники сменялись каждый год, и обычно их было двое. Во времена Спасителя также было два первосвященника: Анна, старший по возрасту, и Каиафа. Действовавшим первосвященником был Каиафа, но Спасителя вначале привели к Анне.

Суд синедриона

Евангелисты Матфей, Марк и Лука сообщают, что после взятия Спасителя под стражу в Гефсиманском саду Его отводят в дом первосвященника Каиафы. Евангелист же Иоанн Богослов уточняет, что прежде этого Спасителя приводят в дом первосвященника Анны. Иоанн был знаком с Анной, что позволило ему вместе с апостолом Петром оказаться в доме первосвященника. Это и объясняет, почему только в Евангелии от Иоанна есть рассказ о допросе Иисуса Христа первосвященником Анной:

«Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе» (Ин. 18: 19–24).

В этом повествовании замечательно передано состояние духа Спасителя. Сколько спокойствия, достоинства и твердости в Его словах! Нет и тени робости, тревоги, смятения, а тем более — страха. Внутреннее душевное борение, в котором проявила себя человеческая составляющая природы Иисуса, осталось позади, в Гефсиманском саду. Господь вверяет Свою человеческую волю всемогущей и всеблагой воле Бога Отца, и это наполняет Спасителя огромной внутренней

силой. Христос предстает перед первосвященником во всеоружии самообладания и внутреннего покоя.

В Нагорной проповеди Господь являет миру нравственный манифест Своего учения, согласно которому главной добродетелью Его последователей должно стать смирение. Зримым образом этого смирения стала щека, подставленная под удар.

«Ударившему тебя по щеке подставь и другую», — говорит Господь (Лк. 6: 29).

Но что происходит на допросе у первосвященника Анны, когда слугитель ударяет Спасителя по щеке? Подставляет ли Он ударившему другую щеку? Нет, этого не происходит. И этот эпизод дает нам возможность лучше понять христианскую заповедь о подставленной щеке.

Подставленная щека есть образ и символ смирения как высочайшей добродетели, которая отнюдь не является проявлением слабости, а тем более — склонности к конформизму. Смирение — это не добровольная капитуляция перед злом. Именно поэтому Господь не подставил другую щеку ударившему Его. Подставление другой щеки означало бы в данной ситуации признание правоты за тем, кто выступает как носитель зла и неправды, то есть по сути являлось бы принятием зла и согласим с неправдой.

Господь не делает этого. В Его поступках, словах и поведении нет никакой двусмысленности, которую можно было бы расценить как согласие со злом, уступку злу или страх перед злом.

«Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18: 23). В этих благородных, величественных и спокойных словах заложена идея ненасильственного сопротивления злу. Ибо внутренняя готовность человека отказаться прибегать к насилию в ответ на насилие есть не что иное, как способность сопротивляться злу посредством ненасилия.

Во многих случаях именно ненасильственное сопротивление является наиболее эффективным способом остановить эскалацию зла. Ибо всякое насилие порождает ответное насилие, подобно тому как всякая направленная сила вызывает к жизни противодействующую силу, стремящуюся ограничить первую.

Слова и поведение Господа во время допроса в доме первосвященника Анны ясно показывают, что нравственное учение Иисуса требует от людей способности останавливать зло силой ума, воли и нравственного чувства, мужественно и смиренно отказываясь от употребления насилия.

Из дома первосвященника Анны Господь был отведен к первосвященнику Каиафе. Спаситель один в окружении Его гонителей и убийц. Толпа, которая еще совсем недавно встречала Иисуса криками ликования, ныне ошетибилась кольями и мечами. Нет рядом ни учеников, ни друзей. Только Петр следует за Спасителем, со стороны наблюдая за происходящим. Вот толпа приближается ко двору первосвященника. Страх мешает Петру встать рядом с Учителем, но любовь ко Господу все же влечет его по стопам Иисуса. Войдя во двор первосвященника, Петр располагается рядом со слугами возле костра, чтобы видеть развязку драмы. Наиболее подробное повествование об этом мы находим у евангелиста Матфея:

«А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? *Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных*» (Мф. 26: 57–64).

Господь не отвечает на обвинения лжесвидетелей. Почему же Он безмолвствует, не свидетельствует о Себе, не приводит аргументов в Свою защиту, не избличает клеветующих на Него? Да потому, что в доме первосвященника Каиафы совершается не суд, но фарс, только имеющий вид правосудия, ибо вынесение обвинительного приговора предрешено заранее.

Ведь Каиафа уже сказал: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11: 50).

Таким образом, судьба Иисуса была решена до рассмотрения дела. Как позже скажет евангелист Матфей, «предали Его из зависти» (Мф. 27: 18).

У Каиафы и старейшин нет ни малейшего стремления к отысканию истины. Именно потому Господь не отвечает на их вопросы и не защищает Себя от клеветников. Он просто молчит.

Когда на человека возводят напраслину или говорят о нем несправедливо, то чаще всего это вызывает в потерпевшем желание дать отпор, ответить на клевету как можно решительнее и громче. В большинстве конфликтов присутствует стремление одних людей противоборствовать обвинениям других. Тогда как в подобных ситуациях более правильным является молчание. Именно в молчании обнаруживается чаще всего мужественная и нравственно безупречная форма сопротивления злу, обращенному против нас и провоцирующему нас на ответное зло. Не случайно преподобный Антоний Великий говорит: «Будь мудр: молчанием загради уста клеветующих на тебя».

В самом деле, если мы отвечаем на наветы и вовлекаемся в диалог с нашими недоброжелателями, то тем самым становимся на одну ступень с клеветниками, невольно участвуя в развязанном ими конфликте. По-видимому, мудро поступают те, кто не спешит вступить в полемику с человеческой неправдой и низостью, пусть даже тиражируемыми и воспроизводимыми многократно средствами массовой информации. Подобный христианский выбор может порой даваться нам очень непросто, но он представляется единственно достойным с позиции неприятия правил грязной игры.

Так поступает Господь, отстраняясь от клеветующих и не вступая в общение с недостойными. В Евангелии от Луки приводится объяснение Самим Спасителем Его безмолвия на судилище: «Если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня» (Лк. 22: 67–68).

Иными словами, не стоит пытаться переубедить того, чей суд, говоря русской поговоркой, не на рассуд, а на осуд.

На допросе Каиафа неожиданно задает Спасителю очень важный вопрос: «Заклинаю Тебя Богом живым... Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф. 26: 63).

И здесь Господь нарушает Свое молчание, отвечая вопрошающему утвердительно. Ибо в противном случае Его молчание могло быть превратно истолковано, посеяв сомнение в душах присутствовавших при допросе. Господь не может отказаться от миссии свидетельства о Себе как Сыне Божиим.

«*Ты сказал*», — произносит Спаситель в ответ на вопрос Каиафы (Мф. 26: 64).

Такова принятая на Востоке формула утвердительного ответа. Так Господь подтверждает истинность слов, произнесенных Каиафой: Он — Сын Божий. А далее, в особой поэтической форме, звучат собственные слова Спасителя: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Мф. 26: 64).

Господь явно свидетельствует о том, что именно Он — Сын Божий, Мессия и Спаситель мира. И делает это перед лицом Своих гонителей и клеветников, ищущих Его гибели. Свидетельство Христа обращено не только к Каиафе и к тем, кто в этот момент мог слышать Господа, но и ко всему роду человеческому в перспективе мировой истории.

Отречение Петра и смерть Иуды

Допрос у первосвященника Каиафы завершается свидетельством Спасителя о Его Божественном происхождении. Услышав это, Каиафа вознегодовал и в знак протеста, по существовавшему тогда у евреев обычаю, разорвал на себе одежды со словами: «Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его!» (Мф. 26: 65).

И толпа ответила: «Повинен смерти» (Мф. 26: 66).

Приговор вынесен: Спаситель осужден. Теперь допрос переходит в пытку. Начинается истязание Господа. Иисусу плюют в лицо, ударяют Его по щекам и с издевкой вопрошают: «*Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?*» (Мф. 26: 68).

Эта непостижимая сцена мучения людьми Спасителя настолько поражает и пугает апостола Петра, что он, пребывая в величайшем смятении духа, отрекается от своего Учителя. Вот как об этом пишет евангелист Матфей:

«Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. *Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя.* (Петр был галилеянином и говорил на тамошнем наречии, легко распознаваемом на слух жителями Иудеи.) Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух,

трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Мф. 26: 69–75).

Если сравнить поступки Петра и Иуды, то в них обнаружится нечто общее — при всех очевидных для нас серьезных различиях. Петр не предает Спасителя, не поднимает на Него руку, не лжесвидетельствует против Учителя, ничем не усугубляет тяжких испытаний, претерпеваемых Спасителем. Но, уstraшенный и деморализованный картиной допроса и последующих истязаний Господа, Петр из малодушия и человеческой слабости отрекается от Своего Учителя, Которого так любил.

Какова же реакция Петра на совершившееся с ним? Он покидает двор дома первосвященника, осознавая всю бездну своего падения и горько плача. Это не только слезы стыда и бессилия — это слезы покаяния. Отныне вся жизнь апостола Петра становится ярким свидетельством подлинности этого покаяния. Петр оказался предан Христу даже до смерти, запечатлев свою веру и верность мученичеством в Риме.

А что происходит в это время с Иудой? Евангелие свидетельствует и о том, какие чувства переживал предавший Господа:

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27: 3–5).

Казалось бы, с Иудой происходит нечто подобное тому, что переживал Петр. Как будто Иуда испытывает раскаяние, осознав, что совершил нечто ужасное, и подобно Петру свидетельствует о своем падении: *«Согрешил я, предав кровь невинную»* (Мф. 27: 4).

Однако избирает совсем иной выход из этого духовного тупика. Если апостол Петр приносит покаяние пред Богом и оmyвает свой грех слезами раскаяния, то Иуда кончает жизнь самоубийством.

Следует заметить, что самоубийство как духовная проблема весьма актуально для нашего общества. Все больше и больше людей — и это поистине грозный симптом — именно

так сводят счеты с жизнью, ошибочно видя в насильственном умерщвлении себя выход из представляющегося безвыходным положением. Выбор этой крайней меры диктуется глубочайшим отчаянием человека.

Однако нужно помнить, что человек обладает бессмертной душой, а потому посредством самоубийства в принципе невозможно разрешение никаких проблем. Лишение себя жизни — самообман и ложный выход из положения. Ибо самоубийца покидает этот мир, испытывая душевные страдания, неся в своей душе ад и все истребляющий огонь. Терзаемая этими муками, бессмертная душа отходит в вечность, унося с собой весь ужас и всю боль переживаемых страданий. Так временное страдание становится вечным. Стремясь к освобождению от земных мытарств, самоубийца ввергает себя в пучину бесконечного страдания.

Самоубийство является великим грехом пред Богом еще и потому, что только Творец обладает властью над нашей жизнью и нашей смертью.

Человек, получивший от Бога дар свободы, обрел и великую власть над собой. Он может получить образование или отказаться от него, устроить семейную жизнь или быть одиноким, стремиться к богатству или довольствоваться малым. Очень часто все это зависит от воли и выбора самого человека, от его способностей и усилий.

Но чего человек не вправе сделать, так это отнять у себя жизнь. Это право принадлежит только Богу. И когда человек решает покончить жизнь самоубийством, он посягает на власть Божию. Поэтому самоубийство есть крайнее выражение Богоотступничества.

Есть и еще один аспект, связанный с грехом самоубийства. Человек, по собственному произволению покидающий этот мир, тем самым всецело отрекается от него. Значит, отказывается он и от спасительной Церкви Христовой, несмотря на то что был крещен. Другими словами, самоубийца сам отлучает себя от церковного общения, сам возлагает на себя анафему. Вот почему самоубийц как своевольно отпавших от народа Божия не отпевают. По той же причине Церковь никогда не молится о загробной участи самоубийц, исключая разве что, по местным обычаям, день Святой Троицы.

Искусительная мысль о самоубийстве может явиться человеку в минуту слабости, однако эти замыслы никогда не должны быть осуществлены. Потому что самоубийство обрекает бессмертную душу вечным мукам, приговаривает ее тому нескончаемому аду, которым был наказан Иуда.

Подошла к концу страшная ночь допроса Спасителя у первосвященников Анны и Каиафы. Под утро связанного Иисуса Христа отправили на допрос к римскому прокуратору Понтию Пилату, который должен был решить судьбу обвиняемого.

Иисус Христос перед Пилатом. Распятие

На суде у первосвященников Анны и Каиафы было объявлено, что Христос повинен смерти. Но согласно римским законам на оккупированных территориях местные суды не имели права выносить смертные приговоры, поскольку это было прерогативой римского прокуратора. Поэтому связанного Спасителя доставили в Преторию — укрепленную часть Иерусалима, где находилась временная резиденция римского прокуратора Понтия Пилата. Здесь Господь предстал перед Пилатом. Приведшие Его первосвященники и старейшины обвиняли Иисуса в том, что Он самозванно присвоил Себе имя Царя Иудейского, и требовали от прокуратора вынесения Иисусу смертного приговора.

Сцена допроса Спасителя у Пилата запечатлена на страницах всех четырех Евангелий, и это позволяет составить ясное и детальное представление о происходившем событии.

Обвинение Спасителя в присвоении звания Царя Иудейского означало обвинение в мятеже, то есть в покушении на захват власти цезаря и разрушение основ римской государственности. А наказанием мятежнику и государственному преступнику была смертная казнь.

Пилат понимает, что выдвинутое против Христа обвинение ложно. Ему известно, что Спаситель предан из зависти, и он не желает принимать участия в грязной интриге первосвященников и старейшин иудейских. Пилат пытается уклониться от принятия решения.

К тому же во время допроса к Пилату приходит посыльный от его жены, который передает прокуратору ее слова: «*Не*

делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Мф. 27: 19).

Последнее обстоятельство укрепляет Пилата в стремлении поскорее свернуть этот странный процесс. Но первосвященники и старейшины настаивают на своем, требуя смерти Спасителя.

Во время допроса Пилату становится известно, что Иисус родом из Галилеи, и тогда прокуратор передает подсудимого галилейскому правителю Ироду, находившемуся в Иерусалиме по случаю иудейской Пасхи.

Евангелист Лука — единственный из евангелистов — сообщает о том, что Спасителя по приказу Понтия Пилата отсылают на суд к Ироду, который был наслышан о совершенных Спасителем чудесах и давно хотел Его увидеть. Но Иисус не отвечает на вопросы Ирода. Он просто молчит. Безмолвствует Он и тогда, когда *«Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату»* (Лк. 23: 11).

Белые одежды означали оправдательный приговор.

«И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом», — делает знаменательное замечание повествователь (Лк. 23: 12).

Пилат окончательно утверждает в мысли, что Иисус невиновен и должен быть отпущен. Но иудеи прибегают к демагогическому аргументу, содержащему недвусмысленную угрозу самому Пилату: *«Если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю»* (Ин. 19: 12).

Это звучит как грозное политическое обвинение в адрес прокуратора. И тогда, самоустраняясь от принятия решения по делу Иисуса, Понтий Пилат умывает руки, демонстрируя тем самым, что более не настаивает на оправдательном приговоре для *«Праведника Того»*. Правда, перед тем Пилат делает еще одну попытку спасти жизнь Иисусу.

В те времена у евреев существовал обычай: в канун Пасхи иудейские правители даровали свободу одному из узников, на которого указывал народ. В описываемые времена в заточении находился человек по имени Варавва. И Пилат, обращаясь к иудеям, спросил: *«Кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?»* (Мф. 27: 17).

Это была последняя возможность вырвать Иисуса из рук ищущих Его осуждения и гибели.

«Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить... Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят».

Пилат вновь вопрошает: «Какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят». И вслед за тем беснующиеся гонители Господа сами выносят себе страшный приговор: «Кровь Его на нас и на детях наших» (см. Мф. 27: 20, 22–23, 25).

По существовавшим тогда обычаям смертная казнь предварялась истязанием. Христос также не избежал этой участи. Римские воины, которые по закону должны были привести приговор в исполнение, глумливо обрядили Его в красную хламиду — багряницу, ибо пурпурная одежда была знаком царского достоинства. Главу Спасителя увенчали терновым венцом — страшной пародией на царский венец, а в руки Иисусу вложили трость, символизирующую скипетр.

«И становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове» (Мф. 27: 29–30).

И когда град палочных ударов обрушился на главу Спасителя, терновые шипы пронзили Его кожу.

Затем Спасителя стали бичевать, то есть стегать по обнаженному телу кожаной плетью. К концам ремней этой плети прикреплялись маленькие металлические шарики, до крови рассекавшие тело истязуемого и превращавшие его в кровавое месиво.

И только после совершения над Спасителем этого страшного бичевания Его повели на казнь. Вот как свидетельствует об этом евангелист Марк: «И заставили проходящего некоего Киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его» (Мк. 15: 21).

По-видимому, Спаситель оказался настолько ослаблен перенесенными мучениями, что был не в силах на Своих плечах нести перекладину креста до места казни, как того требовал обычай.

«И привели Его на место Голгофу, что значит: «Лобное место» (Мк. 15: 22).

Голгофа — каменистый холм, находившийся вне стен тогдашнего Иерусалима, где совершались смертные казни.

«И давали Ему пить вино со смирною; но Он не принял» (Мк. 15: 23).

Вино со смирною, как и уксус с желчью, — снадобье наркотического действия, притуплявшее физическую боль во время казни. Но Господь отказался прибегнуть к этому средству и, пребывая в полном сознании, претерпевал Крестное страдание до самого конца.

«Был час третий, и распяли Его» (Мк. 15: 25).

Распинали же так: прибавляли руки казнимого к перекладине, а ноги — к столбу, и перекладину соединяли со столбом, образуя крест.

«И была надпись вины Его: «Царь Иудейский» (Мк. 15: 26).

Со Христом сораспяли двух разбойников — одного по правую, другого по левую руку Его. Так сбылось слово Писания: *«И к злодеям причтен был»* (Ис. 53: 12).

Соучастники совершающегося убийства Сына Божия, настаивавшие на смертном приговоре и обагрившие руки невинной кровью, в безумном ослеплении усугубляли свою неискупимую вину глумлением над Распятим:

«Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого и сойди со креста. Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем. И распятые с Ним поносили Его» (Мк. 15: 29–32).

Православный крест есть не просто воспроизведение орудия казни Спасителя. Изображение креста содержит и иную историческую символику. Ибо Господь был распят на *Голгофе*, что в переводе означает «Лобное место». А именно в глубине Голгофского холма, согласно церковному преданию, были погребены останки первого человека. Человеческий череп, изображаемый в основании православного креста, и есть глава Адама.

Претерпевая Крестные муки, Господь проливал Свою кровь и отдавал Свою жизнь за грехи всего человеческого рода, но прежде всего — во искупление первородного греха, совершенного на заре истории.

Святитель Григорий Богослов так пишет об этом: «Все, что совершилось на древе крестном, было врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод дерева познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Ради этого дерево вместо дерева и руки вместо руки: вместо дерзко простертой — мужественно распростертые, вместо своевольной — пригвожденные ко кресту, вместо извергшей Адама (из рая) — соединяющие воедино концы света. Ради этого высота за падение, желчь за вкушение, терновый венец за обладание злом, смерть за смерть, тьма ради света, погребение за возвращение в землю и воскресение Христа ради воскресения Адама».

Вольной жертвой Спасителя была искуплена древняя вина Адама и Евы, восстановлено утраченное ими сыновство человека по отношению к Богу и вновь дарована всем людям жизнь вечная.

Верхняя, короткая перекладина православного креста символизирует табличку, на которой по приказу Пилата на трех языках: еврейском, греческом и латинском — было обозначено преступление распинаемого Господа: *«Иисус Назорей, Царь Иудейский»*.

«Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский». Однако Пилат, досадую на свое бессилие помешать казни Иисуса Христа и раздраженный постоянным и бесцеремонным давлением, оказываемым на римского прокуратора иудейскими первосвященниками, резко отказал им: «Что я написал, то написал» (см. Ин. 19: 19, 21–22).

Крест — орудие мучительной и позорной казни во времена Христа — с момента распятия Спасителя становится символом великой жертвы Господа за весь человеческий род. Не случайно святитель Василий Великий убеждает нас: «Все части мира были приведены к спасению частями Креста».

Крестная смерть Спасителя

Вместе со Спасителем на Голгофе были сораспяты двое разбойников. «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас» (Лк. 23: 39). Так изливались боль, озлобление и безысходность разбойника неблагоразумного, распятого по левую руку Спасителя. Распятый же справа, «напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал».

И, обращаясь к Спасителю, разбойник благоразумный произносит удивительные слова: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое».

И сказал ему Иисус: *«истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»* (см. Лк. 23: 40–43).

Воистину поразительный эпизод: приговоренный к смерти разбойник видит рядом с собой такого же обреченного, страждущего, беззащитного, побежденного обстоятельствами и слабого человека из плоти и крови. И вдруг какой-то неведомой внутренней силой прозревает в Нем Того, Кто уже сегодня вступит в Царство Свое. Значит, Царство Его — Царство Небесное, и тогда это Сын Божий, внешне не отличимый от обычного человека.

Когда следовавшие за Спасителем люди исповедовали Его Сыном Божиим, видя многие чудеса и слыша слово Его учения, то это представляется объяснимым. Исповедание же разбойника, случайно оказавшегося с уничиженным Христом в Его и свой последний час, лежит вне логического

обоснования. В Евангельской истории это — проявление абсолютной, безусловной и самодостаточной веры. С этой верой умирающего разбойника не может сравниться ни вера апостолов, ни учеников, ни последователей Спасителя. Ибо разбойник исповедует в поверженном человеке, всецело находящемся во власти своих мучителей и палачей, Сына Божия.

Чего требует от Бога наше маловерие, чтобы нам уверовать в Господа? Непременно — могущества, всесилья, чуда, знамений: «Помоги! Соверши! Яви Твою власть в моей жизни! Сделай то, о чем я прошу, здесь и теперь!» Ведь «Ты еси Бог, творяй чудеса» (Пс. 76: 15).

А если нет чуда, то и Бога нет. Бог без чуда, устрояющего нашу жизнь согласно нашим же представлениям о благе, человеческому маловерию не нужен. Как это отличается от той великой и спасительной веры, с которой покидал этот мир благоразумный разбойник!

И Суд Божий, сотворенный на кресте Господом Распятым для этого разбойника, оправдывает того в вечности. Изображение креста в русской православной традиции символически заключает в себе рассказ об обстоятельствах Крестной смерти Спасителя. Так, помимо верхней и центральной перекладин, символическое значение имеет и нижняя косая перекладина с правым воздетым и левым опущенным концами. Она как раз и символизирует Божий суд, совершившийся на Голгофе. Разбойник, распятый справа от Спасителя, оправдан и вознесен в Небесные обители, а находившийся слева от Него — осужден и тяжестью нераскаянных грехов низведен в преисподнюю. Таким образом, Крест Христов предстает как образ весов Небесного правосудия, символ последней справедливости. Крест — знак и обещание истины и справедливости в жизни человека, ибо Крестом являются нам и любовь Бога, и Божественная правда. Действительно, «Крест Христов — учение Христово», как говорит о том святитель Игнатий (Брянчанинов).

Ученики и апостолы после осуждения Спасителя на смерть рассеялись и скрылись *«страха ради Иудейска»* (Ин. 20: 19). Подле Креста распятого Господа оставались лишь Пречистая Его Мать, жены-мироносицы и любимый ученик Иоанн. И на старинных русских распятиях мы видим это изо-

бражение Креста Господня с предстоящими: справа — Божия Матерь, слева — апостол Иоанн.

Обращаясь со Креста к Матери Своей, Спаситель препоручает Ее заботам и попечению Иоанна, говоря: «Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя!»

И далее — свидетельство самого Иоанна Богослова: *«И с этого времени ученик сей взял Ее к себе»* (Ин. 19: 26–27).

Примечательно также это обращение «Жено» (то есть «Женщина») вместо «Мати», которое прозвучало с высоты Креста.

В момент непереносимого страдания на кресте Господь усыновляет Своего ученика Матери Своей. Это не просто проявление заботы о любимом ученике, остающемся без Учителя, и о Матери, остающейся без Сына. Это еще и некий символический акт, ибо в лице любимого ученика все другие ученики и последователи Христовы, вся Церковь усыновляются Божией Матери. И потому Пресвятая Дева Мария есть Небесная Ходатаица и Заступница за всех верующих в Сына Ее и Бога нашего.

Двойное мучение испытывает Спаситель на кресте: моральное — ибо люди, за которых Он принимает страдание, хулят и поносят Его, и физическое — потому что боль нестерпима. Это истязание не может длиться бесконечно.

Вот свидетельство евангелиста Марка о последних часах земной жизни Спасителя:

«Был час третий, и распяли Его» (по нашей системе исчисления времени это соответствует 9 часам утра).

«В шестом же часу (то есть около полудня по нашему счету) настала тьма по всей земле (произошло солнечное затмение), и продолжалась до часа девятого (соответствует примерно трем часам дня). В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! лимма савахфани? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовет (то есть ветхозаветного пророка Илию). А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постоит, посмотрим, придет ли Илия снять Его (уксус, оказывая действие, подобное наркотическому, должен был притупить боль и продлить последние минуты Распятого). Иисус

же, возгласив громко, испустил дух. И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу. Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий» (Мк. 15: 25, 33–39).

Восклицание Спасителя, приведенное Евангелистом дословно на арамейском языке: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — раскрывает сокровенный смысл Крестного страдания.

Ибо Спаситель на пороге смерти испытывает не только физические страдания, но и муки Богооставленности. В этот час Бог не поддерживает Его. Но ведь Он — Сам Бог и Сын Божий. Значит, Бог добровольно отказывается от Самого Себя, избрав жребий распинаемого раба. «В чем же состоит похвала о Кресте? — спрашивает святитель Иоанн Златоуст. — В том, что Христос ради меня принял образ раба и ради меня претерпел страдания, — ради меня, бывшего рабом, врагом и неблагодарным; и так возлюбил меня, что предал Себя на смерть. Что еще можно найти равное этому?» Из любви к человеку Он до дна испивает чашу людской несправедливости, физической боли и нравственного страдания, чтобы снять с человека вину за первородный грех и открыть возможность каждому освободиться от груза личных грехов.

Среди неизбежного горя, боли, несправедливости и страданий человек порой в отчаянии говорит: «Господи, где же Ты?» — и воздвигает ропот на Бога. А для многих и многих само присутствие страдания и несправедливости в мире представляется достаточной причиной для неверия: «Был бы Бог — Он не допустил бы такого!» Но Бог не просто попускает совершаться страданиям по грехам нашим или посещает нас скорбями для нашего вразумления и исправления. Сам Он добровольно сошел в бездну человеческой боли и мучений, став через то сопричастным людскому горю.

А потому ни один человек, как бы ни был он несчастен, не может сказать, что покинут Богом. Бог всегда пребывает с нами, потому что Его Сын, прошедший через муку страдания богооставленности и самое смерть и отождествивший Себя с человеческим горем, тем самым разрушил средостение между Творцом и человеком. Ограниченный человеческий разум, наверное, никогда не сможет постигнуть этой

тайны. До тех пор, пока не предстанем пред лицом Божиим, нам не дано понять скрытый от нас смысл искупительного страдания Христа. Но пока все мы должны знать, что именно этими страданиями Богочеловека нам даруются избавление от всякой скорби, спасение и жизнь вечная. «Для того и было Пришествие и Промышление Господне, чтобы нас, порабощенных, повинных и подчинившихся пороку, освободить и сделать победителями смерти и греха», — говорит преподобный Макарий Египетский.

Спаситель добровольно сошел в бездну человеческого страдания, достигнув самого дна. И потому ныне Он со всеми, кто терпит муки. И дабы непереносимые страдания не раздавили человека, Христос разделяет их с ним.

«И как уже настал вечер, — потому что была пятница, то есть день перед субботою, — пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил Тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба. *Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали*» (Мк. 15: 42–47).

Так закончилась земная жизнь Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Воскресение Христово

Итак, в пятницу, около трех часов дня по нашему счету времени, Спаситель испустил на кресте последний вздох. Два тайных ученика Иисуса, Иосиф и Никодим, сняли тело Господа со креста и, обвив его в соответствии с восточными обычаями погребальными пеленами, пропитанными благоуханиями, положили во гробе — пещере, высеченной в скале. О последующих событиях евангелист Матфей говорит так:

«На другой день, который следует за пятницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату, и говорили: господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Мф. 27: 62–66).

Если бы этими словами завершалась Евангельская история, у нас сегодня не было бы оснований рассуждать о великой миссии Христа, о всепобеждающей силе Его учения и о значении христианства для жизни человечества и отдельного человека. Если бы Евангелие этим и закончилось, то мир стал бы свидетелем сокрушительного поражения Иисуса из Назарета и заката Евангельской истории. Ибо какую силу имели бы слова Иисуса, если бы Сам Он пал жертвой лжи, интриг и несправедливости? И какой смысл был бы в том, чтобы

учить людей Его правде, если она так легко уступила господствующему злу? Но с момента погребения Спасителя самое главное только начинается. Далее евангельское повествование свидетельствует:

«В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они (жены-мироносицы) ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищите живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. И вспомнили они слова Его; и, возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам. И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лк. 24: 1–11).

Затем мы узнаем о том, что два мужа в блистающих одеждах, встреченные женщинами, пришедшими помазать тело Спасителя, были ангелы, возвестившие Воскресение Христово.

Евангелист Иоанн подробно описывает, как Мария Магдалина поспешила к апостолам и рассказала им об увиденном в гробовой пещере.

Петр и *«другой ученик, которого любил Иисус»* (то есть сам Иоанн), пораженные словами Марии Магдалины, спешат ко гробу. Иоанн, который пришел первым, наклонившись над пещерой увидел, что тела нет, а лежат лишь погребальные пелены. Пришедший вслед за Иоанном Петр вошел во гроб и обнаружил, что головной платок, закрывавший чело Спасителя, был не с пеленами, а лежал, свитый особым образом, на другом месте (какая точная, почти фотографическая фиксация деталей!). И лишь после Петра вошел во гроб Иоанн, увидел все и уверовал (см.: Ин. 20: 1–8). «Вера, — по мысли преподобного Исаака Сирина, — требует единого, чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания

способов (доказательства)». В этом и убеждает нас пример уверовавшего любимого ученика Христова.

После того как ученики ушли от гроба, здесь произошло еще одно весьма важное событие. Мария Магдалина вернулась ко гробу, стояла и плакала. «И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. *Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! — что значит: Учитель!* Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. *Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей*» (Ин. 20: 1–18).

Это повествование помимо прочего обращает на себя внимание следующим обстоятельством. Мария Магдалина прекрасно знала Иисуса. Почему же она не узнала в Воскресшем Спасителя?

Некоторые объясняют это тем, что глаза ее были полны слез, и потому она не сразу разглядела Учителя. Вряд ли это толкование верно. Не слезы помешали Марии Магдалине узнать Спасителя. Ведь в данном случае речь идет не о простой идентификации личности. Ибо отныне Господь Иисус Христос более не принадлежал здешнему физическому миру. Он восшел к миру духовному. Поэтому нашими физическими чувствами опознать Его невозможно. Необходимо некое особое духовное зрение, посредством которого обнаруживается Его присутствие. И такое зрение открывается у Марии Магдалины, когда Спаситель обращается к ней.

Нечто подобное в тот же день происходит и в другом месте. Евангелист Лука рассказывает о том, как два ученика Господа, одного из которых звали Клеопа, а другим, по всей вероятности, был сам Лука, по пути из Иерусалима в селение

Эммаус повстречали Спасителя и не узнали Его. Поведав случайному попутчику о событиях, только что взволновавших весь Иерусалим, они дивились тому, что их спутник единственный в городе ничего не знал о том. Клеопа и другой ученик рассказали об Иисусе из Назарета, о Его служении, об осуждении и казни. О своих не оправдавшихся надеждах на то, что распятый Иисус и был долгожданный Спаситель. Сообщили ученики и о тех удивительных событиях, свидетельствами которых были жены-мироносицы.

Тогда не узнанный учениками Иисус сказал им: «О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк. 24: 25–26).

И начал их учить, изъясняя многочисленные ветхозаветные пророчества о пришествии Мессии, до последнего слова совершившиеся в истории жизни и смерти Иисуса Христа. Но даже эти слова не вразумляют апостолов, ибо не открылось у них духовное зрение и не распознали они в своем спутнике Спасителя. Придя в Эммаус, ученики остановились для трапезы, пригласив к ней своего попутчика. Взяв хлеб, Господь благословил, преломил и подал им, подобному тому как Он делал это за Тайной вечерей.

И тогда духовные очи учеников отверзлись, и они прозрели в случайном сотрапезнике Воскресшего Спасителя.

Поскольку Господь Иисус Христос по Воскресении Своем более не принадлежал физическому миру, увидеть Его присутствие стало возможно только посредством духовного зрения, подобно тому как и ныне в евангельском образе Иисуса из Назарета только силой веры, открывающей духовное зрение, можно увидеть и принять Спасителя, Сына Божия.

Пасха Христова

Что означает Воскресение Господа Иисуса Христа? Дьявол противоборствует Спасителю. Их битва начинается на Горе искушений в пустыне, где Господь отрицается от сатаны, отказываясь от предлагаемых им способов достижения цели Своего служения, и сатана преследует Спасителя, действуя через человеческую зависть и злобу.

Смерть Господа на кресте была временной победой дьявола, когда зло видимым образом восторжествовало над добром, когда оказались как бы поверженными, униженными и оскверненными те великие истины, которые Он принес людям. Но после Креста и смерти совершается Воскресение. Господь воскресает, ибо Он не только Сын Человеческий, Он — Сын Божий, Он — Сам Бог, Источник и Податель жизни всего мира. Он — Творец, в Себе Самом содержащий могущество и энергию, преодолевающие силу притяжения смерти, способные разорвать ее узы, вдохнуть жизнь в умершее. Сын Божий и Сын Человеческий воскресает в третий день после смерти. Таково самое сильное, яркое и убедительное свидетельство о Божественности Иисуса Христа, о Его победе над дьяволом.

Апостол Павел, рассуждая на тему Воскресения, говорил так: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15: 14).

Действительно, если бы Христос не воскрес, то бесплодны были бы и проповедь, и вера слушающих ее. То была бы еще одна красивая, но по сути неудавшаяся попытка облагодетельствовать человечество, еще одно учение, еще одна

философия — очередное человеческое мудрование, не способное приблизить людей к полноте жизни.

Именно поэтому противники христианства стали отрицать Воскресение с момента первого известия о совершившемся чуде. Одни из них говорили об изначально пустом гробе, другие — о похищении тела Спасителя учениками. Отрицание факта Воскресения Христа было и остается в центре усилий, направленных на ниспровержение христианского послания. В результате многие люди, принимая одну часть Евангелия — нравственное учение Спасителя, — одновременно отрицают свидетельства о Воскресении Христовом и таким образом оказываются неспособными спасительно усвоить евангельскую весть в ее целостности.

Воскресение Христово именуется Пасхой не случайно. У евреев Пасха связана с воспоминанием об избавлении от египетского рабства. Накануне Исхода из Египта каждая еврейская семья должна была принести в жертву Богу агнца в знак избавления. Господь Иисус Христос стал жертвенным Агнцем, закланным за грехи всего человеческого рода. Он стал новой Пасхой, Пасхой святой и спасительной для всего мира, а не для одного народа или одного сообщества людей. Коренное отличие новозаветной Пасхи от ветхозаветной подчеркивает преподобный Ефрем Сирийский: «Различны между собой и два Агнца и две Пасхи: египетская и сионская. В Пасху египетскую истреблены язычники и спасены евреи; в Пасху Сионскую спасаются язычники». Подобно тому как окропление кровью агнцев несло евреям избавление от египетского плена, так и приобщение ко Христу, Спасительному Агнцу, освобождает человечество от плена диавольского и дарует победу над смертью.

Из этого следует, что Воскресение предопределено Богом и входит в Его замысел о мире и человеке. Именно поэтому апостол Павел и называет Иисуса Христа «*первенцем из умерших*» (1 Кор. 15: 20). Христос — первый, но не единственный и не последний в начатом Им ряду. Воскресение — часть Божия плана о человеке, достояние всех людей. И как Христос воскрес из мертвых, так воскреснет и каждый из нас. За смертью непременно следует воскресение. Доказательством этого служит Воскресение Спасителя. Путь жизни,

предначертанный Богом для каждого человека, включает в себя воскресение. А это значит, что смерти нет.

Как пугает и страшит нас смерть! Человеку кажется, что с его уходом опускается черная непроницаемая завеса, наступает небытие и конец всему. А смерти нет, за ней — свет Воскресения. И Христос показал и доказал нам это.

В своей жизни каждый человек проходит через испытания, страдания и горечь поражения. Как часто при этом мы говорим о торжестве несправедливости, о победе зла над добром! Сколько человеческих жизней разбивается о тайну могущества зла! Но ведь для того, чтобы избежать разочарования и уныния, следует помнить: зло уже повержено. Оно побеждено Воскресением Христовым. И когда мы наблюдаем видимое торжество зла и негодуем на это, то должны не забывать: зло — призрак, его сила бессильна, оно повержено. За Крестом следует Воскресение. Христос воскрес из мертвых и тем самым победил зло. Чтобы быть сопричастниками этой победы, мы должны быть вместе со Христом, и тогда за нашим крестом всегда будет воскресение, за призрачной победой зла — подлинная победа добра, за скорбью — радость.

Воскресение Спасителя выводит христианство из границ морально-этической доктрины. В свете Воскресения христианство открывается как истинная религия, в которой и через которую человеческое соединяется с Божественным. И наше временное земное бытие вступает в общение с жизнью Божественной и в ней обретает вечность.

Явление Иисуса Христа ученикам

В день Своего Воскресения Господь трижды явился ученикам. Первое явление — Марии Магдалине непосредственно у гробовой пещеры. Затем — двум ученикам на пути в Эммаус. И наконец — всем ученикам, собравшимся вместе.

Об этом подробно рассказывает евангелист Иоанн:

«В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся. Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.

После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20: 19, 29).

Это повествование возвращает нас к вопросу, с которого мы начали наши беседы: что же такое вера?

Апостол Фома, потребовав доказательств, не имел веры; он требовал знания. Когда Господь вторично явился для уверения Фомы, дабы тот смог собственноручно осязать Его израненное тело, то неверующий ученик обрел знание: своими пальцами Фома ощутил язвы от гвоздей на теле Распятого, собственными глазами увидел Воскресшего из мертвых. Неверующий ученик получил в ощущениях реальное свидетельство, основанное на опыте, но то не было исповеданием веры в Воскресение Спасителя.

И Господь, обращаясь к Фоме, наставляет его в том, что высшее знание, а вместе с ним и полнота жизни человек обретает через веру. При этом Господь ничего не говорит о том, что вера и знание несовместимы, что знание не нужно человеку, однако связывает блаженство не со знанием, но с верой: *«Блаженны невидевшие и уверовавшие»* (Ин. 20: 29), — то есть счастливы те, кто верует. А это означает, что именно вера вводит человека в полноту бытия.

Каким образом и почему вера соединена с полнотой человеческой жизни?

Знание утверждается опытом. Мы знаем, потому что основываем свои умозаключения на свидетельстве человеческих чувств: зрении, слухе, обонянии, осязании, вкусе. Благодаря таким свидетельствам мы можем судить о том, насколько доказано бытие явления или факта, входящих в состав нашего знания.

Нередко прибегают к доказательству путем математических расчетов. Но и в основе любого математического действия лежит некая физическая реальность. Кажется, теоретические операции с абстрактными цифровыми значениями противоречат этому утверждению. Однако и математические символы могут быть выражены через понятия наличной реальности, и тогда любой человек легко убедится в том, что дважды два — действительно четыре и что это — истина. Но если отсутствуют математические доказательства или реальный физический опыт, то как можно быть уверенным в бытии того, что не дано нам в ощущениях и что с достоверностью невозможно доказать?

Не случайно Господь связывает веру с блаженством и счастьем. Потому что вера, в отличие от знаний, дается человеку не опосредствованно через его ощущения и не в результате логических операций его разума, но непосредственно и через совокупность действия всех духовных сил, присущих человеческой личности.

Повторим замечательные слова святителя Московского Филарета (Дроздова): «Вера начинается в разуме, хотя принадлежит сердцу». Это означает, что вера выражается и посредством разума, и через человеческое сердце. А человеческое сердце — это совокупность всех наших чувствований. Несомненно также присутствие в феномене веры и волевого начала, ибо без волевых усилий, конечно же, невозможно поверить в то, что лежит вне пределов опыта. Значит, вера есть результат устремленности и взаимодействия всех духовных сил человека: и разума, и чувств, и воли. И нечто большее: в вере несомненно присутствует то, что называется интуицией, то есть особой подсознательной способностью человека.

Не случайно именно на вере Господь основывает Свою связь с людьми. Ведь Он мог бы избрать для этой цели разум, волю, какие-то иные человеческие качества. Но Он полагает в основу Своих отношений с человеком именно веру, которая одна только способна пробудить религиозное чувство, ибо обнаруживает себя в совокупном действии всех сил и способностей человека.

Выше мы говорили о том, что вера тесным образом связана с нравственностью и наличие веры зависит от нравственного состояния личности. Нравственность позволяет человеку сохранять целостность своей личности и бытия. Когда мы разрушаем нравственное начало, то вместе с тем разрушаем и человеческую личность. Недаром одна из добродетелей, связанных с понятием о нравственности, именуется целомудрием, характеризующим целостность личности. Итак, нравственность лежит в основе целостности человеческой личности. Если эта целостность повреждена, если сама личность разрушена, то способна ли она сконцентрировать все свои силы — умственные, душевные, интеллектуальные, — все свои чувства, чтобы на высоте этого духовного подъема вспыхнул пламень веры?

Вера есть подвиг, в котором человек проявляет всего себя без остатка. В этом смысле вера несопоставима с обычным знанием, требующим куда меньших духовных усилий. Именно исповедание веры, в котором концентрируются все способности и силы личности, реально соединяет человека с Богом.

Замечательны и другие слова, произнесенные Спасителем во время первой по Воскресении встречи с учениками: *«Мир вам»*.

Это удивительное приветствие Спасителя должно помочь нам понять, что мир согласно замыслу Божию есть совершенно особенная ценность. Не может быть человеческого счастья, полноты жизни и благополучия без мира. И это совершенно очевидно для современников XX и начавшегося XXI века, отмеченных непрерывными войнами и военными конфликтами.

И еще нечто важное сказал Спаситель ученикам: *«Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20: 23).

Грех, отдаляющий человека от Бога, является главным препятствием для его жизни в союзе с Творцом. И преодоление этого препятствия возможно только в семье последователей Спасителя — в Церкви, в общине веры, первыми членами и руководителями которой стали апостолы. Именно им по Своему Воскресении дает Господь право и силу совершать то, что стало возможным благодаря Его искупительной жертве: прощать человеческие грехи, освобождая людей от власти зла.

Вознесение Господне

Еще об одном явлении Воскресшего Господа повествует Евангелие. Это произошло в Галилее, куда апостолы отправились по повелению Спасителя, переданному через женомироносиц: «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28: 10).

Это явление Воскресшего Спасителя ученикам описано в последней, 21-й главе Евангелия от Иоанна.

Семеро учеников: *«Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его»* — ночью ловили рыбу в Тириадском море и не поймали ничего.

«А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, — ибо он был наг, — и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, — ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, — таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же

никто не смел спросить Его: кто Ты?, зная, что это Господь» (Ин. 21: 2, 4–12).

В этом повествовании есть по меньшей мере три момента, на которые следует обратить внимание.

Во-первых, удивительная скрупулезность в деталях рассказа. Евангелист Иоанн уточняет, на каком расстоянии от берега находилась лодка: *«локтей около двухсот»* (то есть около ста метров). Указывает он и точное количество чудесным образом пойманных рыб: *«сто пятьдесят три»*. И затем делает важное для него как для рыбака замечание: *«и при таком множестве не прорвалась сеть»*.

Обилие подробностей и детальность повествования свидетельствуют о том, что его автор — очевидец события, что, в свою очередь, доказывает подлинность самого рассказа.

Во-вторых, ученики вновь не узнают Воскресшего Учителя, как перед тем не узнала Его Мария Магдалина у гроба, как не узнали Его Лука и Клеопа на дороге в Эммаус. Что касается семерых учеников, то, как и в предыдущих случаях, *«глаза их были удержаны»* (Лк. 24: 16). Совершенное Господом чудо отверзает их духовные очи и раскрывает сердца к созерцанию Воскресшего.

В-третьих, что, быть может, является особенно важным обстоятельством этого повествования, Господь разделяет трапезу со Своими учениками, вкушая хлеб и рыбу.

Другими словами, и по Воскресении Он обладает физическим телом, имеет плоть, способную к принятию пищи. Однако тело Его ныне отличается от того, которое Он имел до Воскресения. Оно принадлежит физическому миру, но более не сковано его законами, его ограниченностью. Это тело пребывает вне времени и вне пространства. Являясь ученикам в Иерусалиме, Господь проходит через запертые двери, через стену. Спаситель делается невидимым для двух учеников на пути в Эммаус. Наконец, Иисус появляется то в Иудее, то в Галилее — пространство и время более не имеют для Него значения.

Итак, тело Воскресшего освобождается от воздействия физических факторов этого мира, оно как бы ускользает из-под власти законов земного бытия и являет собой не только физическую, но и духовную реальность. А это означает, что в акте Воскресения разрушается средостение между

физическим и духовным, между видимым и невидимым, между временным и вечным.

Прославленное тело Спасителя обладает всей полнотой бытия. В нем осуществляется Божественный замысел о человеке. В подобном теле должна была бы обитать душа каждого из нас. Но в силу своей греховности люди утратили возможность в земной жизни осуществить эту вечную Божественную цель.

Что означает для нас образ прославленного тела Спасителя? В конце истории, после своего собственного воскресения, человек будет иметь подобное тело, несущее на себе печать физического бытия и одновременно свободное от законов физического мира. В том теле духовное соединится с физическим, видимое — с невидимым. И именно с этим телом мы воскреснем и войдем в вечную жизнь. «Какая будет слава, какая радость — удостоиться того, чтобы видеть Бога вместе со Христом, Господом Богом твоим, вкушать радость спасения и вечного света; приветствовать Авраама, и Исаака, и Иакова, и всех патриархов, и пророков, и апостолов, и мучеников; вместе со святыми и друзьями Божиими наслаждаться сладостью дарованного бессмертия и получать то, чего *«не видел... глаз, не слышало ухо»* и что *«не приходило... на сердце человеку»* (1 Кор. 2: 9)» — восклицает святитель Киприан Карфагенский.

Но от того, как мы прожили свою земную жизнь и что в ней совершили, будет зависеть наше загробное бытие. Обретем ли мы полноту бытия, будем ли мы допущены пребывать в вечном общении с Богом или наше тело сохранит печать греха, а сами мы станем добычей темной силы. «Когда отходят от тела души праведных, лики ангелов приемлют их в свою область, в чистый век, и таким образом приводят их к Господу. Но если душа в этой жизни подчинялась и повиновалась демонам и была их рабою, то удерживается ими и остается в их власти, когда отходит от мира», — говорит преподобный Макарий Египетский.

После трапезы на берегу Тивериадского моря Господь обращается к апостолу Петру, который ранее трижды от Него отрекся, и троекратно вопрошает его: *«Любишь ли ты Меня?»*.

И трижды апостол Петр свидетельствует о своей любви ко Господу. И три раза Господь говорит ему: *«Паси овец Моих»* (см. Ин. 21: 15–17).

В ответ на троекратное отречение Петра Господь трижды утверждает его в апостольском достоинстве. И происходит это потому, что предательство Петра, его слабость и отречение от Христа омыты и очищены слезами покаяния.

Каждый из живущих в этом мире по слабости своей искушается грехами и нарушает заповеди Божии. Тяжесть греха человека порой столь велика, что способна разрушить всякую перспективу наследия вечной жизни. И для того, чтобы этого не произошло, Бог дает нам возможность в этой земной жизни освободиться от пут греха через искреннее и сердечное покаяние. Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Нет возможности, чтобы кто-нибудь приблизился к святому и чистому Богу, если прежде не освятится, не очистится, не сделается прекрасным благодатью Христовой и таким образом не станет богатым по благодати».

И подобно тому, как Спаситель простил апостола Петра, трижды отрекшегося от Него, так же Он прощает и каждого из людей, кто искренне и с верой просит Его об этом, даруя отпущение раскаянных грехов и возрождая в человеке способность и возможность быть с Ним в вечной жизни.

В последних строках Евангелия от Матфея содержится рассказ о явлении Воскресшего Спасителя одиннадцати ученикам в Галилее:

«Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28: 16–20).

Так заканчивается Евангелие от Матфея. Последние слова Спасителя, обращенные к ученикам, содержат призывание их к новому деланию и напутствие Господне. Они — свидетели Его жизни, слышавшие Его слово, видевшие Его страдания, смерть и, наконец, Воскресение, — должны идти и учить все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И, уча, соблюдать всё, что Он заповедал им.

Эту заповедь, оставленную Спасителем ученикам после Воскресения, они принимают как благословение на главное

дело их жизни. Из последующей истории Церкви мы знаем, что ученики отправились с апостольской проповедью по лицу земли, каждый в свое странствие, дабы исполнить заветное от Спасителя.

Рассказывая о наказе Господа ученикам, апостол и Евангелист Марк приводит такие слова Спасителя: «Кто будет верить и креститься, спасен будет; а кто не будет верить, осужден будет» (Мк. 16: 16).

Сказанное чрезвычайно важно, ибо определяет два неперемennых условия принятия человеком спасительной Евангельской вести, два условия человеческого спасения.

Мы можем спастись, если имеем веру и крестились. Известно крещение покаянием, совершавшееся Иоанном Предтечей над иудеями в водах реки Иордан. Крещение, о котором говорит Спаситель, — также погружение в воду и омовение. Однако в этом Таинстве содержится новая реальность: это крещение во имя Единого Бога, в Троице прославляемого, — Отца, Сына и Святого Духа. Крещаясь во имя Божие, человек тем самым реально свидетельствует о своей вере, обнаруживает и исповедует ее, одновременно через омовение получая очищение и освобождение от грехов, и соединяется с тайной жизни Троицыного Бога.

Через апостольское служение учеников Христа весь род человеческий, все народы земли были призваны к просвещению светом Евангельской истины. Но всей жизни поколения людей апостольского века не хватило бы на то, чтобы исполнить эту грандиозную, поистине вселенскую задачу. К кому же тогда обращен призыв Спасителя учить и крестить все народы? Только ли к ученикам? Конечно, нет. Он обращен ко всем Его последователям — к тем, кто из рук апостолов примет апостольское служение: к епископам и священникам. Но не к ним одним. Этот призыв обращен также к каждому верующему во Христа человеку.

Важно понять: если мы осознаем и исповедуем себя верующими людьми, то должны помнить, что *«вера, действующая любовью»* (Гал. 5: 6), по природе своей активна. Мало только верить: каждый верующий призван передать свою веру другому человеку, поделиться с ним своим духовным сокровищем. И потому слова, сказанные Господом одиннадцати

апостолам, одновременно обращены ко всем членам Церкви Христовой. Каждый верующий должен принести свет Истины хотя бы одному неверующему, чтобы разделить с ним радость исповедания Иисуса Христа.

Из Первого послания к Коринфянам апостола Павла мы узнаем также и о том, что Господь по Воскресении *«явился более нежели пятистам братий в одно время»*, а потом *«явился Иакову»*, апостолу и Своему двоюродному брату (см. 1 Кор. 15: 6–7). Описание этих явлений не запечатлено в повествованиях евангелистов. Но это совсем не значит, что содержание этих бесед Спасителя с учениками утрачено последующими поколениями христиан. Многое из того, что не было зафиксировано на пергаментях, сохранилось как устное свидетельство, сберегавшееся первыми христианскими общинами и дошедшее до нас в виде Предания, которое до сих пор живет в Церкви Божией.

Через 40 дней после Своего Воскресения Господь являлся ученикам в Иерусалиме. Это Его последнее явление. Апостол и евангелист Лука повествует об этом так:

«И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше.

И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь» (Лк. 24: 44–53).

Так заканчивается Евангелие от Луки. А в другой книге Нового завета, также написанной Лукой, — Деяниях святых апостолов — мы находим более детальное повествование об этом событии:

«И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти...

Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: *мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо*» (Деян. 1: 4–7, 9–11).

Кажется странным, что апостолы радуются Вознесению Господа, тогда как должны были бы скорбеть. И радуются они не случайно.

Во-первых, Господь дает им обетование пришествия Святого Духа — они не остаются одни. Другая причина радости: Вознесение Господне есть Слава некогда поверженного, но затем воскресшего и победившего зло Спасителя. Вознесение — замечательный символ торжества Правды Божией, знак победы Христа над грехом.

Событием Вознесения заканчивается Евангельская история Иисуса Христа.

Но Вознесение — еще не заключительный акт истории спасения. Два мужа, представшие апостолам, предупредили их о том, что Господь вновь придет в мир — так же, как ныне вознесся в Славе. И только тогда, при конце человеческой истории, дело спасения будет завершено.

Интернет-порталы о Православии:

www.missionary.su Незнакомое православие

Сайт посвящен людям, не равнодушным к своему мировоззрению, ищущим Бога или хотя бы сомневающимся, а точно ли Его нет; чувствующим неудовлетворенность своим внутренним состоянием и обычным порядком вещей.

www.pravoslavie.ru Православие.ру

Интернет-проект Сретенского монастыря. На сайте представлен православный календарь, месяцеслов, можно найти аудиозаписи и объяснение богослужений, новости и статьи о жизни Церкви и Православии в мире. Есть возможность задать вопрос священнику.

www.pravmir.ru Православие и мир

Ведущий ежедневный интернет-журнал о Православии для тех, кто ищет дорогу к храму. Актуальные комментарии и интересные интервью, статьи об основах христианства и жизни Церкви.

www.foma.ru Журнал «Фома»

Интернет-портал православного журнала для сомневающихся «Фома» дает возможность узнать истории веры разных людей, найти ясные ответы на простые вопросы и вникнуть в глубокий разговор о сложном.

www.azbyka.ru Азбука веры

Портал-энциклопедия помогает найти ответы на главные вопросы человеку, сознательно приходящему к вере.

www.predanie.ru/groups Группы чтения Евангелия

Информация о группах совместного чтения Евангелия при православных храмах по всей России и за ее пределами.

Бесплатный справочный телефон о Православной вере и практических вопросах церковной жизни:

8 (495) 77-57-216 – для г. Москвы

8 (495) 66-515-88 – для Московской области

8-800-145-44-55 – для регионов России

Email для вопросов священникам: 6651588@bk.ru



Радио «ВЕРА» — это новая радиостанция, которая рассказывает современному жителю мегаполиса о вечных истинах Православной веры.

Мы вещаем 24 часа в сутки 7 дней в неделю. В нашем эфире — только светлая музыка, а среди наших программ — рассказы о любви, славных страницах истории, о детях и самых обычных жизненных радостях. Среди ежедневных программ нашей радиостанции — Церковный календарь, толкование Евангельских чтений, программы об истории, о воспитании детей и семейных ценностях.

Кроме разговорных программ, в нашем эфире звучит лучшая отечественная и зарубежная музыка.

Радио «ВЕРА» — проект инициативной группы православных мирян, заручившихся благословением Русской Православной Церкви. Мы хотим чтобы наше вещание становилось ближе к слушателю, поэтому команда радио «ВЕРА» открыта для сотрудничества.

«ВЕРА» — радио для тех, кто хочет верить.

КОНТАКТЫ

www.radiovera.ru

info@radiovera.ru

119334, Россия, г. Москва, Андреевская набережная, 2, корпус Б

ФОМА

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви. В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Создатели «Фомы» — журналисты Владимир Легойда и Владимир Гурболиков.

Журнал выходит ежемесячно тиражом 36 000 экз. и распространяется во всех храмах Русской Православной Церкви. Его также можно приобрести в печатных киосках или оформить на него подписку.

КОНТАКТЫ

Проконсультироваться по вопросам, связанным с подпиской, можно по телефону горячей линии отдела подписки по будням с 10.00 до 19.00:

+7 (495) 775-73-61,

+7 (800) 200-08-99 (звонок бесплатный).

www.foma.ru

podpiska@foma.ru

Москва, ул. Дружинниковская, д.15, офис 223



Издательство «Никея»

С 2008 года наш девиз — «Книги о главном». В четырех издательских направлениях — «Никея о вере», «Никея проза и стихи», «Никея семье» и «Никея детям» мы запускаем новые книжные серии, которые помогают найти себя в жизни, обрести веру, разрешить возникающие жизненные вопросы, воспитывать детей. Следуя православным традициям, мы в то же время привлекаем ведущих экспертов в различных областях знаний, чтобы показать, как можно находить ответы на главные вопросы нашей жизни в многовековом опыте христианской культуры.

Тщательный подбор авторов и иллюстраторов, качественное изготовление и интересные темы скрыты под обложками наших книг. Мы надеемся, что вы разделите с нами нашу любовь к хорошим книгам, рассказывающим о самых главных в жизни вещах.

КОНТАКТЫ

www.nikeabooks.ru

info@nikeabooks.ru

+7 (495)600-35-10

г. Москва, ул. Рябиновая, д. 19

Пасхальная весть



Поздравляем
с Пасхой Христовой!

Русская Православная Церковь

Мобильное приложение «Пасхальная весть»

Приложение выпущено в поддержку ежегодной акции «Пасхальная весть».

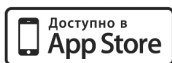
Теперь книга «Пасхальная весть» доступна как приложение на Android - устройствах, iPhone и iPad!

Особенности приложения:

- Размер шрифта можно увеличить для удобства чтения
- Дневной и ночной режим чтения



Google play





Благотворительный фонд Святителя Василия Великого

Фонд был учрежден в Москве в 2007 г. Свою главную цель Фонд видит в создании благоприятных условий для роста и развития молодого поколения в России, для достойной реализации его творческого потенциала и возможностей. Таким образом, приоритеты Фонда состоят в осуществлении благотворительной деятельности, направленной на поддержку детского здравоохранения, развитие системы образования и воспитания, укрепление института семьи и защиту детства.

В деле реализации своей стратегической цели Фонд нашел верного союзника в лице Русской Православной Церкви. Мы твердо полагаем, что вековые духовно-нравственные традиции Церкви — это тот фундамент, на котором нужно возводить будущее здание нашего Отечества. Осуществляя тесное сотрудничество с Церковью в рамках ее обширных социальных программ, Фонд также содействует восстановлению шедевров русского церковного зодчества и строительству новых храмов и монастырей.

Это один из крупнейших частных благотворительных фондов России.

В долгосрочной перспективе благотворительная деятельность Фонда сфокусирована на следующих направлениях:

- Просвещение;
- Милосердие;
- Храмы и монастыри;
- Специальные проекты (смежные с другими проектами Фонда).

В Попечительский Совет Фонда входят представители Русской Православной Церкви, творческой и научной интеллигенции, а также деловых кругов.

КОНТАКТЫ

www.ruscharity.ru

help@ruscharity.com

+7 (495) 594-05-05

г. Москва 125009, ул. Тверская, д.7, а/я 45,



Помочь может каждый!

Служба помощи «Милосердие» действует по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и объединяет 23 социальных проекта и 2 благотворительных программы.

Служба «Милосердие» помогает детям, инвалидам, одиноким старикам, людям, оказавшимся в кризисной жизненной ситуации. Количество наших подопечных постоянно растет, в 2012 году служба помогла более чем 42 000 нуждающихся.

Деятельность службы «Милосердие» более чем на 70% осуществляется на пожертвования частных лиц.

Вы тоже можете помочь нашим подопечным, став Другом милосердия.

Узнайте подробности на сайте

www.друзьямилосердия.рф

Понемногу от многих — это спасает жизни!



*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р15-502-3006*

ПАСХАЛЬНАЯ ВЕСТЬ

Кирилл Патриарх Московский и вся Руси

Для бесплатного распространения

Редактор *Татьяна Стрыгина*

Дизайнер обложки *Антон Героев*

Верстка *Дениса Гуськова, Никиты Власкина*

Корректор *Наталия Богоявленская*

Партнеры проекта:

Благотворительный Фонд святителя Василия Великого

Издательство «НИКЕЯ»

Синодальный информационный отдел

Русской Православной Церкви

Издательский Совет Русской Православной Церкви

Миссионерский отдел Московской епархии www.infomissia.ru

Журнал «Фома» www.foma.ru

Радио «ВЕРА»

АНО «Центр Никея»

121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19

www.nikeabooks.ru

Тел.: +7 (495) 600 3510

Подписано в печать 15.01.2015. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 20. Тираж 100 000 экз.

ISBN 978-5-91761-416-8

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных
издательством электронных носителей

в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

www.sarapk.ru